

К-67

КОЛЧАКОВЩИНА

ИЗ БЕЛЫХ МЕМУАРОВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И
СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ
СТАТЬЕЙ

Н.А.
КОРНАТОВСКОГО

ИЗД.
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“
1930

М-94586.

21. 04. 2012

27. 04. 2017

5. МАР 1980

17. МАР 1982

31. ОКТ 1983

21. ЯЗ 2012

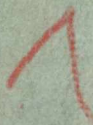
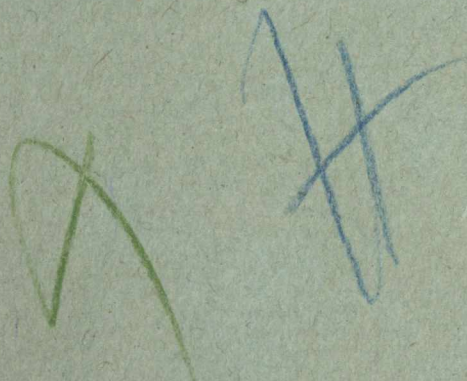
21. ОКТ 1984

26. ИЮЛ 2004

16. 02. 2013

03. ИЮН 1998

02. 02. 2012

22 ДЕК 1981

W

2

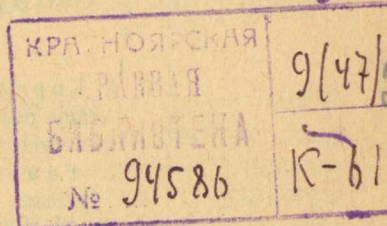
14.5.11.

A

Колчаковщина
Враст. упр.

КОЛЧАКОВЩИНА

ИЗ БЕЛЫХ МЕМУАРОВ

Под редакцией и со вступительной статьей
Н. А. КОРНАТОВСКОГО

Изд-во „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“
Ленинград — 1930

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

	стр.
Н. А. Корнатовский.—Основные этапы развития восточной контр- революции	3
✓ Г. К. Гинс.—Сибирь, союзники и Колчак	20
М. Жанен.—Отрывки из моего си- бирского дневника	103
Н—Декабрьские дни 1919 г. в Иркутске.	146
Переговоры о сдаче власти Омским правительством Политическому центру (стенографический отчет).	176

Основные этапы развития восточной контр-революции.

В годы гражданской войны Восточный фронт СССР являлся одним из основных фронтов республики. Был период, когда борьба с восточной контр-революцией привлекала исключительное внимание Советского государства. Только максимальным напряжением всех сил страны удалось сломить вооруженную мощь противника.

Образование Восточного фронта относится к лету 1918 года. В конце мая 1918 г. восстал против Советской России находившийся на ее территории чехо-словацкий корпус. Чехо-словаки, двигавшиеся эшелонами во Владивосток с целью эвакуации во Францию, растянулись вдоль всей сибирской железнодорожной магистрали, при чем хвост эшелонов находился в районе Пензы и Сызрани, а голова приближалась к Владивостоку. Среди чехо-словаков велась усиленная агитация, преследовавшая цели восстановления их против советской власти. Вся контр-революционная работа среди чехов базировалась исключительно на провокации. В сознание рядового бойца внедрялось опасение за свою личную жизнь и понятие о советской власти, как о злейшем его враге. Ликвидация советской власти должна была, якобы, принести благополучие чехо-словацкому корпусу. В этой работе заключалась одна сторона деятельности внутренних агентов контр-революции.

Восстановление против советской власти рядовой массы чехо-словаков подкреплялось более сильными аргументами. В судьбе корпуса был заинтересован преимущественно

французский империализм, представители которого, в лице хотя бы французского посла в России Нуланса, являлись идейными руководителями всей контр-революционной работы среди чехо-словаков. Они сулили большие материальные блага чехо-словакам в случае их вооруженного выступления против Советской России. Было обещано, что с момента восстания каждый рядовой боец будет получать вместо 5 руб. 200 руб. в месяц на всем готовом; жалованье офицерам значительно увеличивалось. На нужды корпуса за время с 7 марта и до момента восстания представители Франции и Англии отпустили около 15 миллионов рублей, при чем 11.188.000 рублей было ассигновано Францией, 3.600.000 руб. — Англией. Наконец, союзники обещали признать независимость Чехо-Словакии, об образовании которой они должны были позаботиться при подведении общих итогов мировой империалистической войны.

Отпущенные Францией суммы были ценой купли чехо-словацкого корпуса. Руководители Чехо-словацкого национального комитета дали свое согласие на выступление корпуса против Советской России.

26 мая чехами был захвачен Мариинск, 27 — Челябинск и Новониколаевск, 28 — Нижнеудинск, 29 — Канск, Пенза, Сызрань, 31 — Петропавловск, Тайга, Томск, 2 июня — Курган, 8 — Самара, 9 — Омск и т. д. Против Советской России сразу образовался фронт в развернутом волжско-сибирском масштабе.

Вооруженное восстание чехо-словаков вызвало в свою очередь активность русской отечественной контр-революции. Ликвидация советской власти в Сибири и в Поволжье происходила под знаком совместного выступления чехо-словаков и русских белогвардейцев. При поддержке иностранного штыка восточная контр-революция подняла свою голову, приступила к «созидательной» работе. В Самаре, после занятия ее чехами, был образован т. н. «Самарский комуч» — Комитет членов Учредительного собрания, претендовавший на выполнение правительственных функций в общероссийском масштабе. В Сибири после свержения советской власти чехами объявил себя властью Западно-сибирский комиссариат, резиденцией которого был Новониколаевск, а затем Омск. В Екатеринбурге было сформировано Уральское областное правительство.

Отличительной чертой этого фазиса прилива контр-революционной волны было то, что движущей силой ее явилась демократическая, мелко-буржуазная контр-революция. При поддержке империалистических государств, преимущественно Франции, основной тон событиям в Сибири и в Полюрья придавали эсеро-меньшевистские организации. Плоды вооруженного выступления чехо-словаков пыталась реализовать местная и эмигрировавшая из Советской России русская демократия. Лето 1918 года в основном было периодом особого служения «социалистов» капиталистам.

Однако, эта волна мелко-буржуазного движения не могла быть сколько-нибудь продолжительной. В природе мелко-буржуазной контр-революции были заложены начала ее неизбежной гибели. Классовая борьба в России, принявшая формы вооруженной гражданской войны, исключала всякую возможность длительного существования промежуточных звеньев, как вполне самостоятельного течения между пролетариатом и буржуазией. Быстро поднявшись на поверхность политической борьбы эсеро-меньшевистская контр-революция, в течение сравнительно непродолжительного отрезка времени придающая основной тон движению, еще быстрее, а в некоторых случаях и с катастрофическими для себя последствиями, эволюционировала в сторону военной диктатуры. Классической иллюстрацией закономерности процесса гражданской войны в России и является наступление быстрого конца господства демократической, мелко-буржуазной контр-революции в Сибири.

Наивысшим пределом успеха чехо-словаков было занятие ими 6 августа 1918 г. Казани. Дальнейшее продвижение их вглубь Советской России и расширение сферы политического господства Самарского Комуча было приостановлено. Вооруженные силы Советской России стали выходить из состояния партизанских и полупартизанских отрядов. Зарождались регулярные части Красной армии. Проходила строжайшая революционная централизация всех сил, действующих на отдельных боевых участках. Партийные, профессиональные и общие мобилизации вливали свежие силы в ряды Красной армии. Под угрозой неприятельского нашествия создавался советский Восточный фронт.

Оборона Свияжска в 1918 г. является основным показателем не столько количественного, сколько качественного

роста Красной армии. Партийная насыщенность красноармейских частей, укомплектованных преданным советской власти командным составом, переход от партизанщины к регулярной дисциплинированной армии — дали возможность поднять политико-моральное состояние частей до уровня понимания стоящей перед ними революционной задачи. Постепенное увеличение численности и рост качества красноармейских частей позволили от обороны перейти вскоре к наступлению.

В лагере противника происходил обратный процесс. Российские демократы-учредилорцы оказались не в состоянии закрепить свою власть. Формировавшаяся Самарским комучем народная армия была слишком далека от выполнения этой задачи. Буржуазия быстро разочаровалась в работе социалистов и требовала военной диктатуры. Чехо-словаки, продавшиеся французскому империализму и по его указке оказавшиеся в состоянии вооруженной борьбы с Советской республикой, не только перестали быть надежным оплотом российской отечественной мелко-буржуазной контрреволюции, но и потеряли уверенность в свои собственные силы. Чужеродный организм, оперировавший на захваченной Великим Октябрем российской территории, стал перед фактом своего собственного бессилия искусственными преградами задержать естественный революционный процесс.

Представители французского империализма обеспокоились создавшимся положением дел. Для удержания чехо-словаков на фронте нужна была помощь русской демократии, но, с другой стороны, ставшая у власти на освобожденной территории русская демократия была и не организована и слишком разношерстная по своему составу. По мнению деятельных руководителей анти-советского движения на Востоке выходом из положения могли явиться только консолидация всех сил русской демократии и образование единого всероссийского правительства. Но разрешение этого вопроса не могло стать актом добровольного соглашения между Самарским комучем и Сибирским правительством. Притязания комуча стать центральным всероссийским правительством встретили сильный отпор со стороны Сибирского правительства, один

из представителей которого презрительно отзывался о «комбинации из 30 самарских эсеров». Понадобилось серьезное вмешательство французских дипломатов, чтобы разговоры по вопросу о создании центрального правительства привели наконец к желательным результатам. В связи с этим на 23 — 25 августа было созвано в Челябинске совещание представителей омского, екатеринбургского и самарского правительств, казачества, «Союза возрождения», центральных комитетов партий: эсеров, меньшевиков и кадетов, представителей чехо-словаков и союзников и всех находившихся налицо членов Учредительного собрания. Однако, челябинское совещание вопрос о правительстве оставило открытым. Понадобился опять нажим союзников, в результате которого было решено созвать на 1 сентября государственное совещание в Уфе. Совещание это открылось 8 сентября и закончилось 23 сентября. Вопрос о власти был разрешен. После долгих препирательств было принято постановление об образовании Директории из 5 человек. Персональный состав Директории, как всероссийской власти, фактически сложился из 2 эсеров — Авксентьева и Зензинова, 2 кадетов — Виноградова и Вологодского и 1 беспартийного — генерала Болдырева. Последний был назначен и верховным главнокомандующим белыми армиями на Востоке. Таким образом, как будто бы выход из положения был найден, — покончено с правительственной неразберихой, силы контр-революции консолидировались, создано центральное политическое и военное руководство...

Однако, была проделана только часть работы и при том по существу незначительной. Основной и серьезнейший вопрос о том, на какие слои населения будет опираться Директория, разрешался жизнью. Сосредоточение всей власти в руках Директории было только обманчивой видимостью. Ликвидация советской власти в Сибири, проведенная чехами и русскими белогвардейцами меньшевистко-эсеровского толка, подняла на ноги местную торгово-промышленную буржуазию. Фактическим распорядителем дальнейших событий становился тот класс, который был основной движущей силой отечественной контр-революции. На смену мелко-буржуазному, демократическому движению должна была прийти крупная торгово-промышленная

буржуазия, власть от Директории должна была перейти в руки военного диктатора. Таков был исторически-неизбежный путь развития белого движения в годы гражданской войны.

Параллельно усилиям демократический контр-революции происходила спешная работа внутри буржуазных группировок Сибири, Урала и Поволжья. Торгово-промышленная буржуазия предъявляла свои требования и форсированным темпом стремилась к установлению военной диктатуры. 7 сентября в Уфе состоялся т. н. Всероссийский торгово-промышленный съезд, на котором была принята политическая программа, построенная на началах единовластия. В первом пункте программы говорилось о необходимости передачи всей военной и гражданской власти верховному главнокомандующему; второй пункт говорил о том, что министерства военное и морское, а также государственный контроль над общегосударственными и местными финансами должны находиться в исключительном ведении верховного главнокомандующего; шестой пункт — об ответственности перед верховным главнокомандующим Совета министров; девятый пункт — об утверждении верховным главнокомандующим всех законодательных мер общегосударственного характера, выработанных в Совете министров.

15 октября в Омске организовался Национальный блок из промышленников и местных кадетов, своей центральной задачей считавший пропаганду идей единоличной военной диктатуры. В период с 20 по 24 октября в Екатеринбургe заседал Уральский областной торгово-промышленный съезд, состоявший из представителей уральской буржуазии. Этот съезд также высказался за военную диктатуру. Одновременно с этим происходил целый ряд отдельных совещаний представителей Национального центра, объединявшего все сливки буржуазно-помещичьей контр-революции, с различными лицами, могущими быть полезными при отстранении от власти Директории и установлении военной диктатуры. В общем, осенью 1918 г. «идея диктатуры носилась в воздухе. Ее культивировал Национальный центр, ее признал и пропагандировал торгово-промышленный класс» — как пишет Г. К. Гинс. События на фронте заставили торопиться с переворотом.

Красная армия 3 сентября овладела Красноуфимском и Сызранью, 13 сентября — Казанью, 15 — Симбирском и Вольском, 7 октября — Самарой. Особенности успехи красноармейские части одерживали на центральных направлениях Восточного фронта и после взятия Самары устремились на Уфу. Опасения за восстановление вновь советской власти на Урале и в Сибири послужили лишним толчком для немедленного разрешения наболевшего для контр-революции вопроса о власти.

17 ноября началась уже непосредственная практическая подготовка переворота. В здании военно-промышленного комитета состоялось совещание иностранных генералов, представителей партии к-д, омского «Союза возрождения» и других организаций, на котором почти единодушно был решен вопрос о переходе власти к военному диктатору. Одним из кандидатов в диктаторы был намечен адм. Колчак, сравнительно недавно прибывший в Омск и исполнявший обязанности военного и морского министра. Кандидатура Колчака была решительно поддержана англичанами, он пользовался в их среде авторитетом и с момента прибытия в Омск мог располагать специальным английским отрядом полк. Уорда. Результаты этого совещания, как и предмет предшествовавших ему разговоров, не являлись тайной для Колчака. 16 ноября Колчака посетила делегация от группы офицеров и предложила ему принять «верховное руководство армией и народом». Техническое выполнение переворота и было поручено совещанием этим членам делегации.

18 ноября власть Директории пала. Наличные члены Директории (кроме Вологодского) — Авксентьев и Зензинов были арестованы, такая же участь постигла и других их соратников. На экстренном заседании совета министров вся власть как военная, так и гражданская была передана адм. Колчаку, которому присваивался титул верховного правителя. Сразу же при Колчаке был образован и совет министров, во главе которого стал бывший член Директории, Вологодский.

Начался новый этап в жизни восточной контр-революции. Против Советской республики выступила сибирская реакция. Восстановление прежнего государственного режима стало практическим лозунгом дня, несмотря на обранные в этом заверения диктатора. Колчаковщина — оружие

крупной буржуазии, выражение ее объединения и временной победы, белый террор, реставрация. Колчаковщина была наиболее приемлемой формой для противосоветского похода отечественной контр-революции. Железом и кровью она пыталась гальванизировать свой труп, террором против пабочего класса и крестьянства Сибири — поддержать белое движение.

Новая власть с первых же дней своего существования оказалась перед фактом враждебного отношения к ней трудящегося населения Сибири. Последнее не поддерживало ни власти Директории ни власти Колчака. Оно одинаково враждебно относилось ко всякому антисоветскому движению. И с первых же дней колчаковщины в различных районах Сибири стали зарождаться очаги красного партизанского движения. В течение всего 1919 г. сибирское партизанство давало о себе знать колчаковской администрации. Особую выдержку и упорство проявляли партизаны в Приенисейском крае. Там существовали две маленькие советские республики — Тасеевская и Степно-баджейская, — приковавшие к себе весной и особенно летом 1919 г. большое количество колчаковских войск.

Колчаковщина гнила постепенно, никакие меры диктатора и его правительства не могли предупредить внутреннего процесса разложения, который стал приближать конечную гибель сибирской контр-революции. Мимолетная победа колчаковской армии в марте-апреле 1919 г., прорвавшей фронт 5-й красной армии в районе Уфы и в дальнейшем направившейся на Казань и Самару, — завершилась надрывом ее мощи, благоприятным для советского оружия переломом на Восточном фронте. Специально созданная Южная группа Восточного фронта под командованием М. В. Фрунзе нанесла ряд сильных ударов по зарвавшемуся противнику. В результате ожесточенных боев он должен был начать свое обратное движение.

Части Красной армии, разбив заслон противника у Бугуруслана, сергиевскую и белебеевскую группы, к 9 июля заняли Уфу, 13 июля Златоуст, 14 — Екатеринбург. Преодолев Уральский хребет, Красная армия вышла на сибирские равнины и форсированным маршем двигалась вдоль Сибирской железнодорожной магистрали. Противник, не имея возможности оказывать серьезное сопротивление,

поспешно отступал. Над колчаковщиной нависла грозовая туча. Военная диктатура, революционным путем ставшая у власти, оказалась и сама под серьезной угрозой быть сметенной действительно революционной волной, с колоссальной силой идущей из советского центра по контр-революционной периферии Востока.

Попытки Колчака упрочить свое положение не принесли соответствующих результатов. Помимо сильного напора революционных сил извне и изнутри, колчаковщина раздиралась собственными, заложенными в самом характере ее происхождения, противоречиями. Атаманщина со собственными ей чертами самостийности была бичом единой верховной власти. Постоянные интриги в руководящем составе колчаковской администрации исключали возможность планомерного и своевременного разрешения злободневных вопросов фронта и тыла. ✕ Состояние тыла находилось в прямой прогрессии от положения на фронте. Тыл воспроизводил недостатки фронта. Никакой помощи фронту он оказать не мог. Если на фронте происходила вооруженная борьба двух классовых сил, то и в глубоко колчаковском тылу велась неослабевающая классовая война. В распоряжении военной диктатуры не было реальных средств воспрепятствовать этому вполне закономерному процессу.

Не находила колчаковщина реальной поддержки и у союзников. Последние на русской территории занимались своими делами. При чем реализации разгоревшихся аппетитов на лакомые русские куски одной империалистической страны пыталась воспрепятствовать другая империалистическая держава, принимавшая участие в интервенции. Америка следила за Японией, Англия и Франция следили друг за другом. Единого реального фронта между интервентами не было. Не было и единой помощи Колчаку. Французский ген. Жанен распоряжался всеми союзническими, за исключением японских, силами на Востоке России, английский ген. Нокс ведал вопросами союзнического снабжения колчаковской армии, и ни один из них не заслужил похвалы от русских белогвардейцев. Колчак — ставленник английского империализма и его покорный слуга не получил должной материальной поддержки от своих хозяев. Франция неослабно следила за английской политикой на Востоке

Советской России и не допускала гегемонии Англии над колчаковщиной. За все доставленное союзниками военное имущество Колчак расплачивался золотой валютой. Наличие русского золотого запаса, доставшегося ему по наследству от Директории, позволяло Колчаку производить различного рода торговые операции. Но все то, что им получалось за плату или безвозмездно от союзников, быстро таяло, а затем стало переходить в руки Красной армии. Америка оказывала свою помощь только на условиях компенсации. Наличие незначительных вооруженных сил С.-А. С. Ш., Англии и Франции на территории Дальнего Востока могло способствовать до поры до времени подъему морального состояния колчаковцев. Реальной помощи фронту эти союзнические части, как правило, не оказывали. Располагавшиеся же там значительные японские войска своим поведением внушали даже опасения омскому правительству. Находясь на острие собственных противоречий, колчаковское правительство доброжелательно относилось к противояпонской политике Америки. Америка и служила силой, противодействующей японской агрессии.

Противоречия империалистических государств, принявших участие в интервенции против Советской России, не способствовали жизнеспособности колчаковщины. Под ударами Красной армии на фронте, партизанов в тылу, на фоне противоречий интервентов и атаманищины рвались последние скрепы контр-революционного организма.

Последние дни колчаковщины приближались с молниеносной быстротой. Последнее организованное сопротивление противника Красная армия встретила на линии Ишим — Петропавловск, при чем в результате боев она вынуждена была временно приостановить свое дальнейшее наступление и отойти назад за р. Тобол. Но после получения значительного подкрепления, красноармейские части 14 октября вторично форсировали Тобол, 30 октября заняли Петропавловск, 14 ноября — Омск, 22 декабря — Томск, 24 — ст. Тайга, 30 — Мариинск. В середине декабря Минусинск и Красноярск были захвачены партизанами, 21 декабря в Черемхове поднялось рабочее восстание против колчаковщины.

При такой обстановке было вполне очевидным наступление быстрого конца колчаковщины. Омское правительство,

переехавшее в Иркутск, пыталось найти выход из этого положения и занялось спешной разработкой вопроса о сотрудничестве с общественностью.

Колчак, застрявший в пути к Иркутску, с трудом подавался на различного рода советы о привлечении общественной опоры правительству. Но кое-какие меры принимал и он, — было образовано так называемое верховное совещание, премьер-министром вместо Вологодского был назначен Пепеляев, 15 декабря был издан указ о назначении генерала Деникина преемником верховной власти.

Господами положения на Сибирской железной дороге оказались чехи. Они запрудили всю линию и сплошными эшелонами двигались на Иркутск и дальше на Восток. Эвакуация колчаковских тылов происходила в последнюю очередь. Некогда боевой авангард русской контр-революции — чехо-словаки отступали сейчас под прикрытием колчаковской армии. Даже сам верховный правитель не имел возможности поставить в одинаковое положение с чехами свою отступавшую армию. Силы белогвардейцев таяли, и Колчак фактически потерял власть, оставаясь только формально во главе ее.

Представители союзников были поставлены перед фактом катастрофы. Все их надежды на военную диктатуру были разбиты конкретной действительностью. Взоры их обратились на те «государственно-мыслящие» группы сибирской общественности, которые с первых дней диктатуры служили объектом правительственных гонений. Последние стали выходить из состояния пассивности и готовились при благосклонном отношении союзников к вооруженному выступлению.

Зарождались ростки нового и последнего этапа деятельности восточной контр-революции. Колчаковщина — продукт гегемонии торгово-промышленной буржуазии — стояла на грани своего отмирания. Мелко-буржуазная демократическая контр-революция вновь стала у порога власти. Колчаковщина привела к тому, что привело к колчаковщине. Мелко-буржуазному движению суждено было не только начать, но и закончить деятельность восточной контр-революции. И как начальный период жизни сибирской контр-революции, так и последний — проходил под знаком активного участия эсеров и меньшевиков.

Новый этап не был долговечен. Эсеры и меньшевики не являлись выразителями действительных стремлений трудящихся масс Сибири, не имели среди них поддержки и всплыли на поверхность политической борьбы в условиях краха колчаковщины. X

За несколько дней до приезда колчаковского правительства в Иркутск, там по инициативе земской управы 12 ноября 1919 г. было созвано всесибирское совещание земств и городов. На совещании был создан так называемый Политический центр, как руководящий орган намечавшегося переворота. Туда вошли представители всесибирского краевого комитета партии эсеров, бюро сибирских организаций меньшевиков, земского политического бюро, Сибирского центрального комитета объединений трудового крестьянства. Это был временный блок, которому суждено было написать последнюю главу восточной контр-революции. Политический центр существовал нелегально, но работа его сторонников проходила открыто. В некоторых городах власть переходила в руки местного земства.

24 декабря восставшим колчаковским гарнизоном при поддержке рабочих были заняты Глазково и станции Военный городок, Иннокентьевская и Батарейная. Начались боевые действия между восставшими и колчаковскими частями. Восставшие в критические для себя минуты получали поддержку от рабочих и партизан. У защитников же власти Колчака — русских белогвардейцев руки были связаны их бывшими союзниками. Чехи держали нейтралитет и совместно с американским батальоном приводили в пассивное состояние японцев.

С момента восстания в Иркутске колчаковский Совет министров передал свои полномочия чрезвычайной тройке в составе Червен-Водали, Ларионова и генерала Ханжина. С членами этой тройки вступили в переговоры представители Политического центра, при чем упорство первых было сломлено вмешательством французского генерала Жанена. Со 2 января 1920 г., в поезде Жанена начались официальные переговоры колчаковских министров с Политическим центром. В этих переговорах самым характерным являлась политическая платформа центра, представитель которого Ахматов прямо заявил, что демократическое правительство не покидает мысли о борьбе с большевизмом. Политический

центр лелеял надежду на потерю боеспособности красноармейских частей и в связи с этим считал вполне реальной свою власть. Однако колчаковские министры не могли довериться заявлениям демократии. Переговоры затягивались и только бегство колчаковцев из Иркутска принесло победу Политическому центру.

5 января 1920 г. власть официально перешла к Политическому центру. В тот же день Колчак из Нижнеудинска отдал указ о передаче всей полноты военной и гражданской власти на «всей территории Российской восточной окраины» атаману Семенову. 6 января новой властью был опубликован «манифест ко всему населению Сибири», где провозглашалось восстановление гражданских свобод, созыв на 12 января Временного сибирского совета народного управления и т. д. Сама власть характеризовалась, как «власть гражданского мира». Там же говорилось и о том, что новая власть немедленно приступит к установлению перемирия на советском фронте и начнет переговоры с советским правительством «на основе гарантирования самоуправления областей, освобожденных от реакции и не занятых армией Совета народных комиссаров».

Дни власти Политического центра проходили в обстановке враждебного отношения к нему трудящегося населения. На многочисленных митингах среди рабочих и партизанских отрядов выносились постановления с требованием немедленного ухода союзников, ареста Колчака и т. п. В Жигалеве, Балаганске, Усть-Кутске, Черемхове и других крупных пунктах власть перешла к революционным комитетам. Лозунги Политического центра были чужды рабочим и крестьянам Сибири.

Под сильным напором масс Политический центр вынужден был, наконец, обратиться к союзникам с требованием передать в его распоряжение Колчака. Чехи отнеслись к этому требованию сочувственно из-за личных опасений за успешность дальнейшей эвакуации своих эшелонов на Восток. 14 января Иркутск покинули представители союзников, а 15 января вечером Колчак и Пепеляев были переданы в руки Политического центра, который заключил их в тюрьму и назначил специальную следственную комиссию для ведения дела арестованных.

Этим актом Политический центр пошел навстречу требованиям масс, но удовлетворить хоть сколько-нибудь их остальные требования он не мог. Власть центра быстро изживала себя. В сложившейся обстановке, в Сибири не было никакой силы, которая могла бы задержать надвигавшуюся революционную волну. Попытки организовать свою армию Политическому центру не удалось. Это было его бедой. Отсутствие реальной силы и привело к тому, что 22 января 1920 г. закончился заключительный этап восточной контр-революции. Власть в Иркутске перешла к Военно-революционному комитету. Революция восторжествовала на всей территории Сибири до Байкала. 7 февраля 1920 г., постановлением Иркутского военно-революционного комитета были расстреляны Колчак и Пепеляев, а 7 марта в Иркутск вошли части Красной армии.

Восточный фронт Советской России был ликвидирован. Ни демократической контр-революции ни монархической реакции не удалось задержать развертывания естественного революционного процесса. В условиях ожесточенной гражданской войны российская отечественная контр-революция была обречена на гибель. Отсутствие единого реального фронта империалистических государств, в силу их собственных противоречий, предопределило гибель белого движения в России. Беззаветная преданность делу Октябрьской революции рабоче-крестьянской Красной армии и всех трудящихся, шедших на борьбу с контр-революцией под руководством Коммунистической партии, обеспечила победу первой в мире Советской социалистической республики.

Десятилетнюю годовщину со дня окончательного разгрома колчаковщины трудящиеся массы Советского союза отмечают великими победами на фронте социалистического строительства. Как на военном фронте в годы гражданской войны, так и на фронте социалистического строительства в годы мирной передышки трудящиеся массы Союза идут под знаменами ленинской партии. В этом причина их прошлых побед, и залог — будущих.

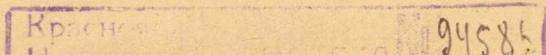
* * *

Предлагаемый вниманию читателей сборник составлен из воспоминаний активных деятелей колчаковщины и освещает период с конца 1918 по начало 1920 гг. Собранный

в сборнике материал на $2\frac{1}{2}$, публикуется в советском издании впервые, сюда относятся воспоминания Гинса и стенографический отчет переговоров колчаковского правительства с Политическим центром. Воспоминания французского генерала Жанена и очерк Н перепечатываются из мало-распространенного и малоизвестного широкому кругу советских читателей журнала «Сибирские огни».

Гинс в своих воспоминаниях дает любопытную картину того, как создавалась в Сибири военная диктатура и какие меры принимались для ее спасения. В период агонии колчаковщины омские министры, в том числе и сам Гинс, хватались за всякую соломинку, чтобы приостановить надвигающуюся катастрофу. Бурные заседания министров стали проходить под знаком установления «истинных» виновников поражения. Ограниченный политический кругозор их, однако, не давал возможности разобраться в происходивших событиях. Гинс очень наглядно показывает это в своих воспоминаниях. Виновников стали искать среди военных, политика же самого правительства считалась как будто бы безукоризненной. Фальшиво звучат неоднократно повторяемые Гинсом слова о том, что в Сибири была установлена конституционная диктатура. Фактическая сторона событий, освещенная в его же воспоминаниях, полностью опровергает это утверждение. Стратегия не была подчинена политике, последняя не способствовала победам на фронте и укреплению тыла. Но это отнюдь не разрешает вопроса о поражении генералов. Все белые генералы делали одно контр-революционное дело, — именно поэтому они и были раздавлены революцией вместе с возглавлявшим их Колчаком.

В воспоминаниях Жанена отражена другая сторона жизни сибирской контр-революции. Он являлся блюстителем интересов французского империализма в Сибири и на Дальнем Востоке и с этой точки зрения рассматривал все злободневные вопросы. Располагая чехо-словацким корпусом, Жанен был весьма авторитетным «советником» в стане Колчака. Наконец, его воспоминания местами вскрывают тот узел империалистических противоречий, который был завязан в Сибири. Отсюда читатель составит представление о том, что же было в действительности основной задачей всех «союзников» Колчака, в том числе и Франции.

Очерк N освещает фактическую сторону декабрьских событий в Иркутске и приподнимает завесу с закулисной деятельности чехо-словацких руководителей и представителей местной демократии. Широкая осведомленность N в этих вопросах сменяется, однако, его полным неведением о деятельности подпольных, большевистских организаций. Отсюда вытекает ряд неправильных утверждений автора, сводящихся к переоценке роли демократических элементов в иркутских событиях и недооценке значения работы большевиков.

Стенографический отчет переговоров о передаче власти Омским правительством Политическому центру является чрезвычайно интересным документом. Здесь очень отчетливо выявлено подбострастное поведение последних колчаковских министров при переговорах с союзниками. Червен-Водали, например, затратил много времени и энергии на ведение этих переговоров. Он начинал с того, что запрашивал мнение представителей союзных государств по поводу начавшихся катастрофических событий в колчаковском тылу. При чем сам он не обращался к ним с прямой просьбой о помощи. Такой вывод должны были сделать сами союзники. Но это, так сказать, форма; существо запросов Червен-Водали заключалось именно в том, чтобы выпросить у своих хозяев помощи для подавления начавшихся восстаний вокруг Иркутска.

Весьма любопытным является также поведение представителей Политцентра. Они не исключали возможности в дальнейшем вести борьбу с большевизмом, но не имели крепкой армии, чтобы начать борьбу. Основные принципы, которыми руководствовались представители Политцентра, были: 1) переход к «чисто-демократической» конституции и 2) получение отдыха, передышки для преобразования армии и страны. Политцентр находился в плену иллюзий, полагая, что Красная армия, уральские и пермские крестьяне, не пойдут дальше на Иркутск, когда узнают об образовании там «истинной» демократической республики. Дальнейшее показало всю иллюзорность их надежд. В общем, эти переговоры, как и взаимоотношения главных участников в целом, напоминают дележку шкуры с убитого медведя.

Такова краткая характеристика этого интересного помещаемого в сборнике материала.

Советская литература по гражданской войне на Восточном фронте не особенно богата. Есть, правда, некоторое количество воспоминаний ряда очевидцев событий, изданы сборники, составленные по материалам Центрархива, но нет капитальных работ, где бы всесторонне освещалась борьба с восточной контр-революцией. Интерес же к этой теме большой. Чтение подобной белой мемуарной литературы, хотя и не создающей полного представления по целому ряду серьезных вопросов, способно все-таки усиливать тягу к исторической книге. Поэтому нельзя не рекомендовать читателям хотя бы нескольких основных советских изданий, посвященных истории 1918—1920 гг. В числе таких книг можно указать:

Вера Владимирова — «Год службы «социалистов» капиталистам», гос. изд., 1927 г.; П. С. Парфенов — «Гражданская война в Сибири 1918—1920», гос. изд., Москва.; П. С. Парфенов — «Борьба за Дальний восток», «Прибой», 1928 г.; В. Г. Яковенко — «Записки партизана», гос. изд., 1925 г.; Рагозин — «Партизаны Степного Баджея», «Новая Москва», 1926 г.; П. Е. Щетинкин. — «Борьба с колчаковщиной», Сибкрайиздат, Новосибирск, 1929 г.; «Последние дни колчаковщины», сборник Центрархива, гос. изд. 1926 г.

Ознакомление с этой литературой позволит читателям составить себе ясное представление о тех великих событиях, которые сопутствовали первым годам существования Советской России. И если настоящий сборник вызовет интерес к исторической книге, то уже одного этого будет достаточно, чтобы его появление на книжном рынке было оправдано.

Сибирь, союзники и Колчак ¹.

ГЛАВА I.

Переворот 18 ноября.

Рано утром меня разбудил секретарь Вологодского.

— Вы ничего не знаете?

— Нет.

— Директория арестована! Сейчас экстренное заседание Совета министров.

Еду в Совет министров. По дороге встречаю Вологодского, в сопровождении только-что прибывшего из Томска Гаттенбергера и большого конвоя. В здании Совета еще не все министры, многие взволнованы. Никто ничего не знает, Вологодский не осведомляет. — Подождите, — говорит, — сразу скажу.

Приходит Колчак. Он только-что прибыл с фронта, куда поехал сейчас же по назначении его министром. Рассказывает о теплой встрече, которая ему была оказана, о тяже-

¹ Г. К. Гинс — „Сибирь, союзники и Колчак“, т. I и II. Пекин, 1921 г.

Автор, бывший одно время управляющим делами Совета министров при Колчаке, дает богатый материал по истории гражданской войны в Сибири в течение 1918 — 1920 гг. Однако тенденциозность и односторонность подхода Гинса к целому ряду вопросов заставляет редакцию настоящего сборника ограничиться выборкой наиболее характерных мест из книг Гинса и такой их компановкой, которая позволила бы читателю составить общее представление о происходивших в лагере восточной контр-революции событиях в освещении белогвардейца.

Нумерация глав сделана редакцией сборника, подзаголовки взяты у Гинса.

лых условиях, в которых живут на фронте солдаты. Все стараются говорить о посторонних вещах.

Позже других является Михайлов. Его разыскивали. Наконец, все в сборе.

Вологодский открывает заседание; рядом с ним Виноградов. Вологодский сообщает об аресте Авксентьева, Зензинова, Аргунова и Роговского, о том, что уже обнаружили очевидцы того, как полк. Красильников, один из организаторов противобольшевистских казачьих отрядов, ночью на улице спрашивал своих офицеров: — Ну, что, готово? — Видели какой-то грузовик, набитый солдатами.

Что же дальше?

Воцарилось тягостное молчание. Я могу утверждать с полным убеждением, что для подавляющего большинства переворот был совершенно неожиданным. Я, например, только догадывался о подготавливающемся заговоре, потому что слышал как-то от одного офицера, что все военные были бы рады видеть, вместо Директории, одно лицо. И когда я спросил, есть ли такое лицо, которое пользовалось бы общим авторитетом, то он сказал: — Да, теперь есть.

Могу также с уверенностью сказать, что о перевороте ничего не знал и Колчак. Мне рассказывал впоследствии один из участников переворота, покойный ныне В. Н. Пепеляев, как происходили совещания в вагоне на ветке омского вокзала, как решено было предварительно показать адмирала Колчака на фронте, где заранее подготовлена была ему встреча, как адмиралу внушили мысль поехать и выполнили весь план, в расчете, что, под влиянием выслушанного там и под впечатлением встречи, он не уклонится принять на себя роль диктатора.

Совет министров был застигнут: врасплох. Некоторое время в заседании царило тягостное молчание.

Первым взял слово министр продовольствия Зефиров. — Я думаю о политике, — сказал он, — прежде всего с точки зрения рубля, которым оперирую, как покупатель. В интересах этого рубля я желал бы, чтоб сейчас же было выяснено, кому же принадлежит теперь власть.

После этого прения пошли по пути искания форм власти. Факт свержения Директории был признан. Восставление Авксентьева и Зензинова казалось немыслимым. Власть могла перейти к трем оставшимся членам

Директории, но это был бы суррогат директории, идея которой, как коалиции, умирала вместе с выходом левой половины. Принятие власти всем составом Совета министров было бы повторением неудачного опыта Временного российского правительства князя Львова и Керенского. Казалось невозможным и создание новой директории, после того, как эта форма оказалась скомпрометированной примерами только что пережитой эпохи Сибирской директории, какою, по существу, было правительство Вологодского, разлагавшееся от внутренних раздоров и внешних партийных воздействий, и еще более кратковременной и безотрадной деятельности Директории.

— Значит, диктатура? — окончательно формулировал в форме вопроса Виноградов.

Признаюсь, когда этот вопрос был задан, я пережил минуты тяжкого волнения.

Подготавливая декларацию Вологодского для Сибирской областной думы, я с полным убеждением и искренностью вставил в нее фразу о диктатуре, «заранее обреченной на неудачу». Я был убежден в этом, потому что только исключительно выдающийся и удачливый диктатор мог бы примирить с собою стихию революции, не выносящей никакого «навязанного» ей порядка, признающей только то, что сохраняет ее свободу.

Кто мог быть диктатором? После теоретических рассуждений о форме власти надо было поставить и этот роковой вопрос. Тогда взоры всех обратились на адмирала Колчака.

— Кто? — спросил Вологодский.

— Ген. Болдырев! — ответил Розанов, начальник штаба Верховного главнокомандующего.

Болдырев, который уже сейчас состоит Верховным вождем армии, не может быть в настоящее время смещен без ущерба для дела. В этом смысле высказался и адмирал Колчак.

— Адмирал Колчак, — называли другие.

«Генерал Хорват!» — Почему-то не сказал, а написал мне министр путей Устругов.

Генерал Хорват был популярен, главным образом, на Д. Востоке, да и там, благодаря тому, что он возглавлял одно из правительств, вокруг его имени создались слишком ожесточенная борьба и озлобленность. Ген. Болдырев был

мало популярен в армии. Это был «новый человек», он не мог конкурировать с адмиралом Колчаком.

Но знал ли кто-нибудь близко адмирала Колчака? В Совете министров — никто.

С Д. Востока были привезены кое-какие сведения о неуравновешенности его характера, но здесь, в Омске, его видели всегда сосредоточенным и спокойным. Устругов мог рассказать больше, но он этого не сделал.

Колчак не отказался баллотироваться. За него были поданы все голоса, кроме одного. Один был дан за Болдырева.

Любопытно, что из состава Совета против диктатуры возражал только Шумиловский. Все министры, ставленники Директории, оказались сторонниками единовластия.

Так совершился переход к диктатуре. Был ли другой выход из положения, сложившегося к 18 ноября, я затрудняюсь сказать. Для меня ясно лишь то, что избрание Верховного правителя оказалось актом вынужденным, последствием партийной борьбы и военного заговора. История знает диктатуру, сила которой покоилась на народном избрании — этого в Омске не было. Идея диктатуры была выдвинута малочисленной группой населения. Адмиралу Колчаку предстояло завоевать себе всеобщее признание. Если бы диктатура создавалась сама собою, по мере роста влияния и укрепления авторитета одного лица, то общее преклонение заменило бы тогда официальное признание. У адмирала Колчака было славное имя, оно помогло ему укрепиться, но имя его было чуждо широким народным кругам, и ему предстояло создать себе народную популярность.

Адмирал принял избрание; но он еще не отдавал себе ясного отчета, как широка будет его власть. Это обнаружилось при установлении титула. Он был смущен предложенным званием «Верховного правителя», ему казалось достаточным звание Верховного главнокомандующего, с полномочиями в области охраны внутреннего порядка. Между тем, членам Правительства казалось, наоборот, что адмирал не должен быть Верховным главнокомандующим. В его лице рассчитывали видеть устойчивую верховную власть, свободную от функций исполнительных, не зависящую от

каких-либо партийных влияний и одинаково авторитетную как для гражданских, так и для военных властей.

Однако, адмирал настаивал, что именно Верховным главнокомандующим он и должен быть, так как не имеет непосредственного влияния на ход военных дел — значило, по его мнению, не иметь вообще ни силы ни значения.

Совет министров согласился, не продумав значения и последствий своего решения. На этот раз ошибка оказалась несомненной, но обнаружилась она позднее, когда выяснилось, что адмирал фактически не был и не мог быть Главнокомандующим, так как он был силен на море, а не на суше.

Роковая неожиданность переворота поставила Совет министров перед фактом, заставила его принять решение без подготовки, избрать диктатора, недостаточно оценив его качества, определить его права, не выяснив твердо политических целей.

Я никогда не был революционером, и опыт пережитого лишь укрепил меня в убеждении, что всякий переворот приносит больше несчастья, чем выгод. Те, кто свергнул Директорию, приняли на себя тяжкую ответственность, и, судя по тому, что произошло, они, видимо, мало продумали политическую программу будущего, сговорившись лишь на замене Директории Колчаком.

Вологодский остается.

После избрания Верховного правителя, Вологодский и Виноградов заявили об оставлении ими должностей председателя Совета министров и заместителя председателя. Виноградов при этом добавил, что он остался бы, если бы верил, что происшедшее принесет благо стране, но он в это не верит.

Попытка уговорить его остаться, чтоб усилить преемственность власти, не увенчалась успехом. Иначе отнесся к этим просьбам Вологодский. Он расплакался в заседании — до такой степени был взволнован всем происшедшим. Со свойственной ему искренностью он заявил, что ни совесть ни рассудок не позволяют ему остаться и что он не видит в себе надобности. Но общая единодушная просьба, поддержанная и Колчаком, остаться во главе Совета министров, чтобы Сибирь, привыкшая к имени Вологодского,

знала о том, что у власти остались прежние люди, повлияла на мягкого и уступчивого председателя, и он остался.

Конструкция власти

— Значит, диктатор? — спросил Виноградов. По существу, это было так. Но Совет министров, не стремившийся к установлению диктатуры, искал какого-то среднего выхода, и, когда Старынкевичу, Тельбергу и мне предложено было выработать основной закон, определяющий права Верховного правителя и права Совета министров, мы остановились на мысли, что Российское правительство составляет Верховный правитель и Совет министров. Законодательная власть Верховного правителя была ограничена, он стал «диктатором конституционным».

На акте 18 ноября отразились как спешность его составления, так и двойственность настроения его авторов, и я, один из трех авторов, сознаю, что акт был не вполне удачен. Мы рассчитывали на восполнение его новым Положением о Совете министров, которое было поручено разработать новому управляющему делами, проф. Тельбергу. Но он не сделал этого, а практика пошла путем зигзагов, которые, в результате, исказили сущность ноябрьской конституции.

Совет министров превратился в законодательный орган, не ответственный за внутреннюю и внешнюю политику. Вся тяжесть политической ответственности пала на плечи адмирала и его ближайших советников.

Причины переворота.

Что послужило причиной переворота?

Я думаю, основная причина — это общая неудовлетворенность уфимским компромиссом. Директория — креатура левых — утратила свой престиж у эсеров, как только там появился Чернов.

Из оставшихся после Директории материалов выяснилось, что на заседаниях эсеров, происходивших в Самаре с конца августа по начало сент. 1918 г., когда постановлен был вопрос об «ответственности власти в ультимативной

форме, большинство высказалось за возможность, в крайнем случае, признать безответственную власть — такое решение принято было большинством 35 голосов против 7. Затем, когда этот вопрос был поставлен не в ультимативной форме, ответственность Временного правительства перед съездом членов Учредительного собрания была принята большинством 19 против 14 при двух воздержавшихся, а вся резолюция принята была 25 против 13 при 1 воздержавшемся, на собрании фракции 4 октября.

Первое голосование явно свидетельствовало о готовности партии принести партийные интересы в жертву государственной необходимости создать всероссийскую власть. Но стоило Чернову взять в свои руки бразды правления — и все эсеры-максималисты закусил удила. Второй партийный съезд, состоявшийся уже после избрания Директории, постановил, что члены партии, участвующие в правительстве, должны нести ответственность за свою политику перед центральным комитетом партии. Это решение окончательно скомпрометировало Авксентьева, Зензинова и Роговского в глазах военных и буржуазных кругов.

Левые и правые группы были настроены враждебно к Директории. Центр еще не успел сложиться. Он еще связан был с эпитонами Сибирского правительства, которое имело реальную жизненную опору в умеренных элементах. Директория висела в воздухе — некому было прийти ей на помощь.

Неизбежность решения.

Что мог сделать в такой обстановке Совет министров? Мыслимо ли было воссоздание Директории? Каков был бы ее удельный вес после вынужденного путешествия главы Директории на грузовом автомобиле в загородные казачьи казармы? Какими средствами можно было бы предотвратить новые самоуправства отдельных воинских отрядов?

Совет министров вынужден был всем ходом событий сосредоточить верховную власть в руках одного лица, одинаково авторитетного и для гражданских и для военных кругов.

Совет министров не закрывал глаз на ту грозную опасность военного самоуправления, которая создавалась справа.

Он одинаково осуждал и разрушительную работу черновцев и укреплявшуюся атаманину.

Эти мотивы указаны в опубликованном 20 ноября правительственном сообщении о перевороте:

«Сосредоточение власти, отвечающее общественным настроениям, остановит, наконец, не прекращающиеся покушения справа и слева на неокрепший еще государственный строй России — покушения, глубоко потрясающие государство в его внутреннем и внешнем положении и подвергающие опасности политическую свободу и основные начала демократического строя.

«Сосредоточение власти необходимо, как для деятельной борьбы против разрушительной работы противогосударственных партий, так и для прекращения самоуправных действий отдельных воинских отрядов, вносящих дезорганизацию в хозяйственную жизнь страны и в общественный порядок и спокойствие».

Процесс борьбы с большевизмом, ее подпольный период и бессистемность свержения большевиков, созданная чепскими выступлениями в различных местах, привели к неожиданным и крайне уродливым явлениям.

Бывшие руководители антибольшевистских офицерских организаций в главных городах Сибири как будто поделили ее между собой, учредив военные округа и став во главе этих округов. Они ввели территориальную систему, при которой каждый округ автономен, т. е. он формирует у себя корпус войск из местных людей и на местные средства. Поэтому каждый округ считает своей собственностью все войсковое имущество, находящееся на складах в округе, и не делится им с другими.

Это и было рождение «атаманщины», превращение государства в какое-то феодальное средневековое сожительство вассалов, мало считающихся с сюзереном.

Пока Самара с Томском сочиняли заговоры и отвлекали внимание Омского правительства от деловой работы, эти уродливые явления становились все прочнее.

Кто, кроме авторитетного военного человека, казалось Совету министров, мог справиться с этими местными царьками?

Был ли другой выход?

Можно было повернуть обратно — созвать Сибирское собрание и воссоздать Сибирское правительство. Но жребий был брошен; провозгласив лозунг объединения, возвращаться к областничеству казалось уже безумием. Страна вновь распалась бы, и мучительный процесс ее собирания мог бы оказаться более трудным. В момент собирания страны, при попытке создания общегосударственного центра, областничество может быть только вредно. Оно хорошо, как средство, при освобождении окраин и, как цель второй очереди, после объединения государства.

Вина Директории.

Можно ли упрекать слабых волею, недалёковидных людей за то, что они не обладают характером и прозорливостью? У Директории не было другой вины перед Россией. Все вымыслы о якобы имевших место сношениях Авксентьева с большевиками, никем никогда не подтверждавшиеся, искаженно передававшиеся отзывы его об армии — все это тень злобы и раздражения нападавших. Неумение показать независимость от эсеров, постоянные совещания с партийными деятелями, многословие и отсутствие реальности в политике — вот истинная вина Директории. Но, если всмотреться в обстановку ее работы, то приходится признаться, что Директория с первых же дней не владела событиями. Жизнь шла мимо нее: слишком искусственно было ее создание, слишком далеко она стояла от реальных политических сил.

Акты государственного переворота.

18 ноября по телефону во все концы Сибири были переданы следующие сообщения:

„Вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность Временного всероссийского правительства, Совет министров, с согласия наличных членов Временного всероссийского правительства, постановил принять на себя полноту верховной государственной власти.

„Постановление Совета министров от 18 ноября 1918 г. В виду тяжкого положения государства и необходимости сосредоточить всю полноту верховной власти в одних руках, Совет министров постановил передать временно осуществление верховной государственной власти адмиралу Колчаку, присвоив ему наименование Верховного правителя“.

Адмирал Колчак, со своей стороны, обратился к населению со следующим воззванием:

„Всероссийское временное правительство распалось. Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне, адмиралу Александру Колчаку.

„Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройтва государственной жизни, объявляю, что я не пойду ни по пути реакции ни по гибельному пути партийности.

„Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру.

„Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом к труду и жертвам.

„Верховный Правитель, адмирал Колчак.“

18 ноября 1918 года. Город Омск.

ГЛАВА II.

Отношение Сибири к перевороту.

Переворот 18 ноября прошел не вполне гладко, но, в общем, был принят спокойнее, чем можно было думать. В Омске он вызвал некоторое волнение умов, но оно скоро улеглось.

Помню, в день избрания Колчака я встретился с одним из своих сослуживцев по кооперации.

— Неужели диктатора избрали? — спросил он, почти бледный.

— Не бойтесь, не так страшно, — успокоил я его.

В этот день ожидалось выступление. В городе в это время уже расквартирован был английский отряд, во главе с тем самым полковником Воорд, который, проезжая по Сибири, стыдил русских за упадок их национальных чувств и дисциплины. Присутствие этих войск влияло успокаивающе на возбужденные умы.

Протестующие голоса раздались лишь на окраинах.

С запада протестовали «учредилловцы» и чехи, с юга, из Семипалатинска — атаман Анненков, с востока очень быстро пришло приветствие ген. Хорвата, но вслед за ним — протест Семенова. Некоторые сомнения, впрочем,

очень осторожно, выразил от имени Оренбургского и Ураль-ского казачества атаман Дутов.

Протест эсеров.

Первою пришла протестующая телеграмма из Уфы на имя Вологодского:

„Узнав о государственном перевороте в Омске, Совет управляющих ведомствами заявляет: узурпаторская власть, посягнувшая на Всероссийское правительство и Учредительное собрание, никогда им не будет признана. Против реакционных банд красильниковцев и анненковцев Совет готов выслать свои добровольческие части. Не желая создавать нового фронта междоусобной войны, Совет управляющих ведомствами предлагает вам немедленно освободить арестованных членов правительства, объявить врагами родины и заключить под стражу виновников переворота, объявить населению и армии о восстановлении прав Всероссийского временного правительства. Если наше предложение не будет принято, Совет управляющих ведомствами объявит вас врагом народа, доведет об этом до сведения союзных правительств и предложит всем областным правительствам активно выступать против реакционной диктатуры в защиту Учредительного собрания, выделив необходимые силы для подавления преступного мятежа. Подписали: председатель Совета В. Филипповский, члены: П. Климушкин, Нестеров, Веденяпин“.

В копиях эта телеграмма была направлена: «Екатеринбург — Съезду Всеучредительного Собрания, Чехосовету, Оренбург — Войсковому кругу и Войсковому правительству, Уральск — Войсковому кругу и Войсковому правительству, правительству Башкирии, Семипалатинск — правительству Алаш-Орды».

Отклик чехов.

Не замедлили высказать свое авторитетное мнение по поводу переворота и чехи.

В екатеринбургских газетах от 22 ноября опубликовано было заявление чехо-словацкого Национального совета, в котором говорится, между прочим:

«Так продолжаться дальше не может.

«Чехословацкий национальный совет (отделение в России) надеется, что кризис власти, созданный арестом членов Всероссийского временного правительства, будет разрешен законным путем, и потому считает кризис незаконченным».

Это заявление подписано Потейдлем и Слободой.

Заявление мотивировано тем, что переворот 18 ноября, во-первых, противоречит идеалам свободы и народоправства и, во-вторых, нарушил начало законности, которое должно быть положено в основу всякого государства.

Тон чешского заявления вызвал горячую отповедь со стороны национальной печати, «Отечественные ведомости» (московские «Русские ведомости», перебравшиеся в Екатеринбург) указали чехам всю неуместность их вмешательства во внутренние дела России. «Сибирский стрелок» в Челябинске, орган действовавшей армии, писал так:

«Относительно заявления гг. Потейдля и Слободы может сказать, что братья должны оставаться братьями. Мы очень благодарны за помощь на фронте, но просим не мешать нам строить жизнь, как мы хотим, о чем уже раз и просили г. Рихтера в Омске по случаю разгона Сибирской областной думы, где г. Рихтер, благодаря неверной ориентировке, мог сыграть в судьбе России печальную роль».

Протест Семенова.

В бытность свою на Д. Востоке адмирал Колчак резко повздорил с Семеновым, о котором он сохранил самое неблагоприятное мнение. Не особенно хороши были его отношения и с японцами.

Семенов отказался признать власть адмирала. В своей телеграмме он потребовал освобождения преданных суду виновников переворота, полк. Волкова, войскового старшины Красильникова и войскового старшины Катанаева (это делалось, конечно, для укрепления популярности среди казачества), а затем заявил, что он не признает адмирала Колчака Верховным правителем, но согласится признать таковым Деникина, Дутова или Хорвата.

Отношение Дутова и Анненкова.

Атаман Дутов, приезжавший в Омск летом 1918 г., произвел на всех впечатление лукавого, неглупого человека, который не гонится за внешними успехами, но любит пожить. Небольшого роста, коренастый, с монгольского типа лицом, он обладал невидною, но оригинальною внешностью.

Интересна его политическая гибкость. Он состоял членом «Комуча», приезжал в Омск, для обеспечения некоторых выгод, и в то же время считал свое войско никому не подчиненным, так как оно имело свое правительство. Претендовать на звание Верховного правителя он не собирался. Это связало бы его, как человека, любящего прежде всего независимость атамана. Он сразу признал адмирала, но от имени войск Оренбургского и Уральского он сделал запрос адмиралу по поводу отношения его к Учредительному собранию, так как войска якобы волновались в виду конфликта между адмиралом и Учредительным собранием.

Что касается атамана Анненкова, то он временно воздержался признавать новую власть, заставляя, однако, своим поведением думать, что он не считает себя зависимым от этой власти.

Ликвидация фронды.

Из всех заявленных протестов наиболее серьезным был, конечно, чешский. За ним стояла реальная сила. Но чехи зависели от союзников, а последние не были очарованы ни Директорией ни эсерами; они имели гораздо больше оснований верить Колчаку. Военные представители Англии были определенно расположены к адмиралу, и чехам это дано было понять. Они прекратили фронду, но зато последние из оставшихся на фронте или, вернее, вблизи его, небольшие чешские части начали поспешно отступать, оставляя фронт на произвол судьбы.

Не желавшим воевать чехам переворот 18 ноября открыл возможность прикрыть истинные причины уклонения от военных действий политическими мотивами. Эсеры много способствовали такому исходу; они, не желая сознавать того, как губительна их политика для всего дела борьбы с большевизмом, и продолжая свою чисто партийную игру, создали себе из чешских эшелонов революционное подполье.

Новой власти был брошен вызов.

«Ко всем народам России» лидер учредилловцев Вольский обратился со следующим воззванием:

„17 ноября в Омске кучка заговорщиков арестовала членов Всероссийского вр. правит. Авксентьева, Зензинова и Аргунова. Часть

министров, во главе с членом правительства Вологодским, нарушила торжественное обязательство, подписанное ими самими, захватила власть и объявила себя Всероссийским правительством, назначив диктатором адмирала Колчака. Съезд членов Всерос. учр. собр. берет на себя борьбу с преступными захватчиками власти. Съезд постановляет: 1) Избрать из своей среды комитет, ответственный перед Съездом, уполномочив его принимать все необходимые меры для ликвидации заговора, наказания виновных и восстановления законного порядка и власти на всей территории, освобожденной от большевиков. 2) Избрать в состав этого комитета председателя Учредительного собрания Чернова, председателя Съезда членов Учр. собр. Вольского, тов. председателя Съезда Алкина, членов Учр. собр. Фелоровича, Брушвита, Фомина и Иванова. 3) Поручить комитету, для выполнения возложенных на него задач, войти в соглашение с непричастными к заговору членами Всер. времен. прав. областными и местными властями и органами самоуправления, чешским Национальным советом и другими руководящими органами союзных держав. Всем гражданам вменяется в обязанность подчиниться распоряжениям комитета и его уполномоченных“.

Гайда, стоявший со штабом в Екатеринбурге, где заседал Чернов с кампанией, не оказал им поддержки. Наоборот, там был произведен воинскими чинами самовольный арест Чернова, о котором повествует следующий доклад офицеров и солдат 25 екатеринбургского горных стрелков полка на имя командующего войсками екатеринбургской группы, ген.-майора Гайда:

„19 ноября 1918 г., мы, офицеры и солдаты 25-го екатеринбургского горных стрелков полка, вернувшиеся с фронта, узнали о провозглашении Верховным правителем земли русской адмирала Колчака.

„Светлой радостью проникнулись сердца наши; засветилась надежда, что с созданием единой твердой военной власти прекратятся партийные распри, предательски разлагающие тыл доблестной армии чехословацкого народа и молодой армии нашей; твердой верой проникнулись мы, боевые офицеры и солдаты, в возрождение свободной единой великой России.

„Но омрачена была радость эта, радость всего фронта, всех тех, кто отдает свою жизнь для блага России и народа ее, погибающего под игом германско-большевистского гнета.

„Усталые от боев и потерь, возвратившись в Екатеринбург, мы увидели предательские воззвания, призывавшие к свержению законной власти Верховного правителя—того, именем которого связаны надежды фронта на близкую победу над врагами России, чешского народа и наших великих союзников.

„Возмущенные этим и желая спасти наших братьев, оставшихся на фронте, от предательства тыла, мы, видя отсутствие мер по отношению к предателям, решились на шаг, нарушивший воинскую дисциплину. Каждая минута казалась нам промедлением—и потому, не спросив разрешения своих высших начальников, мы арестовали мятежников,

во главе с Черновым и другими членами Учредительного собрания, отняли у них припасенное оружие, документы и преступные воззвания, составившиеся ими.

„Сознавая всю тяжесть допущенного нами нарушения воинской дисциплины, мы просим о предании нас военному суду. Пусть же русский военный суд вынесет свой суровый приговор над нами, как над солдатами возрождающейся армии российской; но мы останемся гордыми и счастливыми, сознавая, что и на фронте и вне его сумели до конца выполнить свой неоплатный долг перед армией и перед нашей великой родиной.

(Следуют подписи офицеров и солдат полка). „22 ноября 1918 года“.

[Решительные меры были приняты и в отношении «учредилловцев». Адмирал объявил, что не признает первого Учредительного собрания законным, в виду неправильных условий его избрания (так было отвечено и Дутову на его запрос от имени казачества). В виду приступа учредилловцев к организации мятежа и избрания для руководства им особого комитета, был отдан приказ арестовать членов комитета.]

„Бывшие члены Самарского комитета членов Учредительного собрания,—говорилось в приказе,—уполномоченные ведомств бывшего Самарского правительства, не сложившие своих полномочий до сего времени, несмотря на указ об этом бывшего Всероссийского правительства и примкнувшие к ним некоторые антигосударственные элементы в уфимском районе, ближайшем тылу сражающихся с большевиками войск, пытаются поднять восстание против государственной власти; ведут разрушительную агитацию среди войск; задерживают телеграммы Верховного командования, прерывают сообщения Западного фронта и Сибири с оренбургскими и уральскими казаками; присвоили громадные суммы денег, направленные атаману Дутову для организации борьбы казаков с большевиками, пытаются распространить свою преступную работу по всей территории, освобожденной от большевиков.

„П р и к а з ы в а ю:

„§ 1.

„Всем русским военным начальникам самым решительным образом пресекать преступную работу вышеуказанных лиц, не стесняясь применять оружие.

„§ 2.

„Всем русским военным начальникам, начиная с командиров полков (включительно), и выше, всем начальникам гарнизонов арестовывать таких лиц для предания их военно-полевому суду, донося об этом по команде и непосредственно—начальнику штаба верховного главного командующего.

„§ 3.

„Все начальники и офицеры, помогающие преступной работе вышеуказанных лиц, будут преданы мной военно - полемому суду.

„Такой же участи подвергнуть начальников, проявляющих слабость и бездействие власти.

„Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал Колчак. Гор. Омск. 30 ноября 1918 года“.

После этого приказа значительная часть членов бывшего Самарского правительства, вместе с главою его Вольским, скрылась. Как это обыкновенно бывает, попались и были заключены в тюрьму менее видные деятели. Западная фронда была, таким образом, ликвидирована. Но эта ликвидация положила начало внутреннему фронту. Эсеры начали энергичную работу по разложению тыла.

Легкая победа в Екатеринбурге и Уфе не была окончательною победою. Правительству Колчака все время пришлось вести борьбу на два фронта: с большевиками и эсерами.

Превращение земств в революционные гнезда.

Из Миаса было сообщено в Омск последнее постановление нелегально существовавшего в Уфе центрального комитета партии эсеров. Оно призывало все партийные организации употребить свои силы на борьбу с диктатурою Колчака.

«Партийным организациям, — говорилось в постановлении, — вменяется в обязанность немедленно реорганизоваться, применительно к условиям нелегальной работы, не отступая на полумерах, способных разлагать энергию, не выводя организацию из-под репрессий. [Партийные организации должны вернуться к методам и формам работы, практиковавшимся при самодержавном режиме, объявив беспощадную борьбу на жизнь и на смерть режиму единоличной диктатуры, не отступая ни перед какими способами борьбы.]

«Отнюдь не вызывая искусственно местных стычек, восстаний, партийные организации в то же время не должны задерживать их возникновения, раз они самопроизвольно вытекают из настроения широких слоев демократии, гражданской или военной, и имеют шансы на успех распростра-

нения. В этих случаях надо брать в свои руки руководство движением, принимая все меры к его расширению».

Далее говорится: «Соответственные энергичные шаги должны быть предприняты фракциями, группами членов партий, местных городских и земских самоуправлений и особенно членов наличных, не успевших ликвидироваться областных правительств». Предписывается также вести противоправительственную агитацию среди чехо-словаков и народной армии. Таким образом, земские и городские самоуправления, в которых было значительное число членов партии социалистов-революционеров, с этого момента стали органами партийной борьбы, подчиненными директивам центрального комитета партии.

Нелады с Востоком.

Нелегко оказалось сговориться и с Семеновым.

Атаман Анненков сдался очень легко, так как иначе был бы принужден к капитуляции силой. Мне известно, что от атамана приезжали гонцы в Омск для выяснения обстановки. Они получили от торгово-промышленного класса, который поддерживал Анненкова, в период его подпольной работы и отчасти после свержения большевиков, категорическое заявление, что дальнейшей поддержки отдельным отрядам больше оказываться не будет. После этого Анненков прислал телеграмму, что он со своими партизанами целиком отдается в распоряжение адмирала.

Не то было с Семеновым. Подобно тому, как эсеры были сильны поддержкою чехов, которые и укрывали их, и помогали сношениям их тайных организаций (чехами была организована своя почта), и морально поддерживали своими противоправительственными заявлениями, дискредитировавшими власть во внешнем мире — так атаман Семенов был силен японской поддержкою. Ликвидировать его выступление можно было только дипломатическою, а не физическою силою. Но как раз дипломатии в этом инциденте со стороны Омска и не проявилось. Прежде чем остановиться подробнее на этом инциденте, необходимо вернуться к первым дням власти адмирала Колчака.

Процесс Волкова, Красильникова и Катанаева.

Суд над виновниками переворота, которые сами заявили о себе адмиралу и министру юстиции, произведен был с молниеносной быстротой. Приговор суда был вынесен уже 21 ноября. На суде зачтены были все документы, относившиеся к деятельности эсеров. Давление последних на Директорию, выразившееся, в частности, в телеграмме на имя Зензинова и в «совершенно доверительном» послании Зензинова Чернову с объяснением, почему Директория не может сразу свергнуть Сибирское правительство, черновская грамота, данные об организации эсеровского центра в Екатеринбурге, свидетельство о намеренном затягивании бывшим Самарским правительством сдачи дел в Уфе, подозрительное поведение ведавшего полицией эсера Роговского в Омске, и, наконец, сведения о хищениях казенных денег эсеровскими деятелями — все это развернуло перед судом картину, в которой ясно обозначились намерения эсеров захватить власть. Полковник Волков, войсковой старшина Красильников и войсковой старшина Катанаев были признаны оправданными по суду.

Можно сожалеть о том, что чрезвычайный военный суд не происходил в обстановке полной гласности. Едва ли можно было вынести обвинение виновникам переворота, после того, как выяснилось, что одна сторона стремилась предать другую, что эсеры явно подготавливали выступление против власти и что они умело обрабатывали, для обеспечения себе помощи, политических чешских представителей. Для этого они пользовались и всемогущим оружием — деньгами.

Хищения эсеров.

В Уфе была произведена ревизия казначейства.

При ревизии бросилось в глаза прежде всего то, что до созыва в Уфе Государственного совещания, избравшего Директорию, открытие кредитов и расходование средств происходили в нормальном, законом установленном порядке. Расходы, связанные с созывом указанного Совещания, явились первым отступлением от сметного порядка, а в дальнейшем, как открытие кредитов, так и расходование отпускаемых

средств происходили совершенно тем же порядком, который существовал и при большевистских советах.

Самое крупное ассигнование приходится на долю агитационного культурно-просветительного отдела Совета управляющих ведомствами, именно 4.600.000 рублей. Эти кредиты отличались исключительными свойствами: 1) кредиты отпускались без указания предмета расхода; 2) проводились всегда в спешном порядке; и 3) ассигнование суммы, немедленно по получении их по ордеру казначейств из банка, бесследно исчезали, ибо в государственном банке текущего счета агитационно - культурного отдела совершенно не имелось.

Управляющему водным транспортом г. Рындыку выдано было 2½ миллиона руб. Здесь дело не обошлось без скандала. Назначенный г. Рындыком на место заведывающего административным отделом районного комитета водного транспорта г. Патрушев, получив крупные суммы для расчета с конторами и служащими, что-то около 700.000 руб., скрылся. В комитете г. Рындыка, по удостоверению «Уфимской жизни», творилось что-то неладное. Тем не менее, на пополнение учиненной растраты г. Рындыку 12 ноября отпущен был еще 1.000.000 руб., а 16 ноября еще 2.000.000 руб.

Далее, весьма странной, если не сказать большего, представляется выдача ведомству иностранных дел, руководимому г. Веденяпиным, 2.000.000 руб., на «расходы для зарубежной работы».

Необходимо отметить также получение председателем Съезда членом Учредительного собрания г. Вольским 20 октября 400.000 рублей и 23 октября — 40.000 рублей, опять на неизвестные цели. При этом, по заявлению губ. казначейства, г. Вольским было представлено, при получении последней суммы, постановление Сов. упр. ведомствами, что выдача должна последовать кредитными билетами старого всероссийского образца. Казначейством это было выполнено.

Наконец, следует отметить выдачу, неизвестно, на какие расходы, бузулукскому уполномоченному Комитета членов Учр. собр. 500.000 рублей и представителю чехословацкого Нац. совета Власаку — 300.000 рублей и 3.000.000 рублей тому же уполномоченному, «для поддержания и развертывания русско-чешских частей». Имели место

и такие выдачи: 22 октября, по требованию № 938 — 70.000 рублей, на «бесспорные, непредвиденные и текущие расходы» различных ведомств, и 6 октября, по требованию № 1034, на «неопределенные расходы» г. председ. Сов. управл. ведомствами — 25.000 рублей. Из расходов, связанных с созывом Гос. совещания, обращает на себя внимание расход в 30.000 рублей — также на «неотложные надобности» Ком. чл. Всеросс. учр. собрания при Государственном совещании. Что это за «неотложные» надобности — для казенной палаты осталось неизвестным.

При первых же известиях о событиях в Омске, Сов. упр. ведомствами объявил, что вся полнота власти принадлежит ему, и поспешил осуществить эту власть производством очередной выемки денег из отделений Гос. банка. 19 ноября г. Веденяпин, управляющий ведомством иностранных дел, предъявил чек на 1 миллион рублей, но встретил решительный отпор со стороны представителей мин. финансов, указавших, что они не могут допустить расхищения государственных средств в столь тревожное время, и при том на совершенно неизвестные и неопределенные цели. Тогда Совет управляющих ведомствами пошел по линии наименьшего сопротивления и арестовал лиц, заграждавших доступ к государственному сундуку, а затем беспрепятственно изъясил из отделения Гос. банка 5 миллионов рублей.

Заслуживают также внимания и расходы Совета в связи с военными обстоятельствами. Сумма последних за время с 10 октября по 8 ноября составляет, в общем, около 15 миллионов рублей, причем свыше 9½ миллионов рублей ассигновано в один день, 7 ноября.

Щедрые ассигнования на поддержание и развертывание партизанских отрядов и батальонов Всерос. учр. собрания в полки последовали вслед за известной «грамотой» В. Чернова о необходимости иметь в своем распоряжении батальоны совершенно особого и специального назначения. Мало того, Совет управляющих ведомствами считал себя вправе снимать ценности с эшелонов эвакуируемых казначейств и отделений Государственного банка. Таким путем ему удалось захватить 36 миллионов рублей, и все они израсходованы вышеуказанным порядком.

Сотрудники — справа.

Если переворот 18 ноября окончательно оттолкнул от омского правительства эсеров, то он зато обеспечил ему поддержку элементов, которые до сих пор держались, в лучшем случае, нейтрально. Убийство Новоселова, переворот 18 ноября — все это косвенно подтверждавшиеся и другими данными симптомы, что первые группы вели такую же подпольную работу, как и эсеры. У них были свои военные организации, своя контр-разведка, свои люди в правительственных учреждениях. Переворот 18 ноября удовлетворил эти группы, но они сразу усилили свои позиции и укрепили влияние на власть. Вокруг Верховного правителя в первые же дни появились новые люди, началось забегание с заднего крыльца.

Еще 18 ноября, когда составлялось правительственное сообщение о перевороте, в канцелярию Совета министров приехал один из членов военно-промышленного комитета и просил помочь ему и дипломатическому чиновнику Сукину, только что приехавшему в Омск из Америки, но уже успевшему связаться с некоторыми общественными кругами, выработать текст обращения к населению с объяснением причин переворота.

Тельберг, тогда уже принявший от меня управление делами правительства, совершенно правильно указал, что составление подобных актов не входит в обязанности военно-промышленного комитета, и составил сообщение сам. Но примеры подобного «участия в делах» стали повторяться.

ГЛАВА III.

Грустные эпизоды начала интервенции.

Некоторые подробности, относящиеся к начальному периоду интервенции, далеко не безынтересны.

Началась она военной поддержкою со стороны Японии атаманов Семенова и Калмыкова. Первый действовал в Забайкалье. Снабжали его оружием и французы. Он сформировал свой «Особый маньчжурский отряд» в полосе отчуждения и дошел, при поддержке отряда Враштеля, высланного из Харбина, до р. Онона. Второй расположился на ст. Погра-

ничная, т. е. на восточной границе полосы отчуждения, в сторону Никольск-Уссурийска.

Обоих атаманов поддерживали японцы. Но как? Была ли это случайная помощь отдельным отрядам или систематическая поддержка русских военных формирований? Япония была союзницей России в войне с Германией, и последнее было бы вполне естественно особенно в то время, когда большевизм считался несомненным детищем Германии. Однако, дело было не так.

Летом 1918 г. в Харбине уже появился адмирал Колчак, в качестве организатора военных сил. Он стремился достигнуть объединения всех разрозненных отрядов, прекращения их своеволий, централизации управления и восстановления дисциплины. Но военные представители Японии предпочитали поддержать Семенова и Калмыкова непосредственно.

На этой почве произошло столкновение адмирала Колчака с начальником японской военной миссии, генер. Накашимой. Мне неизвестны подробности этого столкновения. Но рассказывали, что вспыльчивый адмирал, лишенный всякой дипломатической выдержки, наговорил Накашиму неприятностей, обвиняя последнего в том, что он мешает русским создать здоровую военную силу. Вслед затем адмирал уехал в Японию и прекратил работу. Вероятно, неправы были обе стороны. Но главной причиной этого инцидента были, как мне казалось, не вспыльчивость адмирала и не коварство Накашимы, а отсутствие ясности в тех взаимных уступках, которые могли бы послужить основой добросовестного сотрудничества обеих наций.

С момента вступления иностранных войск на русскую территорию, количество недоразумений стало расти. Не было той признанной русской власти, которая могла бы сразу определить взаимоотношения с интервентами, и в самом начале произошел прискорбный эпизод, как бы предвестник последующего.

Правительство Дербера сообщило союзному командованию, что генерал Хорват и его Деловой кабинет готовят во Владивостоке переворот при помощи офицерства. Так ли это было или не так, но результатом явилось разоружение русского офицерства.

Не выдержав позора разоружения, один офицер застрелился. Когда его хоронили, английский крейсер салютовал.

Общественное мнение было так возмущено, что, под влиянием его, вскоре произошел возврат оружия.

Союзные дипломаты.

Еще в Харбине Вологодского посетили Высокий комиссар Англии, сэр Чарльз Эллиот, и начальник японской дипломатической миссии на Д. Востоке, граф Мацудайра.

Сэр Чарльз Эллиот, впоследствии английский посол в Токио, уже не раз бывавший в России, свободно говорит по-русски, хорошо знает Восточную Сибирь и Восток вообще. Он проявил большой интерес к положению дел в Сибири и намерениям Вологодского и на другой день отправился на Запад, в Омск, для личного ознакомления с обстановкой.

Граф Мацудайра — типичный японский дипломат. Он никогда не отвечает на вопросы без оговорок и предпочитает спрашивать.

Оба посла отнеслись к главе Омского Правительства с большим вниманием и интересом.

Во Владивостоке круг дипломатических сношений расширился. Там были еще представители Франции и Америки, послы Реньо и Моррис.

Почтенный Реньо долго служил на Ближнем Востоке. Перед приездом во Владивосток он был французским послом в Токио. Более сердечного отношения к правительству, чем проявил он, я не представляю себе. Это был действительно благожелательный друг. Он отлично понимал, как трудно положение Вологодского во Владивостоке, где в его распоряжении не было никакой реальной силы и где все, и русское и иностранное, было одинаково расчленено, запутано, сложно и непонятно. И он охотно давал советы и указания, помогая или ускоряя решение.

Совершенно иначе встретил Вологодского Моррис. Он не только не сделал визита главе Сибирского правительства, даже после признания его всеми группировками Д. Востока, но и не отдал визита, к чему, казалось, обязывала обычная вежливость. По впечатлениям лиц, сопровождавших Вологодского при поездках к американскому послу, Моррис встречал его надменно и иронически.

Каково было людям, сохранившим в себе национальное чувство, видеть себя в русском городе на положении худшем, чем положение иностранцев! В то время, как чехи, обладавшие военною силою, были на положении, равном со всеми союзниками, мы, «хозяева» страны, должны были просить разрешения на проезд по некоторым загородным шоссе. Так, однажды, когда я с кем-то из членов делегации выехал кататься за город, наш автомобиль остановил американский часовой, потребовавший пропуска.

Через несколько дней после нашего приезда уезжал на Запад Гайда. Провожать его собрался весь дипломатический корпус. В блестящем обществе дипломатов серенькие фигуры скромных омских представителей совершенно терялись. На вагоне Гайды, быть может, намеренно, была оставлена надпись «Иркутск—Москва». Публика проводила Гайду овациями.]

.....

Переговоры во Владивостоке.

Обстановка, в которой оказались союзники во Владивостоке, многое объясняет в их поведении и отношении к попыткам каких-либо практических соглашений. Многочисленность «правительств», из которых ни одно не признавалось в своем бессилии, взаимная травля и стремление опозорить друг друга, без всякого внимания ко всей неприличности подобных самопосрамлений на глазах посторонних — все это только роняло престиж русских вообще, и появление во Владивостоке представителей примиряющего и выдержанного в своих внешних и, в частности, междуобластных отношениях Омского правительства не могло изменить создавшееся во Владивостоке настроение. Для Морриса Вологодский был, вероятно, не больше, чем представитель новой забавной комбинации власти. Задавшись, прежде всего, целью помощи чехо-словакам и объяснив так свое появление на Д. Востоке, союзники не проявляли желания ознакомиться с самостоятельными нуждами каких-то областных правительств. Они могли бы вести переговоры о помощи только с правительством общероссийского масштаба.

Вот отчего, до окончания работ Уфимского совещания и объединения власти, никаких серьезных шагов для соглашения о помощи Сибири не могло быть сделано.

Было, однако, два выхода.

Один заключался в использовании чехо-словацкого вопроса в качестве основы соглашения. Можно было просить о различного рода помощи, мотивируя невозможностью, в противном случае, обеспечить безопасность чехо-словаков. Мы учли это, и когда Гайда стал домогаться назначения его командующим сибирской армией, вместо Иванова, [— Ринова] ¹, мы, члены дальневосточной делегации, решили согласиться на такую комбинацию, рассчитывая, что назначение Гайдy обеспечит помощь Америки. В этом смысле я вел переговоры с Омском. Мотивы к назначению Гайдy были еще и другого рода. Ко мне постоянно приходил во Владивостоке поручик Калашников, сыгравший впоследствии роковую роль в организации иркутского переворота. Он говорил о тех интригах, которые наблюдались в русском командном составе, о жажде получить беспристрастного начальника, который бы давал движение и назначение только по заслугам, о личной популярности Гайдy. Я отнесся к словам Калашникова с доверием, тем более, что Омск уже страдал от соперничества генералов и военного кумовства. Назначение Гайдy, однако, не состоялось, вследствие энергичного сопротивления Омска: «назначение Гайдy сделает его несменяемым», телеграфировали оттуда.

Другой выход был в соглашении с японцами. Об этом Вологодский начал беседы с графом Мацудайрой. Он не ответил определенно, но не отрицал возможности военной помощи, если Сибирское правительство будет об этом ходатайствовать письменно. Это указание на необходимость специального письменного ходатайства было сделано очень ясно. Как нужно было поступить? Мы не могли решить такого вопроса сразу. Япония могла быть заинтересована в поощрении сибирского сепаратизма, в целях обеспечения своего влияния в Сибири. Мне называли даже фамилию депутата Усуи, который усиленно работал за признание сибирской автономии. Это нам не казалось страшным, так как движения, подобного украинскому, в Сибири никогда не могло возникнуть. Привлечение японского капитала в Си-

¹ Взятое в прямые скобки как здесь, так и на следующих страницах принадлежит редакции.

бирь нам представлялось желательным, а конкуренция японской промышленности и японской торговли не представлялась опасной русским торгово-промышленникам.

Соображения другого порядка останавливали нас. Ясно, что Япония не могла бы оказывать военную помощь бескорыстно, рано или поздно за нее пришлось бы заплатить и, по всей вероятности, не золотом. Чувство ответственности перед Россией заставило нас быть сугубо осторожными во всем, что могло связать Россию, и Вологодский воздержался от обращения к Японии за помощью, отложив этот вопрос до разрешения в Омске...

Генерал Жанен.

Между тем, в Омск прибыл эффектный французский генерал Жанен. Его сопровождал целый штаб. Можно было ожидать, что он готов взять на себя руководство военными действиями.

Однако, Жанен не настаивал на предоставлении ему активной роли, а русские генералы были, конечно, против этого. Мне кажется, что в связи с поражением Германии, французам уже нежелательно было связывать себя какими-либо ответственными ролями в военных операциях, но посол в Париже, Маклаков, приписал согласие французам примириться с более скромным положением Жанена в Сибири дипломатическому успеху и скромности самого генерала («должен отметить, — телеграфировал Маклаков: — что и сам Жанен присоединился к вашей точке зрения»).

После некоторых заседаний русских и иностранных генералов, вопрос разрешился. Было опубликовано следующее правительственное сообщение:

„Прибывший, по поручению союзных правительств, генерал Жанен представитель высшего междусоюзного командования, вступает в исполнение своих обязанностей в качестве Главнокомандующего войсками союзных с Россией государств, действующими на Востоке России и в Западной Сибири. Для достижения единства действий на фронте, высшее русское командование, осуществляемое верховным Главнокомандующим адмиралом Колчаком, будет согласовать с генералом Жаненом общие оперативные директивы, о чем Верховным главнокомандующим даны соответствующие указания начальнику штаба.

„Одновременно вступает в исполнение своих обязанностей генерал Нокс, сотрудник генерала Жанена по вопросам тыла и снабжения, предоставляемого союзными правительствами для нужд русского фронта,

вследствие чего Верховным правителем предписано военному министру согласовать всю работу с задачами, возложенными на генерала Нокса¹.

Кто же этот генерал Жанен, которому довелось сыграть такую видную роль в Сибири?

Сын военного врача французской армии, он сделал карьеру, благодаря своим способностям. В начале войны он командовал полком, но скоро достиг высокой и почетной должности в штабе Жоффра. В мае 1916 г. он был назначен состоять при ставке Верховного главнокомандующего и пробыл в России до переворота. Когда Жанен прибыл в Россию, граф де-Мартель, заместитель Высокого комиссара Реньо, объяснил задачу генерала Жанена в самых широких масштабах. «Ему поручено, — сказал граф, — организовать русскую армию. Франция, как и все союзники, решила открыть генералу Жанену для создания армии в России большой кредит».

После таких заявлений было, мне казалось, дипломатической ошибкой, а не победой, отстранение генерала Жанена на второй план. Но таково было желание Верховного правителя, а он, казалось, лучше знал, насколько нужна и полезна может быть помощь французского генерала.

Охрана железных дорог.

Одним из наиболее важных и срочных мероприятий, входивших в программу союзной помощи, был вопрос о железных дорогах. Но время проходило, а ничего в этом направлении не делалось.

Сукин¹) начал прежде всего с охраны дороги. Он предложил союзным представителям встать на такую точку зрения: «Охрана дороги производится, не как вмешательство во внутренние дела, а как обеспечение доставки снаряжения на фронт и коммуникации чехо-словаков». Эта точка зрения была принята сэром Чарльзом Эллиотом и послом Реньо.

Расположение союзных войск вдоль линии Сибирской магистрали было признано возможным. Но как, в каком порядке?

¹ Управляющий министерством иностранных дел колчаковского правительства.

Была выдвинута прежде всего такая схема: Англия охраняет Китайскую Восточную железную дорогу, Япония — Забайкальскую, Франция — Томскую и Америка — Омскую. Но схема эта была слишком теоретической. Жизненным в ней было только то, что попечению Японии поручалась дорога, которая ею уже была занята и которая входила в сферу ее экономического влияния. Америка не могла забираться так далеко, и притом ее роль в Сибири, сводившаяся к контролю за действиями Японии, требовала оставления войск на Д. Востоке. Что же касается Англии и Франции, то они не обладали достаточным количеством войск, их войска должны были быть заменены чехо-словаками, польскими и румынскими частями.

Так, в конце-концов, и вышло. Америка и Япония расположились в шахматном порядке на территории дальневосточных линий, а все протяжение дороги от Омска до Байкала заняли чехи.

Восстановление транспорта.

Рассчитывая добиться не только охраны дороги, но и материальной помощи железнодорожному хозяйству, Сукин решил действовать наступательно.

Об участии союзников в деле восстановления транспорта говорилось много еще на Д. Востоке, где предварительные переговоры об этом велись генералом Хорватом и инженером Уструговым. Я не буду касаться подробностей этих переговоров и различных выдвинутых тогда вариантов управления железными дорогами; скажу только, что со стороны союзников выдвигалась преимущественно формула «контроля» над дорогами, с нашей стороны — формула «помощи». Союзники говорили о передаче им управления, мы говорили о помощи нашему управлению.

Компромиссный проект был построен на следующих основаниях. Во главе каждой железной дороги остается русский управляющий, который действует на основании прав, предоставленных ему русскими законами, но общее техническое, административное и хозяйственное управление всеми железными дорогами поручается американскому инженеру, Джону Ф. Стивенсу, которому предоставляется звание генерал-директора.

Этим не ограничивалась роль иностранцев. Проект представлял им еще ряд прав:

1) Общее наблюдение над железными дорогами будет регулироваться и контролироваться специальным междусоюзным комитетом, который будет состоять из представителей союзных держав, имеющих войска в Сибири, по одному от каждой, и председателем которого будет русский.

2) Согласование перевозок, которые будут производиться по указаниям союзных военных властей, предоставляется военному союзному бюро.

3) Охрана железных дорог должна быть вверена союзным военным силам.

Такова была та декларация прав иностранцев на русских железных дорогах, которая была положена в основу переговоров. Меньше всего здесь говорилось об обязанностях союзников, но нельзя сказать, чтобы достаточно точно были определены и права их. Неопределенность была выгодна только союзникам: в отношении пользования дорогами они могли толковать их распространительно, а в отношении техническом и организационном, где права переходили в обязанности — ограничительно.

Но Реньо советовал торопиться с началом переговоров, для того, чтобы ускорить разрешение вопроса. «Лучше внести хоть что-нибудь, для того, чтобы продемонстрировать готовность идти на все уступки и переложить ответственность за дальнейшее промедление на союзников, чем медлить самим». Так рассуждали мы, приглашая всех гражданских и военных представителей союзных держав прибыть в здание Совета министров, для обсуждения железнодорожного вопроса.

Заседание состоялось под председательством П. В. Вологодского. По правую руку от него занял кресло Реньо, по левую — сэр Чарльз Эллиот. Присутствовали также генерал Жанен, генерал Нокс, майор Скайлор, консул Гаррис, представители чехов и члены японской миссии: полковник Фукуда и майор Мике.

Вологодский сказал несколько слов о важности для нас той помощи, которую союзники могли бы оказать российскому транспорту. Вслед затем был прочитан журнал Совета

министров, которым поручалось ускорить переговоры о железных дорогах.

„1) Согласно докладу министра путей сообщения, Совет министров признает состояние железнодорожного хозяйства угрожающим и требующим неотложного принятия исключительных мер.

„2) Восстановление железнодорожного хозяйства не может быть произведено средствами Российского правительства, в виду непосильности для его бюджета расходов, которые для этого потребовались бы, отсутствия в распоряжении правительства необходимых технических оборудований и, наконец, затруднительности, без содействия иностранных специалистов, провести в жизнь в короткое время новые методы работы дорог.

„3) Оставление железных дорог в их теперешнем положении являлось бы угрожающим для фронта, и, таким образом, воспрепятствовало бы восстановлению России и укрепило бы большевизм.

„4) При создавшихся условиях Российское правительство вправе рассчитывать, что союзные державы, выразившие готовность содействовать восстановлению России и искоренению губительного для всего культурного мира большевизма, окажут России, в воздаяние ее военных заслуг, деятельную и скорую помощь в области улучшения железнодорожного транспорта.

„5) Хотя содействие союзных держав России в деле улучшения ее железнодорожного транспорта и явится временным, связанным с военными действиями против советских войск, но Совет министров оказывает помощи союзных держав не в виде частичных мер, применительно к потребностям периода военных перевозок, а в виде широких и планомерных мероприятий, коренным образом улучшающих состояние железных дорог.

„6) Совет министров признает, что деятельная и широкая помощь союзных держав будет наиболее обеспечена в случае предоставления им активного участия в управлении и надзоре за работой железных дорог.

„7) Наиболее приемлемыми для России условиями совместной работы союзников в деле улучшения железнодорожного транспорта представляются начала, положенные в основание проекта управления сибирскими дорогами при участии иностранных специалистов, одобренного в общих чертах большинством союзников.

„8) В соответствии с изложенными соображениями, Совет министров поручает министрам иностранных дел и путей сообщения принять все зависящие от них меры к скорейшему завершению переговоров с представителями союзных держав об оказании ими помощи нашему железнодорожному хозяйству, на основаниях названного выше проекта“.

После объяснений Устругова и Сукина относительно сущности намеченного проекта совместного с союзниками управления дорогами, присутствовавшие Высокие комиссары заявили, что они, не входя в детали проекта, охотно протелеграфируют своим правительствам о выслушанных ими пожеланиях.

Заседание закрылось. Вопрос, казалось, сдвинулся с мертвой точки. Разрешение его пришло, однако, только в марте.

Междусоюзный комитет.

14 марта во Владивостоке была подписана представителем России, инженером Уструговым, и представителями союзных держав декларация, которая, для большей ясности того, что союзники принимают на себя заботу о транспорте не произвольно, а по соглашению, была опубликована одновременно от Российского правительства на русском языке и от представителей союзных держав на английском.

„Союзные державы,—говорится в декларации,—воодушевленные искренним желанием помочь русскому народу и в соответствии с соглашением, достигнутым между ними и представителями России, решили воссоздать и восстановить успешную деятельность транспорта на Китайской Восточной и сибирских железных дорогах, путем осуществления следующего плана наблюдения за указанными железными дорогами в районах, в которых союзные военные силы ныне действуют: 1) Общее наблюдение за железными дорогами в указанных районах будет осуществлено особым междусоюзным комитетом, состоящим из представителей каждой союзной, в том числе и России, державы, имеющей военные силы в Сибири. Председателем этого комитета является инженер Л. А. Устругов. Нижеследующие учреждения созданы и поставлены под контроль междусоюзного комитета: а) Технический совет, состоящий из специалистов по железнодорожному делу наций, имеющих военные силы в Сибири, для руководства техническим и хозяйственным управлением всех железных дорог в означенных районах; б) Союзный совет по воинским перевозкам, для согласования воинских перевозок по указаниям подлежащих военных властей. 2) Охрана железных дорог вверена союзным военным силам. 3) Во главе каждой из железных дорог останется русский начальник или управляющий, с полномочиями, предоставленными ему русскими законами. 4) Техническая эксплуатация железных дорог вверена председателю Технического совета. Председателем этого Совета является г. Джон Стивенс. В делах, касающихся таковой эксплуатации, председатель может преподавать указания русским должностным лицам, упомянутым в предыдущем пункте. Он может назначать помощников и инспекторов на службу Технического совета, выбирая их из граждан держав, имеющих вооруженные силы в Сибири, причислять их к центральному управлению Совета и определять их обязанности. В случае надобности, он может командировать группы железнодорожных специалистов на наиболее важные станции. При командировании железнодорожных специалистов на какую-либо станцию будут приняты во внимание удобства соответствующих держав, под охраной которых будут находиться данные станции. 5) Действие настоящего

соглашения прекратится с отзыванием иностранных военных сил из Сибири, и все иностранные специалисты по железнодорожному делу будут тогда же немедленно отозваны.

„Мы желаем подчеркнуть принцип, что проводимый выше план должен быть выполнен без нарушения каких бы то ни было суверенных прав русского народа и в сотрудничестве с русским железнодорожным персоналом. Союзники искренно желают сделать все, что в их силах, дабы старания вышеуказанного комитета и советов были бы плодотворны и благодетельны для России. После обследования железных дорог и выяснения нужд таковых будут сделаны представления о той помощи денежными средствами, подвижным составом, материалами и т. п., которую необходимо будет оказать русским железным дорогам для улучшения их состояния и провозоспособности.

„Мы убеждены, что русский народ, сознавая насущную необходимость немедленного восстановления движения, примет с полным доверием дружественную помощь, предлагаемую союзниками, и будет сотрудничать с вновь созданными организациями в их стремлении улучшить настоящее положение вещей на Китайской Восточной и сибирских железных дорогах. Подписано: представители в междусоюзном комитете—от Китая Муцин-Джен, от Франции—Гастон Буржуа, от Великобритании—сэр Чарльз Эллиот, от Италии—Гаско, от Японии—Цунео Мацудайра, от России—Леонид Устругов, от Соединенных штатов Северной Америки—Чарльз Смит. 14 марта 1919 года“.

Нетрудно видеть, что декларация эта представляла собою только улучшенную редакцию того проекта, который в январе оглашался в торжественном заседании с союзниками в «белом доме» омского правительства.

— Наконец-то! — вздохнули все.

Но на этом бумажном успехе и закончилось все дело союзной помощи транспорту...

ГЛАВА IV.

Российский масштаб.

Армии находились за Уралом, на берегах Камы и недалеко от Волги. Деятельность правительства, «российского» по названию, начинала действительно приобретать «российское» значение. На первый план выдвинулись вопросы: земельный и финансовый. Пора было приняться за подготовку Учредительного собрания, поднялся вопрос о сотрудничестве с общественностью в законодательной работе.

Пережив солидную встряску, видя безрезультатность попыток пересоставить Совет, министры углубились в работу, и апрель месяц отмечен рядом важных и ответственных мер.

Земельный вопрос.

Еще в марте в министерстве земледелия кипела работа над составлением земельных законов.

Я интресовался этою работой и, в качестве гостя, посетил одно из заседаний земельной комиссии.

Кроме чиновников, присутствовали представители различных общественных организаций, землевладельцы и экономисты.

Большую речь произнес помещик Казанской губернии, князь Кралоткин. Он сопоставлял цифры и ярко рисовал картину крестьянского малоземелья. Чтобы победить большевизм, говорил он, надо дать крестьянам нечто такое, что воодушевило бы их. Из таких средств лучшим явилось бы закрепление в их собственность находящихся в крестьянском обладании земель.

— И помещичьих? — спросил кто-то из членов совещания.

— О помещичьих я буду говорить особо, — ответил князь.

Он был глубоко прав по существу, когда указывал, что надо нести крестьянам практическое и немедленное разрешение земельного вопроса. Но как закрепить собственность, когда для этого требуется сложный землеустроительный процесс на десяток лет? Как удовлетворить земельную нужду, не укрепляя за крестьянами и помещичьих земель? Этого князь не мог бы объяснить.

Правительство приступило к разрешению земельного вопроса законом о посевах.

Крестьяне освобожденных губерний Европейской России желали знать, будет ли им принадлежать урожай с засеянных ими чужих земель. Не только в интересах общей политики, но и в интересах продовольственных необходимо было немедленно объявить, что урожай принадлежит тому, кто сеял.

Соответствующее постановление 3 апреля было принято. После этого Совет министров приступил к обсуждению общей декларации по земельному вопросу. И вот тут-то и сказалось отсутствие у Совета министров однообразного взгляда и решительности.

Декларация — не закон. Она не нуждается в оговорках, в детализации. Ее основная мысль должна быть высказана так ярко, чтобы каждый читающий сразу ее воспринял. Проект министерства земледелия не отличался этим качеством. Он носил на себе следы учреждения, которое разрабатывало вопрос в подробностях и потому декларировало программу ведомства, а не основную цель правительства.

Придавая большое значение этой декларации, я горячо убеждал Совет министров заявить в ней, что восстановления помещичьих владений производиться не будет.

Но большинство высказалось против такого категорического заявления, указывая, что оно может поощрить к захватам даже там, где их раньше не было.

Тогда я предложил иную редакцию: «Восстановления тех владений помещиков и казны, которые в течение 1917 и 1918 гг. перешли в фактическое обладание крестьян, производиться не будет».

Но и эта редакция не была принята.

В результате, декларация оказалась вылизанной и едва ли достаточно ясной для крестьян...

Однако, она вызвала возражения со стороны начальника штаба верховного главнокомандующего, генерала Лебедева.

Несмотря на то, что он присутствовал на заседаниях, где обсуждался первоначальный проект, и, именно вследствие его настояний, были внесены поправки, смягчавшие главную мысль о закреплении за крестьянами фактических владений, он заявил, при обсуждении окончательной редакции, что не имел возможности с нею познакомиться, и просил отложить утверждение.

Сукин и Михайлов поддерживали Лебедева, который мотивировал свое настояние тем, что против большевиков сражается много офицеров-помещиков, которые внимательно следят за всем, что относится к земельному вопросу, и всякое неосторожное слово, направленное против помещичьего землевладения, может повлиять разлагающим образом на настроение офицерства.

О настроении солдатской массы и о настроении крестьянской России Лебедев не думал.

Нам было известно, что ставка находится в оживленных сношениях со скопившимися в Омске аграриями, что некоторые офицеры уже содействовали в прифронтовых губерниях восстановлению помещичьих земель, и потому заявление Лебедева было встречено с враждебным холодом.

Большинством против двух или трех голосов было решено утвердить декларацию немедленно. Она была принята, а Лебедев подал письменный протест и покинул заседание, отказавшись впредь посещать Совет министров.

Декларация была, тем не менее, подписана Верховным правителем на следующий день.

Судьба помещичьих земель.

Надежда на дальнейшее победоносное движение вглубь России была так велика, что никто не считал возможным удовлетвориться одною декларацией. Что будет с помещичьими землями, если, скажем, они не засеяны? Раздаются ли они крестьянам, или возвращаются владельцам? На каком праве они будут передаваться? Об этом заинтересованные лица спрашивали членов правительства. Запрашивали об этом из Пермской и Самарской губерний.

Министерство земледелия представило свой проект. Основная идея его заключается в том, что государство устанавливает особое управление всеми землями, вышедшими из обладания их прежних владельцев.

Эти земли описываются и принимаются в ведение государства, при чем до окончательного разрешения земельного вопроса они сдаются в аренду землевладельческому населению.

Этот закон вызвал яростные нападки аграриев. Они считали крайне опасным и предрешающим судьбу частного землевладения начало государственного распоряжения землями и передачу их уже не на началах захвата, а на законных основаниях, в аренду трудовому населению. Таким путем, говорили они, укрепляется сознание, что земля перешла в обладание крестьян, и окончательное решение земельного вопроса предопределяется в известном направлении.

Левые круги были тоже недовольны законом. Они, наоборот, считали, что сдача земель в аренду есть, в сущ-

ности, реставрация частной собственности. и что крестьяне иначе и не поймут этого. Нечего и говорить, что социалистические партии, стоящие на платформе упразднения частной собственности, были бы довольны только таким законом, который подписал бы смертный приговор частному землевладению, в том числе и крестьянскому. Проектом министерства были недовольны, однако, не только социалисты, но и умеренные демократические элементы, которые считали задачей государственной власти расширить в стране мелкое трудовое землевладение за счет крупного.

Я был на стороне этих последних и возражал против проекта в Совете министров.

Основная идея его предоставлялась мне во многих отношениях опасной. Еще в первой Государственной думе проф. Петражицкий справедливо указывал, что передача земель в распоряжение государства заставляет прежде всего остановиться на вопросе о власти. «Судьбы неисповедимы!» Не приведут ли они к власти реакционной, которая использует государственное распоряжение землями для самой определенной реставрации латифундий. Политическая опасность принятия земель в распоряжение государства заключается в том, что самый процесс принятия земель в ведение государственной власти, сопровождающийся обмером, установлением границ, описью инвентаря, внушает определенное представление о восстановлении прежнего владения, прежних прав. Начало «аренды» только укрепляет это представление, потому что у крестьян аренда ассоциируется только с чужою собственностью. Если крестьянин видит, что приехали чиновники, обошли границу прежнего помещичьего имения и затем объявили правила аренды земли «из состава этого имения», то как иначе может он понять происходящее, как не восстановление имений и охрану их государством? Стоит прочесть ту статью правил о принятии земель в заведывание государства, где говорится, что «пространство и местоположение земель устанавливаются в отдельности по каждому владению», чтобы вся картина практического осуществления закона и неизбежных впечатлений крестьян предстала воочию.

Политическая опасность законопроекта представлялась мне несомненною, и я вполне разделял точку зрения одного из наиболее ожесточенных критиков закона.

Е. Е. Яшнова, который сказал, что подобный закон будет лучшим орудием пропаганды со стороны большевиков. Им надо будет только отпечатать его и распространять среди крестьян.]

Помимо политических дефектов законопроекта, я считал его практически неосуществимым, невыгодным с фискальной точки зрения и, наконец, ненужным с точки зрения момента.

В самом деле, разве законопроект (а потом закон) не переоценивал сил государства, когда он устанавливал начало государственного управления всеми помещичьими землями? Откуда же было взять столько чиновников, какими силами и средствами произвести восстановление разрушенных межей, когда все почти границы стерты, крепостные архивы и документы уничтожены? Одним из мотивов закона была указана необходимость определить условия владения землею на ближайшие годы, во избежание сокращения запашек. Но решало ли этот вопрос то, что предложено было министром земледелия, с его сложным порядком если не фактического, то юридического восстановления помещичьих земель, когда по каждому отдельному имению составлялся особый акт принятия его в ведение государства (ст. 5 правил) и особый процесс оспаривания этого акта. Нет! С полной уверенностью повторяю и сейчас. Это было практически неосуществимо. Ни*людей ни средств для этого не хватило бы.

Фискальная невыгода закона заключалась в том, что государство принимало на себя охрану и, стало быть, ответственность за все убытки индивидуализированного владения, поступившего в заведывание государства. Сгорел дом, раскраден инвентарь, прорвана плотина — кто возмещает убытки владельца? Естественно, что он будет спрашивать прежде всего со своего заместителя — государства, которое приняло на себя обязанность временного хозяина.

Я не ограничивался критикой. Указывая, что подобный закон сейчас не нужен, и что его можно отложить, так как еще нет достаточных данных о фактическом положении земельного вопроса в Советской России, и так как уже издано постановление о праве посевищиков на урожай, что устраняет продовольственную проблему из аграрного вопроса,

я предложил свой проект закона, в противовес проекту министра Петрова.

Мои предложения вкратце сводились к следующему:

1. Частное землевладение не восстанавливается. Иски о восстановлении владения землею не могут быть принимаемы к рассмотрению судебных мест и органов впредь до разрешения вопроса о правах на землю в законодательном порядке.

2. Частичное восстановление нарушенных в 1917—1919 гг. земельных прав происходит лишь в смысле охраны хуторских и отрубных владений и хозяйств промышленного значения. Разрешение споров этого рода возлагается на местные земельные органы, с участием крестьян.

3. Земли незахваченные, если владельцы их отсутствуют, передаются в пользование трудового населения.

4. Устанавливается особый земельный сбор, который (вместо арендной платы) поступает в фонд возмещения убытков бывших владельцев земель.

Мои предложения имели некоторый успех. Они собрали в Совете министров шесть голосов. Но семь голосов было подано за проект министра земледелия, и он стал законом.

Важнейший вопрос прошел перевесом одного голоса.

Я невольно схватил карандаш и тут же стал писать особое мнение. Но я его не подал. Нервное настроение и некоторая озлобленность, которые создались во мне голосованием Совета, нашли себе отражение в дневнике. Я редко заносил на бумагу свои «министерские» впечатления, но на этот раз чувствовал большое желание излить душу.

Из дневника.

13 апреля 1919 г. «Сегодня в дневном заседании принят земельный закон исключительной важности. Принят семью против шести. Эта игра голосов становится невыносимой.

«Как странно! Со мной шли правые. Мои предложения поддерживал аграрий Мельников, и именно поэтому к нему не присоединились левые: Шумиловский, Преображенский. А между тем Сукин передает сплетню, что в ставке меня считают социалистом. Как это все несносно,

и какая безнадежность крутом. Уйти — значит омыть руки. Остаться — но кто не поручится, что будет лучше! При- том, расходясь с большинством о конструкции закона, я согласен с его конечными целями: ведь мы все сходимся на том, что реставрации помещичьих земель не должно быть, и только выражение этой мысли избрано неудачно.

«Подумаю. Завтра мне предстоит возобновить работу Государственного экономического совещания. У меня на него большие надежды».

14 апреля. «Уговаривают не подавать особого мнения, чтобы не демонстрировать разногласия по такому важному вопросу. Выяснилось, что Тельберг даже не докладывает особых мнений Верховному правителю. Только сегодня узнал процедуру утверждения законов адмиралом. Нечто невероятное! Председатель Совета министров считает свою роль исчерпанной после того, как он проголосует предложение и подсчитает голоса. Докладывает все Тельберг. Стенограммы прений, которые так старательно пишутся во время заседаний, не сообщаются адмиралу. Хотя бы они сохранились для истории! Как много в них поучительного. Адмирал никогда не знает, какие разногласия возникают в совете министров, не знает мнения меньшинства.

«Хороша система доклада — подсунуть к подписи. «Подписано, так с плеч долой».

И это не только наверху. Старый бюрократ, который за- ведует у Петрова земельным отделом, представил в Совет министров проект закона, не доложив ни одного из тех очень существенных замечаний, ни одной из тех поправок, которые предлагались при обсуждении законопроекта в со- вещании с общественными деятелями. Хорошо, что я при- сутствовал на этом совещании и мог воспроизвести некото- рые детали. Какой общий упадок трудолюбия и добросо- вестности.

«Петров говорит, что он немедленно внесет поправки к закону, как только выяснятся его отрицательные стороны. Для опыта имеются всего одна, две губернии. Я опоздал. Уходить надо было после декларации, когда мы (и я в том числе) не сумели отстоять главного положения: «восстано- вления помещичьих земель производиться не будет». Те- перь я только повторял то же самое. Сам виноват».

14 апреля вечером. «Решено, остаюсь. Если Совет министров поддается влиянию Сукина, который разводит руками — «как можно, мол, не соглашаться с вождями победоносного войска» — и демонстрирует, находя подражателя в Михайлове, свою преданность и солидарность со ставкою, то этого не будет в Государственном экономическом совещании.

«Сегодня было первое заседание под моим председательством.

«Я пригласил тех представителей земских управ, которые случайно находились в Омске.

Земцы и кооператоры поразили меня бессодержательностью. Одни только представители торговопромышленников, Гаврилов и кн. Крапоткин, дали свежий материал и приводили солидные аргументы. Но все же это много лучше келейного обсуждения проектов в Совете министров. Присутствие корреспондентов подтягивало.

«Итак, ставка на совещание! Остаюсь и буду вести борьбу за дальнейшее привлечение общественности. Но удастся ли это?»

.....*

Дела внутренние.

Между тем, в Совете Верховного правителя выпекались блины из недоброкачественной муки. Решения, которые приносились оттуда, поражали необдуманностью и неожиданностью...

Влияние военных кругов все больше сказывалось. Министр внутренних дел Гаттенбергер боролся против этого возрастающего влияния, но сам он терял престиж, в виду неважных своих отношений как с военным министром, так и со ставкою и с самим адмиралом.

Стоявший во главе военного министерства генерал Степанов, человек с хорошим военным образованием, обнаруживал, однако, много бюрократизма. Военное министерство он раздул неимоверно, а вся постановка снабжения и формирования носила у него характер мертвой, бездушной системы. Стаж Степанова — чисто кабинетный. Даже во время войны он был, большею частью, в штабах, но самоуверенности в нем было, хоть отбавляй. Он считал себя компетент-

ным во всех вопросах. Главным образом, из-за Степанова, как военного министра, ушел министр внутренних дел Гаттенбергер. Впрочем, против Гаттенбергера очень настроены были правые круги, которые выдвигали кандидатом в министры В. Н. Пепеляева. Он сам был человеком военным по духу, и военные круги приветствовали его назначение на пост министра внутренних дел...

Обновление кабинета.

Вслед за уходом Зефирова и Гаттенбергера, последовали другие перемены.

Так называемая «группа Михайлова» действовала в этом направлении еще с Пасхи. Вологодский уехал в отпуск, а заменивший его Краснов горячо убеждал адмирала в необходимости перемен в Совете. Соотношение восьми и семи голосов становилось невыносимым. В мае ожидался переезд в Омск министерства народного просвещения, во главе с Сапожниковым. Этот непартийный и подпавший под влияние министр внес бы еще большую пестроту в голосование. Старынкевичу вменялась в вину его бездеятельность в дни декабрьского бунта; он, кроме того, утомил всех длинными речами и постоянную пикировку с Михайловым. Степанова считали негодным военным министром. Велась большая агитация против управлявшего министерством торговли Щукина, которого обвиняли в отсутствии активности. Так, поиски политической солидарности, сливаясь с личными симпатиями и антипатиями, привели, в конце-концов, к уходу Старынкевича, Сапожникова и Щукина. Во избежание приглашения новых лиц, место Старынкевича занял Тельберг, Сапожникова заменил его товарищ Преображенский, который фактически и раньше участвовал в Совете, как представитель министерства, пока оно находилось в Томске, и, наконец, министерство торговли временно поручено был Михайлову, которого должен был заменить приглашенный из Парижа Третьяков.

Таким образом, Михайлов оказался министром в квадрате, так же, как и Тельберг, который, приняв портфель министра юстиции, сохранил, однако, и место управляющего. Это было сделано вопреки решению Совета мини-

стров, одоббившего проект указа о назначении управляющим делами одного из помощников Тельберга.

Получилось не столько обновление, сколько сокращение состава Совета.

Опять о премьере.

Когда в марте высказывалось большое недовольство бездеятельностью Совета министров, вопрос о премьере был поставлен в первую очередь. Или Вологодский уходит, или у него будет помощник, который поможет ему сделать правительство активным. Но первая попытка назначить помощника Вологодскому не удалась, а работа наладилась, и он остался.

Теперь он сам поднял вопрос о своем уходе. Но кто же будет решать этот вопрос? Неужели сам Совет министров? Это был бы такой печальный прецедент, такой источник происков и интриг, что смена председателя принесла бы больше вреда, чем пользы. Нужно было раз навсегда покончить с этой системой, и Вологодский опять остался.

6 мая нараставший правительственный кризис, хотя и не без шероховатостей, был, наконец, разрешен. Нарыв прорвался. Работа пошла усиленным темпом.

Совет министров в новом составе стал работать дружнее. Голосование стало единодушнее, законы стали проходить быстрее, а главное, исчезло томительное взаимное недоверие, которое, несмотря на то, что весь апрель был посвящен ряду ответственных актов (земельные законы, Учредительное собрание, реформа Экономического совещания), постоянно сквозило раньше даже в самые торжественные моменты большой работы.

Новый кабинет.

Совет министров, как я уже указывал, скорее сократился, чем обновился. Новыми были Пепеляев, Неклютин, Преображенский...

Военный министр Степанов ушел позже других. Михайлов и Сукин напрягали все усилия для того, чтобы вытеснить этого генерала, который, благодаря прежней совместной работе с адмиралом на Д. Востоке, пользовался влия-

нием на него, бывал часто запросто в доме Верховного и, вероятно, кое-когда вредил другим. Ставка действовала тоже против Степанова.

Вопрос разрешился совершенно неожиданно. Лебедев, которого считали виновником многих зол, был внезапно назначен военным министром, с оставлением в должности начальника штаба. Совету министров дело было представлено так, как будто поглощение военного министерства ставкою является настоятельно необходимым, в интересах улучшения постановки формирований и снабжения, и в то же время политически целесообразным, в виду включения в состав совета начальника штаба — лица, которое раньше действовало совершенно самостоятельно и несогласованно.

Лебедев, однако, и после нового назначения не появлялся в Совете министров. Вместо него, стал ходить генерал барон Будберг, который оказался солидным и знающим человеком.

В отношении Совета министров можно было как будто сказать: «все обстоит благополучно».

.....

Приветствие союзников.

В конце апреля адмиралу Колчаку были переданы через генералов Жанена и Нокса приветствия Клемансо и британского военного министра.

„Я не сомневаюсь,—телеграфировал Клемансо:—что сибирская армия, под руководством своих выдающихся вождей, поддерживаемая качествами храбрости и выносливости, которые она недавно доказала, осуществит ту цель освобождения России, которую вы себе поставили“.

Вслед за этим приветствием получена была декларация французского правительства, переданная Пишоном.

„Считаю своим долгом от себя и от имени всего французского народа принести поздравления Франции и высказать вам чувства ее восхищения перед доблестью ваших войск, которые в чрезвычайно тяжелых условиях нанесли поражение большевикам—врагам человечества.

Глубоко веря в будущее России, единой и свободной, мы будем продолжать оказывать вам материальную и моральную, поддержку достойную того дела, на защиту которого вы встали.

Франция, сохранившая полное доверие к русскому народу, и будучи убеждена, что из Сибири придет возрождение, не сомневается, что вся Россия в целом вернется в ряды союзников, как только она сможет свободно выразить свою волю и окончательно изгнать захватившие власть элементы беспорядка и анархии, враждебные всякому организованному обществу“.

Международная обстановка становилась все более благоприятной омскому правительству.

Юго-Славия, эта самая преданная России страна, положила начало официальному признанию правительства адмирала, уведомив, что она считает назначенного в Белград посланника Штрандтмана полномочным представителем Российского правительства.

Сообщение пяти держав.

3 июня Верховному правителю вручено было сообщение, подписанное президентом Вильсоном, Клемансо, Ллойд Джорджем, Орландо и японским делегатом, маркизом Сайондзи.

Категорически удостоверяя общее решение о невозможности установления каких-либо отношений с советскою властью, представители великих держав выразили желание получить осведомление по ряду вопросов. Если «те, с которыми они готовы вступить в общение, придерживаются одинаковых с ними взглядов», то они «готовы оказать поддержку правительству адмирала Колчака и объединившимся вокруг него, а также помогать ему снабжением и продовольствием, с тем, чтобы оно утвердилось в качестве Всероссийского».

Без промедления был послан ответ. Политические задачи власти были совершенно ясны адмиралу и его правительству. Омск приступал к творческой работе возрождения хозяйственной жизни страны. Власть обновилась и оживилась. Фронт оставался устойчивым. На севере энергичным ударом был занят город Глазов.

Адмирал Колчак поднялся на высоту, и перед его глазами уже белели стены Кремля и сияли куполы московских церквей.

.....

ГЛАВА V.

На Омск.

В июле выяснилось, что красные поставили себе целью взять Омск.

Я побывал в одном из больших лазаретов у раненых солдат и с удивлением узнал, что там происходит междоусобная брань. Сибиряки стоят за большевиков, волжане и уральцы против. Первые говорят, что нужен мир, вторые — за войну до конца.

Это было потрясающим открытием. Несчастлива власть, которая только случайно узнавала о настроениях армии. Никто из военных этого не знал.

Гайда всегда уверял, что сибирская армия — самая прочная из всех. Никогда у него не опускался «белозеленый» флаг, символ снегов и лесов сибирских, и он был уверен в местном патриотизме своих солдат. Но это оказалось ложным. В составе сибирской армии было много мобилизованных из Прикамья. При отступлении они разбежались. Вслед за ними стали разбегаться и сибиряки. От армии остались одни воспоминания, и начальники корпусов и дивизий летали, как духи из потустороннего мира, не имея реального существования. Сибиряки, не знавшие большевизма, не желали воевать, а штабы Гайды и Пешелева, приютившие представителей демократии, обратились в источники разложения собственной воинской силы. Наоборот, южная армия (третья), состоявшая из людей, пострадавших большевизм, оказалась самою стойкою.

Генерал Дитерихс решил беречь эту армию и собрать все силы на Тоболе, чтобы здесь остановить наступление. Генерал Лебедев, еще оставшийся начальником штаба, стремился, наоборот, использовать эту армию для немедленного нанесения удара противнику.

Не мне судить, кто из двух генералов был более прав. Но только удар, который Лебедев хотел нанести красным под Челябинском, кончился неудачей. Войска дрались с доблестью, не оставлявшею желать ничего лучшего, но несколько тысяч рабочих челябинского депо вышли против «колчаковцев» и решили судьбу сражения в пользу красных.

Некоторые военные говорили, что если бы войска не были задержаны у Челябинска и не дали бы там боя, то они разложились бы раньше, чем достигли Тобола. Может быть, это и так, но план генерала Дитерихса был нарушен и привел к неудаче. Лебедев понял, что ему надо уйти.

За несколько дней до его отставки состоялось заседание Совета министров, которое было посвящено создавшемуся положению на фронте. Все чувствовали, что наступает критическое положение.

Еще недавно я был в центре Акмолинской области и мог удостоверить, что, если большевики подойдут к ее границам, то население перейдет на их сторону. Как председатель Экономического совещания, я мог засвидетельствовать, что после взятия Омска продовольствие армии станет задачей, для Сибири непосильной.

Омск надо защищать во что бы то ни стало, и нельзя сомневаться, что красные будут стремиться к Омску со всем упорством, на которое только они способны.

Тельберг придумал в это время свой рецепт спасения. Он стремился создать Особый военный совет из министров и генералов для совместного обсуждения всех вопросов, затрагивающих компетенцию как военных, так и гражданских властей. Надежды на то, что генерал Лебедев, после того, как он совместил положение начальника штаба с должностью военного министра, инкорпорируется с Советом министров и, таким образом, сблизит военные дела с гражданскими, совершенно не оправдались. Лебедев даже не появлялся в Совете министров. Его заменял генерал Будберг, который проявлял большую трезвость суждений, доловитость и подготовленность. Но он не был вершителем судеб, потому что блестящая ставка оставляла военное министерство в тени.

План Тельберга казался целесообразным, и Совет министров его в принципе одобрил.

Настроение омской общественности.

Во время неудач ищут виновного.

В описываемое время виновным считался совет министров. На него все обрушивались.

Никто не знал, какое скромное положение занимал он в действительности. Но, если бы даже это было известно, все равно, он был бы виноват: зачем «дошел до жизни такой?»

Между тем, совет Верховного правителя приобретал все больше значение. Тут решалась судьба всей страны. Здесь увольнялся генерал Хорват, назначался генерал Розанов, составлялся план внешней политики, ответы Финляндии, указания Юденичу и т. д., а Совет министров ничего не знал.

Среди членов Совета царило уныние. Одни долго боролись против закулисных влияний, жаловались на ненормальность своего положения, просились в отставку, но, когда неудачи на фронте свалились, как снег на голову, уходить уже было поздно. Это было бы сочтено за трусость.

— Они взяли на себя ответственность — пусть делают, — говорил, бывало, Преображенский про Совет верховного.

Что касается блока, то он пришел к убеждению в необходимости сменить председателя Совета министров и обновить кабинет. На место Вологодского выдвигали теперь кооператора Балашкина и журналиста Белоруссова-Белецкого. В Совете министров к этим кандидатурам по разным соображениям относились отрицательно. Прежде всего возражал против смены Вологодского Сукин. С международной точки зрения он находил его смену крайне вредною.

— Мы накануне признания, и вдруг демократ Вологодский уходит; это очень повредит, — говорил он, как всегда, твердо, на английский манер, выговаривая букву «е».

Теперь же в пользу оставления Вологодского выказывались очень многие. Пепеляев удостоверял, как министр внутренних дел, что смена Вологодского произведет крайне невыгодное впечатление внутри страны. Тельберг говорил, что он боится ухода Вологодского из какого-то суеверия. Преображенский, Шумиловский и некоторые другие заявили, что они не останутся членами Совета министров, если уйдет Вологодский, потому что они верят только ему.

Впрочем Сукин указал, что он уже выписал нового председателя Совета министров с юга России, а именно Н. И. Астрова.

Решающим фактором при переменах в правительстве должны быть, конечно, не внутренние настроения самих членов правительства, а внешние воздействия: отношения и взгляды общества. Омский блок отличался, однако, тем, что он обсуждал, но не действовал. У него было два-три человека, которые после каждого решения забегали узнать мнение министров по этому поводу, и, если не встречали сочувствия, то на этом дело и кончалось. Так было и сейчас. Блок поговорил, но скоро выдохся.

В Омске явилась в это время другая общественная сила, на которую возлагались большие надежды. Это была казачья конференция.

Сначала предполагалось, что съезд представителей казачества будет заниматься некоторыми вопросами устройства казачьей жизни, но в связи с общим политическим положением и возрастающей ролью казачества, конференция стала выносить решения по всем решительно вопросам и особое внимание уделила устройству государственной власти.

Конференция признала необходимым сократить число министров до пяти, упразднить Сенат и еще что-то в этом роде.

Обновление кабинета.

Заместитель председателя Совета министров, министр юстиции, главноуправляющий делами, сенатор и профессор Тельберг отличался большою самоуверенностью. Он, очевидно, решил, что его проект военного совета — единственное средство спасти гибнущее «российское правительство», и, не спросив Совета министров, не устроив, как об этом просили, совместного заседания министров с Верховным правителем, провел свой проект в форме чрезвычайного указа.

Средостение не только не пало, но еще больше укрепились в своем значении. Тельберг, Михайлов и Сукин становились окончательно вершителями судеб, потому что к ведению Совета отнесены были все важнейшие дела.

Как раз в это время возвратился из отпуска Вологодский. В первом же заседании, 12 августа, ему был предъявлен вопрос о незакономерности указа, проведенного Тель-

бергом, помимо Совета министров. Тельберг выдержал ожесточенную атаку.

Бедняга подвергся нападению с двух сторон. Чтобы провести указ, ему пришлось проявить большую настойчивость у Верховного правителя, который не понимал смысла этого указа. Тельберг рассказывал, что дело не обошлось без крика. Какой-то проект был разорван, и, в конце концов, все-таки было подписано нечто сходное с первоначальным проектом.

Генералы тоже не понимали сущности проекта. Им казалось, что это совет обороны, наподобие того, который был учрежден в Австрии накануне ее падения. Когда Дитерихс узнал, что издан подобный указ, он сказал: — Если так, то в таком случае... в таком...

Он еще не кончил, как адмирал — все это я передаю со слов Тельберга — уже начал доказывать, что, в сущности, ничего не будет, что это только так...

Бороться с советом Верховного правителя оставалось лишь путем личных перемен. Вологодскому было дано знать, что сохранение влияния за Тельбергом, Михайловым и Сукиным признается большинством недопустимым.

На этот раз Вологодский проявил характер.

Адмирал долго колебался относительно Михайлова и без охоты подписал указ об его отставке. Сукина он ни за что не хотел отпустить. Назначение меня на место Тельберга подписал без колебаний.

Против Михайлова выставлены были, главным образом, деловые аргументы. Серьезной финансовой программы у него нет. Изъятие керенок оказалось крайне неудачной реформой. Технического улучшения сибирских знаков так и не было достигнуто, а самая фигура Михайлова приобрела к этому времени общий одиум. В Государственном экономическом совещании его встречали с крайнею враждебностью, а когда он ушел в отставку, пресса единодушно осудила его деятельность, приписав ему заговоры, в которых он не участвовал, и забыв его положительные черты и заслуги.

Что касается Сукина, то он к этому времени сумел внушить к себе антипатию самых разнообразных кругов. Без каких-либо ясных оснований, к нему относились с недоверием. Этому способствовали, впрочем, некоторые частные

известия из Америки. Одни из них сообщали о кампании, которую ведет против признания омского правительства глава дипломатической миссии Бахметьев, «высокий» друг Сукина. Другие говорили о некоторой заинтересованности близких к миссии лиц в распределении омских заказов и предостерегали от сношений с Америкой через Сукина. Последний же упорно настаивал, чтобы вся переписка с границею шла непременно через него. Доверять глухим обвинениям было трудно. Сукин остался. Он забронировал себя тем, что проводит политику Сазонова и что ни в чем не отступает от указаний Верховного правителя.

Я принял на себя тяжелые обязанности главноуправляющего, как жертву. Я предлагал другого кандидата на это место, недавно приехавшего в Сибирь Н. К. Волкова, бывшего товарища министра земледелия при Шингареве, но провести назначение нового человека было тогда очень трудно. Верховный правитель приезжал в Омск на день, два и сейчас же опять уезжал, а назначать, не познакомившись с кандидатом, он не хотел.

Если уход Михайлова, уменьшение роли Тельберга и уход Лебедева, совпавший с прочими переменами, были вообще приветствованы, то зато сменившие их лица были встречены очень холодно.

Вместо Михайлова был назначен фон-Гоьер.

В Омске находилось в то время всего два лица, которых можно было считать сведущими в финансах: Феодосьев и Гоьер. Первый, однако, всегда уклонялся от предложений, которые ему делались раньше. Он считал себя обиженным и демонстративно не ходил в Экономическое совещание, членом которого был избран. Что касается Гоьера, то он был представителем Русско-азиатского банка, который считался одним из главных виновников падения рубля, хотя некоторые сведущие лица и горячо утверждали, что эти обвинения — обывательские.

Вместо Лебедева был назначен Дитерихс.

В то время он еще не пользовался престижем в Сибири. Он принял командование в июле и непрерывно отступал. Его считали монархистом и мистиком. На Урале, накануне оставления его войсками, он мобилизовал все мужское население, что вызвало озлобление рабочих. Призывая на

борьбу с большевиками, Дитерихс говорил только о храмах и о боге и объявил священную войну. Это казалось диким.

«Гора родила мышь». Общество осталось неудовлетворенным переменами, последовавшими в середине августа...

Две программы.

... Я поставил себе целью приблизить Совет министров к Верховному правителю, заставить всех членов Совета почувствовать, что они не только законодатели, оживить самую деятельность Совета министров, изъясв из повесток все ненужное, чиновничье, и, главное, добиться скорейшего преобразования Государственного экономического совещания.

С первых же дней вступления в должность, я увидел, насколько работа главноуправляющего стала сложнее, чем была во времена Сибирского правительства.

Я был в свое время управляющим. Тельберг переименовался в главноуправляющего. Действительно, масштаб расширился.

Законодательная работа Совета министров стала разнообразнее и обильнее. Необходимо было обдумывать повестку, готовить дела к слушанию, рассматривать заключения юрисконсультской власти, редактировать журналы Совета.

Верховный правитель постоянно уезжал. Между тем накопилось множество неутвержденных законов. Требовалось изучить их и доложить адмиралу, который относился в то время ко всем законам, как к бумагомаранию.

В ведении главноуправляющего был отдел печати — «Правительственный вестник» и бюро обзоров. Кроме того, при моем предместнике возник так называемый «Особый отдел», своего рода контр-разведка, действовавшая в советском тылу.

У меня же на руках, хотя и «временно», оставалось Государственное совещание.

Все это было ничего. Осложняло дело, главным образом, то, что для успешности проведения какого-нибудь большого вопроса, необходимо было подготовить председателя Совета министров, обеспечить большинство среди членов Совета (а их было пятнадцать человек), наконец, убедить Верхов-

ного правителя. Иной раз, протаскив дело через две стадии благополучно, на третьей можно было сломать ногу. Наиболее трудной стадией оказался Совет министров. Эти пятнадцать человек, у которых соотношение голосов складывалось самым неожиданным образом, приводили меня нередко в мрачное отчаяние. «Группы» уже не было. Для того, чтобы укрепить взаимное доверие, было решено встречаться для обсуждения каких-нибудь вопросов только всем вместе. Но сговориться всем вместе было только мечтою...

ГЛАВА VI.

Ирония судьбы.

...Конец августа, начало сентября — период смятения умов, крушения фронта и в то же время проявление все-российской власти: инструкция Деникину, конституция для Архангельска и, как это ни странно, при вопиющем недостатке офицеров, жалоба полковника, перебежавшего от красных, что его оставляют без дела и содержания.

Слушается очередной доклад Совету министров о положении дел на фронте. Элегантный генерал, профессор Андогский, водит кием по карте.

„На Сибирском фронте, как видите, положение мало изменилось. В некоторых направлениях, впрочем, противник слегка потеснил нас. На севере (архангельский фронт) наши войска перешли в наступление и по всему фронту теснят противника. Нами занят город Онега, за время боев захвачено более 4.000 пленных и не менее ста пулеметов. На северо-западном фронте наши войска, под командой генерала Юденича, перешли в наступление на Лужском направлении. На западном фронте главные силы польской армии достигли Днепра. На южном вся железнодорожная магистраль Курск - Киев перешла в руки наших войск. В боях около Царицына захвачено более 7.000 человек, около Киева более 6.000, кроме того, при занятии Киева захвачено около 5.000 пленных, 14 орудий, много пулеметов, несколько блиндированных поездов и колоссальные запасы всякого рода.

„Таким образом, оценивая общее положение фронта и всех сил, находящихся под Верховным командованием адмирала Колчака, следует признать, что оно неблагоприятно для большевиков“.

Так докладывалось в сентябре 1919 года о положении дел на фронте.

— А каково настроение солдат? — спрашивали министры.

— Они дерутся «безотказно», — был неизменный ответ. О настроении тыла в Сибири и у Деникина не спрашивали; это должны были знать мы, «российские» министры.

Общее заблуждение.

С конца августа в Сибири стало появляться много «знатных» гостей из России. Они выезжали оттуда в мае, июне, когда звезда адмирала Колчака ярко разгорелась. Приезжали — и разочаровывались переменами, которые произошли за два-три месяца их путешествия.

Многие тут же раскланивались и, недвусмысленно отклоняя от себя разные почетные предложения, стремились обратно, «для связи», как им будто бы было предложено генералом Деникиным. Получив на обратное путешествие солидный куш, соразмерно знатности положения, они, обыкновенно жестоко понося «колчаковщину», устремлялись во Владивосток, для нового странствования в Россию или для выполнения патриотической миссии за границей.

Я был очень удивлен, когда генерал Дитерихс, который меньше всего был склонен поощрять подобные путешествия, внес в Совет министров предложение выдать генералу Нагаеву, только что приехавшему с юга России, четыре тысячи фунтов стерлингов, для формирования на юге России отдельной сибирской дивизии. Этому же генералу выдано было еще на миллион рублей мелких керенок.

— Помилуйте, генерал, — говорили мы Дитерихсу: — ведь он не успеет доехать, как война кончится победой или поражением.

Под свежим впечатлением работ комиссии по продовольствию и снабжению армии, я горячо утверждал, что зиму мы продержаться не сможем. Я был против командировки Нагаева и убеждал в этом адмирала.

Но генерал Дитерихс, в свою очередь, настаивал. — Нагаев, — говорил он, — организует дивизию из застрявших на юге России сибиряков и с ними через Туркестан будет пробиваться весною 1920 года к нам.

Предложение Дитерихса было принято. Нагаев получил деньги и уехал.

Сентябрьские победы и предостережения.

Когда в середине сентября войска перешли в наступление, генерал Дитерихс прислал на имя председателя Совета министров секретное письмо, в котором предупреждал, что значение первых побед не следует преувеличивать. Неприятель обладает большими резервами, а у нас их нет. Спустя некоторое время, красные могут подвести свежие силы, и тогда весь наш успех будет ликвидирован.

Письмо это было оглашено в заседании Совета министров.

Несмотря на это, оптимизм господствовал.

Как-то ко мне явился офицер из ставки с проектом грамот на имя эмира бухарского, хана хивинского и нового Аму-дарьинского казачьего войска, которое, по его мнению, надлежало организовать.

Я доложил адмиралу об этих проектах; он отнесся к ним одобрительно.

Грамоты были заслушаны в Совете министров. Присутствовавший, вместо военного министра, генерал Будберг упорно настаивал, чтобы этих грамот не подписывал Верховный правитель. Основания он приводил очень неопределенные, вроде того, что судьба переменчива, мало ли что может случиться.

Я не сразу понял эти основания, но, спустя некоторое время, догадался, что Будберг, трезво оценивая положение, опасался общего краха, а так как в грамотах описывались победы по всему фронту, то он боялся, что адмирал окажется в смешном положении. В осторожной форме я передал адмиралу эти опасения.

— Нет, почему же? Я подпишу сам.

Грамоты были изготовлены на особых пергаментных листах, разрисованных в восточном стиле, с прикрепленными на шелковых шнурах печатями. С подписью адмирала они отправились в путешествие.

Дошли ли они по назначению? Получил ли эмир бухарский выражение благоволения Верховного правителя и титул высочества? Узнал ли хан хивинский, что он произведен в генералы? Или грамоты эти погибли где-нибудь в пути? Не знаю. По некоторым косвенным данным думаю, что они в надежных руках. Но в этом маленьком эпизоде

конца сентября ясно проявилось, как мало было в Омске лиц, которые понимали, что приближается конец. Верховный правитель и министры к числу этих немногих понимавших не принадлежали. Из-за деревьев не видно леса. Текущие дела поглощали все внимание правительства.

На фронте.

В руках главноуправляющего сосредоточивалось много данных о положении на фронте. То попадалось какое-нибудь красочное ходатайство, то анонимное письмо, то отчет ездившего по делам чиновника. Ко мне попадали, между прочим, некоторые данные о положении дел в том районе, который занимал казачий корпус.

Почему крестьяне относились враждебно к казакам? Прежде всего потому, что последние предпочитали брать все, что им было нужно, не платя. Но этого было мало. Если казак видит в огороде арбузы, он сорвет все, чтобы перепробовать; если он ночует в хате, то на прощанье поломает скамью, или швырнет в колодезь ведро. Какое-то непонятное озорство, неуважение к чужому труду и праву, презрение к крестьянам, которые, якобы, не воюют. Все, мол, должны выносить на своей спине казаки.

Многие офицеры не отставали от солдат. Они, правда, не ломали вещей, но зато очень редко расплачивались. Должен повторить — я это уже указывал и раньше, — что правительство не умело обеспечить офицерство, и это было одной из главных причин описываемых явлений.

Адмирал Колчак издал приказ, предписывающий ничего не брать у населения без платы. Когда в одном селе, где стоял отряд, староста расклеил этот приказ и, между прочим, может быть, из иронии, на стене избы, где квартировал начальник отряда, последний рассвирепел, велел сорвать его, а старосту выпороть за «неуважение» к власти. Адмирал приказал проверить этот случай и строго наказать виновного.

В другом месте, где офицеру указали на то, что приказом адмирала порка и мордобитие запрещены, офицер дал классический ответ: «приказ приказом, Колчак Колчаком, а морда мордой». Эта фраза взята из перлюстрированного в ставке письма священника.

Тяжела была моральная атмосфера. Когда я принимал должность главноуправляющего, я не представлял себе, что эта атмосфера до такой степени безнадежно мрачна. Почему ничего не предпринималось раньше для того, чтобы расчистить ее? Я не могу понять. Теперь я стал осязать ту «военщину», которую считали причиной крушения фронта.

Забывая, что война ведется на русской земле и с русскими людьми, военачальники, пользуясь своими исключительными правами, подвергали население непосильным тяготам. Я ездил на Урал, проезжал плодородные и богатые районы Шадринского и Камышловского уездов. Местное начальство уверяло меня, что население живет спокойно, ни в чем не нуждается, довольно властью и порядком. Но вот отступавшие войска докатились до этих районов. Что случилось с населением, почему стало оно большевистски настроенным? Почему оно защищалось всеми силами против нашествия красных?

Вспомним приказы главнокомандующего о поголовной мобилизации всех мужчин, представим себе картину отступления, когда в одном Шадринском уезде было отобрано у крестьян около 5.000 лошадей и повозок — и мы поймем, что никто не «обольшевичился», но все крестьяне проклинали власть, которая причинила им столько бедствий. «Пусть лучше будут большевики».

Я сам видел в Акмолинской области домовитых, зажиточных крестьян, будущих фермеров свободной частновладельческой России; я ни одной минуты не допускаю мысли, что они стали большевиками. Между ними и коммунизмом ничего общего быть не может. Но они не могли не поддаться настроению «большевизма», как революционной психологии, когда через их деревни прошли казаки.

Прибавлю еще, что войскам нашим приходилось наступать в районе, где они еще недавно отступали. Многие деревни испытывали в третий раз разорительные последствия прохождения войск...

Всероссийские имена.

Со времени организации Российского правительства при Директории, и власть и общество тосковали по всероссийским известностям. Что мы такое? Кто у нас есть? Вот,

если бы приехали Чайковский, Астров, Третьяков, Бурьш-кин — «тогда бы музыка пошла не та».

Летом изъявил согласие приехать в Омск на пост министра торговли С. Н. Третьяков. Раньше, чем он, приехали в Омск от Национального центра: А. А. Червен-Водали, Н. К. Волков и П. А. Бурьшкин.

Многие, в их числе и я, обрадовались приезду гостей с юга — авось найдутся кандидаты в министры. Прибывшие привезли с собой приветствие Национального центра, в основе которого лежало одобрение начал власти «единоличной и непреклонной», как единственной, которая «способна довести страну до того состояния устроенности и умиротворения, когда возможно будет передать правление постоянной власти, законно поставленной и всенародно признанной».

Червен-Водали, уроженец Бессарабии, тверской земец, член правления Национального центра, занимался у Деникина вопросами внутреннего управления и приехал с намерением осуществить в Сибири те проекты, которые привез с юга, а привез он оттуда, конечно, теорию, а не практику.

Волков — сибиряк. Он был членом Государственной думы. При Шингареве, после переворота, занимал место товарища министра земледелия.

Бурьшкин был кандидатом в министры во времена Керенского. Еще молодой человек, он выдвинулся за время войны общественной работою, в качестве товарища председателя Всероссийского союза городов и товарища московского городского головы.

Все трое были немедленно представлены мною в члены Государственного экономического совещания. Волков был вскоре избран товарищем председателя, вместо уехавшего на восток Виноградова, а Червен-Водали и Бурьшкин принимали самое деятельное участие в работах комиссий и выступали постоянными докладчиками в общем собрании.

Бурьшкин был, кроме того, приглашен занять место начальника главного управления заграничных заготовок. Этому учреждению предстояло выполнить крайне ответственную задачу упорядочения заготовок и сокращения числа заграничных агентов. Главного управления еще не существовало, его нужно было создать.

Волков, со времени моего назначения главноуправляющим, исполнял всю текущую работу председателя Государственного экономического совещания. Председателем по назначению он не хотел стать. У него не заметно было честолюбия, он был полезен и, по свойственной ему, редкой в наше время скромности, был удовлетворен своим положением.

Остался без ответственной роли один Червен-Водали. Ему предложено было занять место чиновника особых поручений при председателе Совета министров, с тем, чтобы выехать на места, на фронт и в тыл, и ознакомиться с положением дел, но он отклонил это предложение, заявив, что предпочитает работу в центре.

В пользу диктатуры

Все три «гостя с юга» были удивлены, когда узнали, что в Сибири установлена диктатура не чистого типа, что адмирал разделяет верховную власть с Советом министров.

Как раз в то время, когда они приехали, сибирская общественность была враждебно настроена по отношению к власти. Роль Макара, на которого валились все шишки, играл, главным образом, Совет министров. Новые люди заразились общим настроением; они считали, что адмирал должен эмансипироваться от Совета министров. Но как?

Проект государственного совещания нашел, в лице вновь приехавших, новых защитников. Они присоединились к нему, исходя, однако, из других предпосылок, чем авторы законопроекта, которые стремились ограничить диктатора.

При разработке проекта победила первая точка зрения. Диктатор получал большую свободу, он получал возможность выбора, право одобрить либо решение Совета министров, либо мнение большинства, либо мнение меньшинства. Оставалось, стало быть, сделать еще один шаг: признать возможность и совершенно независимого решения — тогда диктатура была бы полной.

Этот проект казался мне крайне неудовлетворительным. Зная адмирала Колчака, я мог предвидеть случайность его выбора, и мне казалось, что переложение на него ответ-

ственности за решение должно было бы только ослабить влияние гражданской власти.

Кроме того, проект не удовлетворял и тем стремлениям приблизить власть к народу, которые продиктовали грамоту 16 сентября.

16 сентября.

[Адмирал] немедленно, по возвращении с фронта, созвал совет Верховного правителя, куда привлек, кроме обычных членов, генерала Дитерихса и атамана Дутова. Появление последнего объяснялось очень просто. Он ездил с адмиралом на фронт, а адмирал быстро привыкал к людям.

Говорить в пользу созыва земского совещания оказалось излишним, и генералы высказались в пользу этого учреждения. Но генерал Дитерихс очень резко подчеркнул одну, несомненно, правильную мысль: совещание тогда только окажется полезным власти, способным ее поддерживать, если оно будет состоять не из интеллигентов, а из крестьян. Эта мысль была всеми одобрена, и ее решено было подчеркнуть в актах.

В тот же вечер я написал грамоту Верховного правителя и рескрипт на имя П. В. Вологодского. Все было так быстро составлено, что Омск не успел заранее узнать о происходившем и был поражен, когда 17 сентября, в день Веры, Надежды и Любви, прочел следующие исторические акты:

Грамота Верховного правителя.

„После длительной подготовки к наступлению, оружию нашему в тяжких и упорных боях ниспослан крупный успех.

„Приближается тот счастливый момент, когда чувствуется решительный перелом борьбы, и дух победы окрыляет войска и подымает их на новые подвиги.

„И здесь, на востоке, куда устремлено ныне главное внимание противника, и на юге России, где войска генерала Деникина освободили от большевиков уже весь хлебодородный район, и на западе, у границ Польши и Эстляндии—большевики потерпели серьезные поражения.

„Укрепление успехов, достигнутых наступающими под верховным моим командованием армиями, предрешает завершение великих усилий и искупление тяжких жертв, принесенных на борьбу с разрушителями государства, врагами порядка и богоотступниками.

„Глубокое волнение охватывает борцов, чувствующих благословенное и радостное приближение мирной и свободной жизни.

„И вся страна, весь народ в едином несклонном порыве к победе должны слиться с правительством и армией.

„Исполненный глубокою верою в неизменный успех развивающейся борьбы, почитаю я ныне своевременным созвать умудренных жизнью людей земли и образовать Государственное земское совещание для содействия мне и моему правительству прежде всего по завершению в момент высшего напряжения сил начатого дела спасения Российского государства.

„Государственное земское совещание должно, далее, помочь правительству в переходе от неизбежно суровых начал военного управления, свойственных напряженной гражданской войне, к новым началам жизни мирной, основанной на бдительной охране законности и твердых гарантиях гражданских свобод и благ личных и имущественных.

„Такие последствия продолжительной гражданской войны всего сильнее испытывают на себе широкие массы населения, представляемые крестьянством и казачеством. Вызванная не нами разорительная война поглощала до сих пор все силы и средства государственные. Справедливые нужды населения по неизбежности оставались неудовлетворенными, и Государственное земское совещание, составленное из людей близких земле, должно будет так же озаботиться вопросами укрепления благосостояния народного.

„Объявляя о принятом мною решении созыва Государственного земского совещания, я призываю все население к полному единению с властью, прекращению партийной борьбы и признанию государственных целей и задач выше личных стремлений и самолюбий, памятуя, что партийность и личный интерес привели Великое государство Российское на край гибели“.

Из рескрипта П. В. Вологодскому.

„Постоянной заботой моей было создание тесного сближения власти и народа.

„Еще при открытии Государственного экономического совещания мною предуказана была необходимость привлечения широких кругов населения к разрешению важнейших государственных вопросов.

„Ныне, когда, с началом решительного наступления наших армий, приближается момент наивысшего напряжения сил, и когда опытом работ Государственного экономического совещания подготовлено дальнейшее развитие начатого уже сотрудничества в деле законодательства власти и народа, я признаю своевременным созыв Государственного земского совещания по преимуществу из представителей крестьянства и казачества, на которых выпала главная тяжесть борьбы.

„Объявляя об этом своем решении особою грамотою, я поручаю вам, как председателю Совета министров, разработать в ближайшее время проект положения о Государственном земском совещании, как органе законосовещательном, с правом запросов министрам и с правом выражения пожеланий о необходимости законодательных и административных мероприятий“.

Постановление Совета министров.

„Ознакомившись с грамотою Верховного правителя от сего же числа о созыве Государственного земского совещания, Совет министров с полным единодушием постановил:

„Приветствовать этот мудрый акт и выразить твердую уверенность, что все население откликнется живой радостью на призыв Верховной власти к полному с ней единению и с честью завершит борьбу с разрушителями государства“.

Хорошим был день 17 сентября, когда члены правительства принимали поздравления с мудрым решением.

Но торжество недолго продолжалось. Иностранцы спрашивали: когда же будет издан закон — грамот мы уже читали много. Правые говорили: зачем эти парламенты? Левые были недовольны — почему «законосовещательный», а не законодательный? Опять повторялось то, что было в июне, при открытии Государственного экономического совещания.

Но хуже всего то, что недовольно было время. Оно безжалостно твердило: поздно, поздно...

В тылу беспокойно.

В то время, когда мы так усердно работали над проектом Государственного совещания, с тем, чтобы открыть возможность населению непосредственно влиять на власть, на местах происходила оживленная работа подполья.

Генерал Гайда, окруживший себя эсерами в армии, создавший в своем штабе гнездо интриг, которые разложили прежде всего его собственные силы, отправился после своей отставки на Восток вместе с наиболее активными своими сотрудниками, вроде капитана Калашникова. Везде по дороге он останавливался и, по донесениям контр-разведки, вел переговоры с представителями революционных партий. Во Владивостоке он засел в поезде и продолжал деятельные сношения с Якушевым, Моравским и другими деятелями эсеровского подполья. Узнав об этом, адмирал разжаловал Гайду, лишив его чинов и орденов. Это было в сентябре.

Хотя Гайда не пользовался популярностью среди чехов, но увольнение его было использовано очень ловко для агитации против Колчака: «вот какова благодарность!» И, когда мне пришлось как-то коснуться вопроса о Гайде

в беседе с адмиралом, я сказал ему: — Вы сделали Гайду героем.

Приказ о Гайде прошел без ведома хотя бы одного министра. Кто составлял этот приказ, я так и не знал. От адмирала же никогда нельзя было добиться, кто что ему говорил. Редкое благородство характера заставляло его принимать все на себя.

Адмирал и союзники.

Отношения адмирала с союзниками ухудшались. Он перестал им верить.

Скрывать своих чувств адмирал не умел. Он был для этого слишком искренен и экспансивен. И вот однажды произошел такой конфузный случай.

К адмиралу явился весь корпус дипломатических представителей, гражданских и военных. Они предложили адмиралу взять под международную охрану золотой запас и вывести его во Владивосток.

Адмирал ответил им, что он не видит оснований особенно спешить с вывозом золота, но что, если бы даже это основание было, то он, все равно, не принял бы предложения союзников.

— Я вам не верю, — сказал он, — и скорее оставлю золото большевикам, чем передам союзникам.

Эта фраза должна перейти в историю. Уже тогда родилось то, что потом стало формулироваться словами: «лучше с большевиками, чем с союзниками».

Настроению адмирала способствовали вести, приходившие в Востока.

Выехавший в середине августа из Омска член Экономического совещания Алексеевский, по данным министерства внутренних дел, делал доклады в Иркутске, Чите и Благовещенске о предстоящем падении власти Омского правительства и о необходимости подготовить переворот.

Покровительство возникавшему движению оказывали американцы и чехи.

Омское правительство руководило борьбой и политической на дальнем западе, юге, севере, под Петроградом,

¹ Впоследствии однако по приказу адмирала, золотой запас был погружен в вагоны и значительную его часть захватил атаман Семенов.

Киевом и у Белого моря, а в это время, по иронии судьбы, вокруг самого Омска разверзлась пропасть. На фронте гасло боодушевление. Население проявляло озлобление. В далеком тылу назревал заговор.

ГЛАВА VII.

Надвигающиеся тучи.

Некоторое время общая обстановка оставалась неопределенной. Победы Деникина окрепли. На Тоболе было как будто устойчиво.

Многие стали выписывать обратно эвакуировавшиеся в августе семьи.

Но вдруг посыпались неприятные известия одно за другим.

20 октября было получено сообщение о взятии Петрограда. Все ликовали, хотя такое же сообщение в июне оказалось ложным, 21-го известие не подтвердилось, а затем оказалось, что упорные бои под Царским Селом и Гатчиной окончились победой красных. Юденич начал отступление.

День 23 октября был тяжелым днем. Орел отошел обратно к красным. Коммунисты сплотились и все до единого вышли защищать себя, а тыл Деникина и Юденича разлагался: деревня, в лучшем случае равнодушная к добровольческому движению, ничего ей не сулившему, не поддерживала Добровольческую армию, а города были полны недовольных военным режимом.

Подъем настроения красных сказался и в Сибири. Наши войска начали отступать.

Омск уже с августа казался военным лагерем. Он уже потерял свой прежний безмятежный вид. Над городом летали аэропланы и даже гидроплан, который пугал гулявших, опускаясь на уровень крыш. На Иртыше трещали автосани. Кругом города в рощах поселились беженцы. Они нарыли в роще землянки, грелись у костров. Тут же паслись их лошади и скот. Иногда казалось, что Омск в осаде, и вокруг него расположены военные лагеря.

На площади у собора служили всенародные молебны. В Омске собралось около пяти архиереев-беженцев. Мо-

лебны проходили торжественно и усиливали впечатление грозной опасности положения.

По улицам ходили крестоносцы, поступившие в ряды армий для защиты веры православной. Рядом с ними маршировали мусульмане, со знаком полумесяца. Это было движение «святого креста» и «зеленого знамени», развивавшееся под руководством энергичного и смелого идеалиста, профессора Болдырева и религиозного генерала Дидерикса.

Верховный правитель на собрании беженцев сказал им: — Бежать больше некуда, надо защищаться.

Но все жаждали помощи извне.

Чехи или японцы.

— Мы ближе к признанию, чем когда-либо, — продолжал утешать Сукин. Союзники боятся победы Деникина, правительство которого считается более правым, чем омское.

— Вся власть должна быть у Деникина, — твердили в это время правые круги в Омске, опасаясь, что омские министры будут настаивать на своем первенстве. Но было не до того, да и Деникин начал отступать.

В Омске чувствовалась напряженная работа. Всероссийский союз городов, оживившийся с приездом Кириллова, Бурышкина, Червен-Водалы, энергично развертывал свою деятельность. Составлялись санитарные стряды, производились сборы, открывались лазареты. Опытные руки умело налаживали помощь армии.

Не оставались бездеятельными и другие. В Омске была успешно разыграна на улицах американская лотерея.

Но всего этого было мало. Нужна была живая сила.

В день отъезда адмирала в Тобольск у Вологодского происходил дружеский завтрак с чехами. Соглашение о привлечении чехов добровольцами как будто налаживалось.

В сентябре предложили свои услуги карпаторуссы. Их вооружили, одели, обласкали и отправили на фронт. Но пришло тяжелое известие, что карпаторуссы изменили и перешли к красным. Это обвинение осталось непроверенным. Другие данные говорили о том, что карпаторуссы не сдались, а были захвачены, так как их часть была слишком

выдвинута и, при отступлении, оказалась покинутой без связи.

Во всяком случае, известие о карпаторуссах повергло в уныние всех славянофилов, мечтавших привлечь на фронт и чехов и поляков. Левые группы уверяли, что чехи слишком любят Россию и слишком культурны, чтобы оставить на произвол большевизма освобожденную, благодаря их вмешательству, Сибирь. Совет министров ни в чем не отказывал чехам, принимая все их условия, и Вологодский говорил с Павлу по прямому проводу, надеясь на успех.

Чешский представитель, майор Кошек, уехал в Иркутск, обещая поддерживать там воинственное настроение. Но в то время рассылалась из Иркутска по чешским войскам карикатура, на которой молодой в действительности чешский генерал Сыровой был представлен стариком, едущим на кляче, а сзади него в плохоньких телегах, на худых лошаденках, тряслись обнищавшие чехи с детьми и внуками. Под карикатурой стояла надпись: «Чехи, которые эвакуируются через сто лет».

В конце октября чехи стали продавать в Омске свое имущество и готовиться к отъезду. Оптимисты уверяли, что они поедут на запад, а не на восток. Демократия ставила на чехов, буржуазия же верила в японцев.

В Омске с половины октября находился высокий комиссар Японии, член верховной палаты, Като.

Зачем он прибыл в Омск в его предсмертные часы? В августе, когда, после совещания с Моррисом, было решено просить Японию принять на себя охрану сибирской дороги к западу от Байкала и послать для этого две дивизии, Токио ответило отказом, ссылаясь на климатические затруднения и на непопулярность в парламенте и обществе сибирских экспедиций.

Но, говорили дипломаты из обывателей, Япония заинтересована в сильной России или, по крайней мере, Сибири, и теперь, видя большевистскую опасность, придет на помощь.

Японский посол дал интервью:

„Главная цель моей поездки,—сказал он,—установление тесной связи с Омским правительством. Никаких специальных поручений я не имею. Япония стремится в настоящее время оказать помощь Омскому правительству и помочь ему в дальнейшем стать Всероссий-

ским. Как только положение в Восточной Сибири окрепнет, наши войска будут немедленно уведены: их пребывание здесь, а равно уход зависят от желания Омского правительства. Кроме помощи живой силой, по мере возможности, Япония окажет и помощь экономическую“.

Интервью оставляло смутное впечатление. Каковы намерения Японии, какую помощь она может оказать? Оставалось неясным. Но общий тон заявлений посла был настолько благожелателен, что нужно было немедленно попытаться выяснить положение. Сукину это не удавалось. Посол Като прибыл в Омск, дни проходили за днями, а переговоры не налаживались. Трудно сказать, как и откуда, но в обществе сложилось убеждение, что японцы с Сукиным разговаривать не будут, из опасения, что подробности переговоров немедленно будут сообщены в Америку. Сукин же уверял, что японцы ни в коем случае не пойдут за паднее Байкала.

Совет министров искал выхода.

Министр финансов Гойер, человек хорошо осведомленный в восточных делах, казался наиболее подходящим средством связи с Като. Министр Третьяков, как представитель торговли и промышленности, мог помочь ему. Им обоим поручено было войти в переговоры с японским послом относительно тех экономических выгод, которые могли бы быть предоставлены Японии на Дальнем Востоке, в случае ее помощи правительству. Като отказался обсуждать вопрос в плоскости компенсаций; он заявил, что японское правительство готово помочь из дружеских чувств к России, но, что касается интересов Японии на Дальнем Востоке и тех выгод, которые она могла бы себе обеспечить там, он рад обсудить их совместно с министрами, и, если точка зрения правительства будет изложена письменно, он охотно передаст ее в Токио.

Сведения, полученные позже из Японии, подтверждали, что там происходил в то время перелом настроений. Для обеспечения специальных интересов на Дальнем Востоке, необходимо было оберегать от большевизма Сибирь. Япония послала в Забайкалье новую дивизию. Это казалось благоприятным признаком, но российский посол в Токио ничего о переменах настроений не сообщал, и министерство иностранных дел омского правительства не приняло всех необходимых мер для использования новых настроений Японии.

Тем не менее, еще в конце октября мы продолжали надеяться, что положение не безнадежно.

Взбаламученное море.

По всей Сибири разлились, как сплошное море, крестьянские восстания. Чем больше было усмирений, тем шире они разливались по стране. Они подходили к самому Омску из Славгородского и Тарского уездов, с юга-востока и северо-запада, прерывая линию сообщений Семипалатинск — Барнаул, захватили большую часть Алтая, большие пространства Енисейской губернии. Даже местным усмирителям становилось, наконец, понятно, что карательными экспедициями этих восстаний не потушить, что нужно подойти к деревне иначе. Зародилась мысль о мирных переговорах с повстанцами, так как многие присоединились к движению...

Приходили сведения о жестоких расправах в городах с представителями местной социалистической интеллигенции. Делавшие это помпадурсы не понимали, что интеллигенция — мозг страны, что она выражает настроение широких кругов населения и заражает их своими настроениями, что всякая излишняя, а тем более произвольная жестокость вредна не только потому, что убивает без смысла, но и потому, что создает тысячи новых врагов.

Трудно было проверить все, что приходило с мест. Красильников, один из участников переворота 18 ноября, повесил на площади городского голову города Канска, и, как рассказывают, когда ему сообщили о жалобе на него Верховному правителю, то он пьяным, заплетающимся языком ответил:

— Я его посадил, я его и смещу...

... Омск висел на волоске, а на Дальнем Востоке разыгрывалась трагикомедия атаманщины...

На фронте.

Что же происходило на фронте? Бои проходили с небывалым ожесточением. Обе стороны дрались с страшным упорством. Наше командование бросило на фронт все резервы. Пошли крестоносцы, морской батальон, состоявший

из квалифицированных техников, часть конвоя верховного правителя. Смерть безжалостно косила ряды бойцов.]

Погода установилась отвратительная. Обмундирование, которое было выслано на фронт, каталось по рельсам, так как непрерывное отступление не давало возможности развернуться. Солдаты мерзли в окопах.

[Беспрерывные мобилизации дали несколько десятков тысяч новых солдат, но этим солдатам нельзя было доверять. Не было гарантий, что они не перейдут к красным, не потому, что они сочувствовали им, а потому, что больше верили в их силу, чем в силу Колчака. Кто наступал, тот вел за собой солдат.]

Ряды первой армии так поредели, что, когда красные повели наступление на армию ген. Пепеляева, ему некого было выслать...

Генерал Дитерихс объехал всех командующих армиями: Сахарова, Лохвицкого и Пепеляева. По соглашению с ними, он решил отступать, не останавливаясь перед сдачей Омска.

Омск начал разгружаться. Дитерихс наметил новую линию фронта и начал отводить армии. Первой уходила сибирская армия, как наиболее поредевшая.

К омскому вокзалу потянулись длинной вереницей возы.

Эвакуация.

В конце октября у Верховного правителя состоялось заседание Совета министров. Вопреки уверению Тельберга, что адмирал не любит многолюдных заседаний, он быстро привык к совместным заседаниям с министрами.

[Поставлен был вопрос об эвакуации. — Правительство, армия и золото должны быть вместе, — такова была формула адмирала. Все речи только развивали эту тему.]

Горячо говорил Третьяков. Он призывал оставаться в Омске до последнего.

— Может быть, вам, — сказал он, — обращаясь к адмиралу, суждено повторить бессмертный поход Корнилова. Мы пойдем с вами.

Но адмирал больше одобрял практические действия, чем слова. Он требовал, чтобы разгрузка совершалась быстрым темпом.

Я вполне разделял это стремление. Работать в Омске было невозможно. Он был военным лагерем. Правительство только мешало своим присутствием, а между тем тыл все больше отрывался от власти. В Иркутске избрана была социалистическая городская дума, в Благовещенске тоже. Контр-разведка доносила о большой агитации земцев. Можно было предвидеть, что правительство опоздает и с переездом, что раньше, чем оно приедет, на Востоке образуется другое.

Поэтому я с своими учреждениями не медлил и в первую очередь двинул в Иркутск Государственное экономическое совещание и бюро печати. Я считал, что для существования правительства нужно, как минимум, перенести в Иркутск управление делами, как центральный аппарат, Экономическое совещание, как некоторую общественную опору, и, наконец, средства печати, как орудие агитации.

Другие министры не спешили. Эвакуация подготавливалась уже раньше, в августе, но была отменена. Это всех развратило. Всем казалось, что так будет и теперь. Заниматься эвакуацией считалось проявлением трусости, а не благоразумия. Омская общественность требовала защиты Омска во что бы то ни стало. Государственное экономическое совещание, выслушав указ о перерыве работ, постановило выразить Верховному правителю полную готовность, по первому призыву, вновь приступить к работе по содействию правительству в его тяжких трудах. Была избрана делегация к адмиралу в составе Червен-Водали, Шукина и полковника Березовского.

Адмирал согласился принять ее. Но, когда утром 31 октября я пришел вместе с делегацией к адмиралу, он был в таком настроении, что я боялся скандала. Он пригласил к себе сначала меня одного, стукнул кулаком по столу и спросил: — Вы с делегацией? — Да. — Просите! — Это было сказано таким тоном, что я ожидал возможности самой невероятной выходки.

Однако, обошлось благополучно. Волнуясь за адмирала, престиж которого я всячески охранял, волнуясь и за престиж Совещания, председателем которого я был, я прочел резолюцию Совещания, принятую, в связи с указом о перерыве работ. Потом Червен-Водали деликатно и тактично стал развивать мысль о том, что запасный центр нужен,

но что Омск, по мнению всех членов Совещания, так важен политически, что его надо защищать.

Адмирал успокоился и оживился. Это было и его мнение. Он подчинился одно время авторитету Дитерихса, стоявшего за оставление Омска, но был рад слышать все, что говорило в защиту Омска.

Дальше речь пошла о председателе Совета министров, о необходимости перемен. Адмирал рассказал о своей беседе с Вологодским, о доверии своем к Пепеляеву, о том, что он ждет его возвращения.

После этого произошло то частное заседание министров, на котором была признана большинством необходимость смены премьера. Только общая обстановка разгрузки, под видом которой происходила фактическая эвакуация, помешала осуществлению перемен в кабинете.

Только одну неделю пробыл после этого в Омске Совет министров, и вся эта неделя проходила в колебаниях: эвакуироваться или нет. Верховный правитель поддался господствующему настроению. Он решил защищать Омск. На этом решили сыграть генералы-карьеристы.

Командовавший третьей армией генерал Сахаров просил у верховного разрешения приехать в Омск. Ему разрешили. Однажды адмирал вызвал Третьякова, Неклютина, Устругова, Пепеляева и меня к себе. Это был не совет верховного, а импровизированное заседание. Присутствовали Сахаров и назначенный его помощником Иванов-Ринов. Сахаров сделал доклад о положении на фронте, о нуждах армии, о настроениях ее. Из всего вытекало, что защищаться нельзя. Но, к общему удивлению, он сделал неожиданно и нелогично вывод, что защищаться нужно. Дитерихс не присутствовал.

Выслушав доклад, мы хотели возражать, но испортил дело Устругов. Вместо того, чтобы сразу изложить свои сомнения, он задал вопрос, будем ли мы обсуждать доклад командующего армией.

— Конечно, нет! — резко заметил адмирал. Я пригласил вас только для информации.

Поделившись своими соображениями о неустранимости беспорядка в деле снабжения и транспорта, пока будет существовать многовластие, мы разошлись.

[На другой день пришлось очень долго ожидать адмирала. Было за двенадцать, когда он вышел принять доклад.

— Знаете, сообщил он мне, я всю ночь обсуждал здесь положение и решил защищать Омск. Главнокомандующим будет Сахаров.

Указ был уже подписан. Сахаров, который накануне держал себя с неприличною самоуверенностью, был мне совершенно незнаком. Я съездил к Ноксу узнать его мнение. Он сказал, что Сахаров смелый офицер, что, может быть, ему и удастся выполнить свой план и защитить Омск.]

Все распоряжения Дитерихса об эвакуации были отменены. Поезда, следовавшие из Омска, были задержаны. Некоторым частям приказано было выйти из Новониколаевска в Омск, выехавшим чином военного министерства — вернуться. Все перевернулось вверх дном.

Адмирал ободрился. Но прошел день, другой, и выяснилось, что остановить отступление невозможно. Распоряжения Сахарова внесли только лишний сумбур. Чтобы оправдать себя, он обвинял во всем Дитерихса.

Адмирал не мог спокойно говорить о Дитерихсе. Он называл его чуть ли не изменником, обвиняя, главным образом, в том, что он увел с фронта сибирскую армию и, таким образом, обнажил фланг остальных. Докладчики не хотели быть честными и не сообщали, что они сами присоединились к плану Дитерихса и что уведенная армия фактически состояла из штабов, обозов и небольших потрепанных отрядов.

Между тем совершалось нечто непредвиденное.

Взоры всех с тревогой впились в сторону Иртыша. Он не замерзал. Падал мокрый снег, стояла распутица, зима упорно не приходила.

Незамерзшая, непроходимая река на пути отступающей армии — это грозило такой катастрофой, о которой язык отказывался говорить.

Последние заседания в Омске.

Совет министров все еще ничего не понимал. Против эвакуации упорно возражали несколько министров. Вологодский беспомощно разводил руками. Никто не хотел видеть, что творится в Омске. Город перешел всецело во власть

военных. Приехавшего из Архангельска Игнатьева, бывшего члена Северного правительства, посадили в тюрьму, без ведома кого-либо из министров. Добиться, почему он посажен, никто не мог. Подозревали дикое.

Жардецкий приехал сообщить мне, что готовится арест Сукина, Михайлова и меня, в виду вредного влияния нашего на адмирала. Уже самое сопоставление фамилий людей, резко расходившихся в политике и ее приемах, свидетельствует о нелепости плана. Но все было возможно.

В то время, как пребывание правительства в Омске лишало его последнего влияния, страна потеряла всякую связь с столицей. «Правительственный вестник» дальше Омска не выходил. Учреждения перестали работать. Сам Совет министров тратил время на бесплодные споры об эвакуации.

Я не верил искренности некоторых возражавших. Это были случайные люди для Сибири, люди, которые могли смотреть на оставление Омска, как на конец своей карьеры; Иркутск, повидимому, их не интересовал, и потому они несколько не входили в рассмотрение перспектив переезда. А, может быть, они были дальновиднее других и были уверены, что власть, оставляя Омск, неминуемо погибнет.

Вопрос решил сам адмирал. Он приказал выезжать. Спешно приняли мы положение о Государственном экономическом совещании, на всякий случай закон о денежной реформе, закон о предоставлении законодательных прав Совету министров, на случай разобщения с Верховным правителем — и собрались в путь.

В субботу 8 ноября состоялось последнее совместное заседание Совета министров с Верховным правителем. Адмирал утвердил все законы. Он остановился только на вопросе о назначенных членах совещания. Некоторые министры находили, что от назначения лучше совсем отказаться, адмиралу казалось, наоборот, что надо увеличить число назначенных членов.

В соседней комнате ждал чиновник, чтобы отнести закон в типографию. На следующий день он появился в «Правительственном вестнике», последнем его номере, вышедшем в Омске.

Министры сердечно простились с адмиралом.

Военный план.

[Я посетил адмирала еще и на следующий день. У него были также Пепеляев, который не хотел уезжать и придумывал предлоги, чтобы остаться, и Сукин, который решил уехать и оставить, вместо себя, Жуковского. Адмирал приказал Пепеляеву и мне ехать вместе с правительством.

Настроение у него было мрачное. Он производил впечатление нравственно измученного человека.

Казалось, все было сделано для защиты Омска. Начальник гарнизона докладывал Совету министров, какие у него части, какие приняты меры, и выходило, что беспокоиться не о чем. Был издан указ о призыве всего мужского населения. Я лично провел ночь в типографии, чтобы этот указ был своевременно опубликован. Защита города была поручена одному из самых энергичных и смелых генералов, Войцеховскому. Я видел его у адмирала. Это было поздно, часов в 12 ночи. Адмирал вызвал меня и просил распорядиться, чтобы в три дня было очищено здание судебных установлений. Войцеховский был в это время у адмирала. Он показался мне глубоко сосредоточенным, как-то несоответственно явной молодости, и своим печальным и серьезным видом он резко отличался от других генералов.

Но что-то подсказывало внутри, что Омск не уцелеет. И я не удержался, чтобы не спросить адмирала, окончательно с ним прощаясь: а что, если Омск падет, что будет дальше? Есть ли у него какой-нибудь план?

Он был очень удивлен моим вопросом. — Какой же план? Будем отступать на Восток. Не можем же мы бросить железнодорожную линию.

Я был, в свою очередь, удивлен. А продовольствие? Откуда будет приходить оно на Восток? Мне раньше казалось, что даже правительство, если оно не успеет эвакуироваться, должно будет попытаться уехать на юг, по направлению к Семиречью, куда как будто перст божий указал путь, даровав осенью большую победу.]

Невольно я подумал о Дутове, который формировал армию в глубине Акмолинской области и не спешил усилить левый фланг армий. Где он, не направится ли он на юг?

Мы простились с адмиралом. Я обещал ему позвонить со станции, когда поезд будет отправляться. Он очень беспо-

коился о своих министрах и не мог скрыть беспокоившую его мысль, что правительство не сможет выехать.

Отъезд.

В воскресенье распутица усилилась еще больше. Улицы и тротуары были залиты водой. Не переставал падать мокрый снег. Комендант Совета министров сам разъезжал на паровозе, формируя состав. Одни вагоны не находились, другие нельзя было вывести, потому что на пути произошло какое-то крушение. Трудно было думать, что все это случайности.

Вечером здание Совета министров превратилось в станционный зал. Повсюду набросаны были груды багажа, и сидели фигуры в пальто и шубах. Освещение было тусклое. Арматуру намеренно сняли.

Только к десяти часам вечера получено было сообщение, что часть поезда готова.

Мы тронулись в путь на другой день утром, 10 ноября. На станции были расклеены объявления о том, что адмирал решил защищать Омск, и что он не оставит армии. Говорилось, что красные еще далеко, но никто не знал точно, где. Однако, адмирал так торопил правительство с отъездом, так беспокоился о министерском поезде, что все чувствовали инстинктивно, что опасность гораздо ближе, что она вокруг нас.]

В вагонах.

В день отъезда ударил мороз. Стало легче на душе: армия сможет отойти на Иртыш.

По обе стороны пути тянулись обозы отступающих частей. На станциях стояли длинной цепью эшелоны эвакуирующихся министерств и штабов. Платформы были наполнены всяким скарбом.

В Новониколаевске мы получили известие, что дела Деникина идут очень плохо. Я посетил стоявшего там Дитерихса. Он показал мне торжествующее радио большевиков... — А вы знаете, — сказал Дитерихс: — что вам лично грозила опасность в Омске? Я просил генерала Домонтовича вас об этом предупредить.

Мы тронулись дальше. Ехали спокойно, но чувствовали себя путешественниками, а не правительством. Все разбилось, разорвалось на части и жило своею жизнью по инерции, не зная и не ища власти. Только начиная от Красноярска, где путь уже не так был разбит, стали выходить местные администраторы, чтобы встретить и получить инструкции.

Но что мог дать им Вологодский, который в это время больше походил на путешественника, чем когда-либо! И встречавшие получали только последний номер «Правительственного вестника» с положением о Государственном экономическом совещании. Это была последняя ставка правительства.

Любопытно, что одна из последних телеграмм Деникина извещала о разработке проекта учреждения законодательного органа. Этого же хотел и Миллер в Архангельске. Все пришли к одному выводу. Но Миллер просил одновременно дать ему право производить в чины и награждать орденами. Эту телеграмму мы оставили без ответа.

Министры ехали в разных вагонах и с разными мыслями. Несколько раз мы встречались на заседаниях в вагоне Вологодского. Одни вносили проекты, касавшиеся перевода денег на обеспечение послов, о нормах обеспечения уходящим министрам — это были холодные практики, другие — о расширении прав губернаторов, о порядке использования эвакуированных чиновников — это были неисправимые оптимисты и люди, которые страдали.

ГЛАВА VIII.

В Иркутске.

Поезд прибыл в новую столицу вечером [19 ноября]. Правительство встретили с музыкой. Командующий войсками Артемьев представил председателю Совета министров тут же, на вокзале, весь генералитет. Прибывший раньше правительства, государственный контролер Краснов, представил всех гражданских чинов.

Представителей общественности не было. Земство и город демонстративно уклонились от встречи.

[Кто же поддерживал правительство? Неужели только те самые военные, высшие представители которых его же бессознательно губили? Неужели правительство было только организацией для обслуживания армии и только с нею было связано?

Да, оглядываясь назад, приходится сознаться, что это было так.]

Сибирское правительство устроило свою Сибирь. Население Сибири знало, что оно имеет свое правительство, обращалось к нему, требовало от него и обещало ему. Но пришло Российское правительство и сразу оторвалось от Сибири. [Население почувствовало, что правительство живет не им, что оно глядит на запад, а власть улекалась военными перспективами — такова была идея диктатуры: сначала победить, потом устраивать.]

Правительство было «Омским», и в Иркутске оно оказалось чужим. Тяжело было его положение.

В тот же вечер Краснов, который, вместе с товарищами министров, ранее откомандированными на восток, разрешал там до прибытия правительства текущие вопросы, доложил Совету министров последние новости.

Первым и самым неприятным сюрпризом был чешский меморандум¹. Затем следовали неприятности с востока. Поведение Семенова казалось загадочным. Он задерживал золото, направленное дальше на восток; дальнейшая эвакуация ценностей через Забайкалье представлялась опасной. Правительство боялось своего офицера. Во Владивостоке создалось очень тревожное положение, назревал мятеж. Подробное донесение Розанов послал Верховному правителю, так что в Иркутске знали только поверхностно о подготовлявшемся во Владивостоке выступлении. Наконец, в самом Иркутске было тоже неблагополучно. Перед приездом правительства там был раскрыт заговор и произведен ряд арестов. По докладу Краснова, для противоправительственной агитации было много поводов. Иркутск питается привозным продовольствием. Расстройство сообщения, в связи с грандиозною эвакуацией, уже заставило почувствовать недостаток многих продуктов. Дороговизна увеличивалась с каждым днем. Между тем кассы опустели. Экспедиция

¹ Текст этого меморандума см. дальше в воспоминаниях Жанена.

заготовления государственных бумаг не работала, рабочие и служащие не получали полностью всех полагавшихся им выдач. Единственным спасением казался немедленный выпуск, в качестве денежных знаков, художественно исполненных облигаций выигрышного займа, полученных из Америки, где они были изготовлены еще по заказу Временного правительства в Петрограде.

Было о чем задуматься...

Обращение Совета министров.

Прибыв в Иркутск, Совет министров должен был дать о себе знать. Отношение к нему было слишком безучастно. Министр труда Шумиловский составил еще в поезде декларацию, которая была опубликована с датой приезда в Иркутск, 19 ноября.

„Тяжелы условия работы,—говорится в декларации.—Экономические затруднения достигли небывалых размеров, правопорядок распатан постоянными волнениями и непрекращающимся своеволием. Дух корысти овладел целыми слоями общества, не удовлетворен ряд насущнейших нужд, многое еще осталось незаконченным в строительстве, и, играя на неудовлетворенных нуждах обывателя, большевистская агитация ведет усиленную подпольную борьбу против власти.

„В настоящий момент более, чем когда-либо, необходима для власти такая обстановка, в которой она могла бы с возможно большей быстротой разрешить самые острые вопросы дня, удовлетворить наиболее насущные нужды общества.

„Совет министров постановил перенести свою резиденцию в Иркутск, наиболее крупный культурный центр Сибири, рассчитывая установить отсюда более тесную связь со всеми частями страны и объединить возле себя все государственно-настроенные круги населения.

„Для правительства не существует иных соображений и целей, кроме спасения раздираемой внутренними расприями России. Оно непреклонно верит в конечное торжество того великого дела, начало которому положено в 1918 году временным Сибирским правительством и которое ныне объединило под верховным руководством адмирала Колчака все национальные силы страны.

„В дни тягчайших испытаний оно обращается к стране со словами бодрого призыва. Предстоящая работа правительства немислима вне самой тесной связи с широкими прогрессивными кругами общества, хотя бы их взгляды и не всегда совпадали с взглядами власти.

„Положение о государственном земском совещании утверждено Верховным правителем, и народные представители будут созваны в Иркутске в ближайший срок.

„В сотрудничестве правительства и общественности будут познаны обоюдные ошибки, неизбежные и неотвратимые в обстановке спешной работы и лихорадочной гражданской войны. Признающие полезными

и необходимыми мероприятия найдут себе скорейшее завершение. Осуществление того, что не может быть претворено в действительность силами одной власти, будет проведено в жизнь при активном содействии общества.

„Родина с благодарностью вознаградит мужественных борцов за свободу, но строго покарает малодушных и лукавых.

„За землю, за охраненный законом свободный труд, за культуру, законность, истинное народоправство, за Учредительное собрание!“

Искренняя была эта декларация, и, если бы зимою 1919 года, не началось господствовать в Сибири настроение в пользу соглашения с большевиками, если бы представители левых течений были более благоразумны — они нашли бы общий язык с властью, которая звала общественность в Государственное земское совещание, для совместной борьбы против произвола...

Верховное совещание.

... Со всех сторон предлагались рецепты спасения.

В то время, как Чита предлагала милитаризировать всю Сибирь, разделив ее на два генерал-губернаторства, на западе Верховный правитель создал новый орган управления, «Верховное совещание», на котором были заменены следы административного творчества ставки. Автором этого учреждения был, по всей вероятности, Иванов-Ринов.

В ставке проявлялось бурное творчество. Воззвания выходили за воззваниями. Как в старину, адмирал объявил, «отечество в опасности».

Он просил население Сибири защищать себя.

«Я обращаюсь,—говорил он между прочим,—ко всему имущему населению Сибири. Пора понять, что никакие пространства Сибири не спасут вас от разорения и позорной смерти. До сих пор вы думали, что правительство и армия будут вас защищать без всякого участия с вашей стороны, но настал час, когда вы должны сами взяться за оружие и идти в ряды армии. Идите же в армию и помогайте своим достоинством, деньгами, одеждой и продовольствием. Забудьте о чужой помощи. Никто, никто кроме вас самих, не будет вас защищать или спасать“.

С тем же обращался адмирал и к крестьянам. В обращении сквозила господствовавшая в ставке нервность.

Сумбурнее и немощнее, чем это обращение, был приказ от 25 ноября о добровольческом движении:

„Для борьбы за возрождение великой свободной России повелеваю: широко охватившее страну добровольческое движение объединить и использовать для самоохраны и формирования народного ополчения.

„На всей территории страны объявляю призыв всенародного ополчения... Призываю все население государства к широкой самодеятельности“...

Понять, где здесь кончалось добровольчество, и начинался призыв, никто не мог. Это так и оставалось загадкой.

К числу актов этого нервного творчества относится и учреждение Верховного совещания указом 21 ноября.

„Считаясь с необходимостью моего пребывания при армии, доколе обстоятельства того требуют, я, на основании 2 части ст. 3 Положения об устройстве государственной власти в России, повелеваю:

„1) Совет Верховного правителя упразднить.

„2) Образовать при мне и под моим председательством Верховное совещание, в составе главнокомандующего фронтом, его помощников, начальника его штаба, генерал-квартирмейстера при верховном главнокомандующем, председателя Совета министров и министров военного, внутренних дел, иностранных дел, путей сообщения, финансов, снабжения и продовольствия или их заместителей.

„3) На Верховное совещание возложить разработку общих указаний по управлению страной для объединения деятельности отдельных ведомств и согласования ее с работой армии и поручить преподание указаний по вопросам удовлетворения многообразных потребностей армии, которые должны ввести строгую согласованность действий представителей правительственной власти на местах и сосредоточить всю работу прежде всего на служении фронту.

„Полная закономерность в деятельности всех органов как военной, так и гражданской власти, нелицемерные и действенные заботы о благе народа, об ограждении общественной безопасности и защите личной собственности, наконец, ясное сознание своего долга служить верою и правдою в деле восстановления единой, великой и мощной России—да будет путеводной звездой всех представителей правительства, осуществляющих мои повеления по Верховному управлению государством.

„Указ сей ввести в действие по телеграфу до опубликования его правительствующим сенатом.

„Верховный правитель, адмирал Колчак“.

Указ упразднял, в сущности, не только совет Верховного правителя, но и Совет министров, заменяя их наполовину военным, наполовину гражданским учреждением.

Идея приказа была подсказана намерением адмирала остаться при армии и невозможностью согласовать управление страной, так итак правительство, состоявшее из Верховного правителя и Совета министров, оказалось в это время разорванным на части. Ни первый ни второй не могли ни-

чего решить окончательно. Предвидя это, я в свое время настаивал в Омске, что адмирал должен переехать в Иркутск вслед за Советом министров, но он категорически отказался: «Я буду разделять судьбу армии». Но вышло так, что он оторвался затем и от армии.

Обновление кабинета.

Верховное совещание на практике ограничивалось составлением плана необходимых мер, из которых главными были повышение содержания военнослужащим и расширение прав военных начальников по расходованию средств. Все намеченные меры были целесообразны. Окончательная обработка их поручалась Совету министров.

Пепеляев был назначен председателем Совета министров. Вологодский временно принял назначение в председатели комиссии по выборам в Учредительное собрание. Временность его назначения объяснялась тем, что на эту должность был намечен Н. В. Чайковский, который уже изъявил согласие, приняв предложение быть одновременно и членом Совета министров. Вызов его из Парижа мы, однако, намеренно задерживали, в виду переживавшихся тяжелых обстоятельств...

В. Н. Пепеляев изложил Совету министров свою программу, в основных частях сводящуюся к следующим пунктам: 1) управление страной только через министров, приглашаемых по выбору председателя Совета министров и утверждаемых Верховным правителем; 2) отказ от системы военного управления страной; 3) борьба с произволом и беззаконием, кем бы они ни чинились; 4) расширение прав Государственного земского совещания; 5) приближение власти к народу, сближение с оппозицией, объединение всех здоровых сил страны; 6) сближение с чехо-словаками; 7) всемерная поддержка добровольческого движения; 8) радикальные мероприятия в борьбе с кризисом продовольствия и снабжения армии и населения; 9) дальнейшее сокращение ведомств. Вся программа построена на лозунге борьбы с большевизмом до возрождения государственно-народных сил. В заключение своего доклада Пепеляев подчеркнул, что главное значение он придает не переменам

в личном составе Совета министров, а скорейшему планомерному проведению программы в жизнь...

Попытки Пепеляева ввести в состав Совета министров представителей левых партий окончились неудачей. Колосов дипломатично отказался, указав, что его вхождение будет лишним, если Пепеляев и без того уверен, что он осуществит свою программу. Кооператоры тоже отказались выставить кандидатов.

Пепеляев решил обратиться с предложением к членам Государственного экономического совещания: Червен-Водали и Бурышкину. Они согласились войти в кабинет, но лишь при условии, что Третьяков будет заместителем председателя Совета и управляющим министерством иностранных дел.

...Быть может, В. Н. Пепеляев сумел бы вдохнуть в Совет единую волю, но он, после первого же заседания Совета министров отбыл на запад к Верховному правителю, чтобы решить с ним вопрос о возвращении к должности главнокомандующего генерала Дидерикса, о военном и морском министрах, которых Пепеляев хотел сменить, и о Государственном земском совещании, которому предполагалось предоставить законодательные права.

События на западе.

В. Н. Пепеляев застрял на западе. Быть может, он скрыл даже от самых близких к нему людей, что он был в заговоре со своим братом, генералом, и решил тогда же добиться отъезда адмирала Колчака из Сибири и созыва Земского собора, но вернее, что он уже на месте, ознакомившись с положением, которое оказалось гораздо хуже, чем мы ожидали, и увидев непримиримое отношение к Верховному правителю со стороны оппозиции, нашел новые решения, которых у него не было при отъезде. Но только он забыл о всех текущих делах, не доложил адмиралу ни одного из присланных нами законопроектов и, вместо расширения прав и демократизации состава Государственного экономического совещания, потребовал созыва Земского собора.

Адмирал протестовал. Пепеляевы почти вымогали решение.

Адмирал отказал. Он прислал телеграмму Совету министров, просил совета и поддержки. Читая его телеграмму, мы чувствовали, какую драму переживает этот несчастный человек, — Я готов отречься, — говорил он, — но Пепеляев этого не хочет.

В то же время Пепеляев телеграфировал: «Я сделал все, что мог, я настаивал до конца, пусть теперь нас рассудят бог и народ».

Мы не были уверены, что Пепеляевы не совершат какого-нибудь насилия над Верховным правителем. Поступки и телеграммы премьера казались дикими. Мы отправили ему в ответ резкую отповедь.

Это оказалось, однако, уже ненужным. Пепеляев обладал психикой, напоминавшей взрывчатое вещество. Взорвется — кончено. Прошлого не вернешь. Долго гореть ровным пламенем он не мог. Его телеграмма была взрывом. Он сделал только одно: добился назначения главнокомандующим, вместо Сахарова, генерала Каппеля. Сахарова братья Пепеляевы арестовали и Совет министров, по предложению адмирала, назначил расследование его действий.

Как ни относиться к Сахарову, но арест его был лишь демонстрацией общего развала. Он дал сигнал к повсеместному проявлению произвола и распущенности.

Адмирал отправился в Иркутск. Пепеляев последовал за ним через сутки. Он отстал, повидимому, только для того, чтобы арестовать Сахарова.

Все законы, которые с такою поспешностью и тщательностью вырабатывали мы в Иркутске, остались неутвержденными.

Мы превратились в Иркутске в собрание людей, которых ошеломяли известиями, не давая времени ни действовать, ни даже опомниться.

Через наши головы адмирал переговаривался с Дидериксом. Последний дал согласие вернуться к главнокомандованию только при том условии, что адмирал покинет Сибирь. Пепеляев уже остыл, догнал поезд адмирала и, следуя за ним по пятам, не только не проявлял никакого расхождения с Верховным правителем, но скорее поддерживал его. Получавшиеся с запада телеграммы создавали впечатление, что Пепеляев не спешил в Иркутск, академически спокойно

обсуждая с адмиралом положение, и как будто предоставил все воле судьбы.

Солидарный кабинет.

Создалось положение, при котором правительство перестало быть властью. Оно стало безвольно и беспомощно и болталось, как рука и нога паралитика.

Нашей последней ставкой было Земское совещание. Первым актом обновленного кабинета было исключение из состава совещания назначенных члонов, расширение представительства.

Когда же, наконец, это будет утверждено? Уже «Правительственный вестник», по непростительной небрежности редактора, напечатал проект закона, еще не утвержденного адмиралом, все знали, что постановило правительство, а закона все еще не было.

Наконец мы потеряли терпение и, не ожидая представления Пепеляева, сами обратились к Верховному правителю с просьбой утвердить закон. Он отказал.

Разногласие произошло из-за трех евреев. Совет министров не хотел отказать еврейству в особом представительстве, хотя, по существу, такое представительство и признавалось искусственным. Адмирал не хотел, несмотря на все наши настояния, согласиться, что отказ в утверждении бестактен, после того, как решение уже состоялось.

Так, все наше законодательство осталось пустым звуком. Другие труды разделили судьбы первого.

Еще хлопотал о чем-то А. А. Червен-Водали...

Но у прочих членов Совета министров не было такого победного настроения...

Непобедное настроение было и у «премьера поневоле» — С. Н. Третьякова. Он рвался на восток. Он хотел привести из Забайкалья семеновцев и японцев. Но чувствовалось, что он смотрит на положение безнадежно.

Третьяков уехал. В «Модерне» шли в пари: вернется или нет? Ставить на возвращение решались немногие. Вместо Третьякова, остался председателем Червен-Водали. Он принял на себя тяжелое бремя...

Вокруг Иркутска стягивалось кольцо восстаний...

„Отрывки из моего сибирского дневника“¹.

12 сентября 1918 г. М. Массарик занимает (в Вашингтоне) квартиру в огромном отеле, недалеко от французского посольства. Из окон — прекрасный вид на город. Две или три комнаты заняты под канцелярию для секретарей. Кабинет меблирован скромно: много книг и брошюр.

Вначале мы долго беседуем о том, что произошло в России с тех пор, как мы виделись в Могилеве. Он рассказывает мне о чехо-словацких войсках в России, говорит, что главное командование добросовестно занялось их формированием лишь после назначения генерала Духонина. Все его предшественники (Духонин представил доказательства) разрешали это на словах, но запрещали втайне. Я отвечаю, что прекрасно знал о существовании на высших и низших постах людей, которые методически чинили препятствия. В главном штабе, например, было потрачено полтора года, на составление для этих войск полевого устава. Мне пришлось даже протестовать против намерения коменданта концентрационного лагеря наказать чехов за то, что они праздновали тезоименитство Франца-Иосифа. В министерстве иностранных дел шла серия интриг под руководством М. Прикорского, известного австрофила и мадярофила и пр. и пр. На

¹ Перепечатано с некоторыми сокращениями из общественно-литературного и научно-публицистического журнала „Сибирские огни“ № 4, 1927 г. Новосибирск.

Впервые эти отрывки из дневника М. Жанена были опубликованы в парижском журнале „Славянский мир“, № 12 за 1924 г. и №№ 3 и 4 за 1925 г.

Керенского, наконец, в этом отношении можно было положить не более, чем на других. Во всяком случае, меня удивляло, что даже такой честный человек, как Алексеев, и тот действовал исподтишка, равно, как и Гурко, у которого это было не в характере и который энергично поддерживал Стефаника.

Он рассказывает мне, что пришлось ему переживать в Киеве в те дни, когда город подвергался бомбардировке, он рассказывает, как улицы, по которым ему приходилось проходить, обстреливались из пулеметов, при чем он не знал двигаться ли вперед или вернуться обратно. Все это рассказывается очень просто. С той же простотой рассказывает он и о днях, прожитых в одном, подвергшемся бомбардировке, московском отеле, откуда его и несколько других лиц посылали в качестве парламентариев.

Он переходит затем к своему проекту провести чехо-словацкую армию через Сибирь и упоминает о строгом нейтралитете, которого он предписал придерживаться в гражданской войне в России. Нейтралитет считает он необходимым и в настоящее время. Я спрашиваю его, предполагал ли он, что ему действительно удастся выполнить этот проект. Мы в Париже думали, что большевики, как агенты немцев, не пропустят на западный фронт подкрепление, имеющее столь важное значение с любой точки зрения. Он отвечает, что также не рассчитывал довести свой проект до конца без помехи.

Перед уходом с Украины, в конце 1917 года, чехо-словаки предложили переброситься в Румынию. Стефаник, Бенеш и я, возвратившиеся из России, сочли это чрезвычайно опасным. Протестовать перед парижскими инстанциями, мы, однако, не решились. Однако, после измены русских, Румыния оказывалась совершенно неспособной к длительному сопротивлению, и если бы чехо-словацкая армия попала в тупик, судьба ее участников была бы ужасна. Это сейчас же пришло мне в голову, говорит Массарик, и поэтому-то я отказался выполнить это категорическое требование. От имени генерала Алексева потребовали затем, чтобы чехо-словаки отошли на территорию Дона. Массарик отказался и это требование выполнить, так как ничем не желал содействовать реставрации царизма, а, с другой стороны, боялся, что чехо-словакам будет отрезана всякая возможность от-

студения. Согласившись, что эти опасения были вполне справедливы, я ответил, что мне не верится, чтобы эти предложения действительно исходили лично от Алексеева ¹.

Наконец, мы беседуем об армии, перебрасываемся только немногими словами, так как для этих разговоров у нас будет больше свободного времени в Нью-Йорке, куда он собирается через два или три дня... Он указывает на тяжелое положение, в котором чехо-словацкая армия находится после тревожений, вызванных усталостью и обстановкой. Вопрос о проверке чинов очень затруднителен: он говорил по этому поводу со Стефаником, большим регористом в этом отношении. Я отвечаю ему, что к разрешению этого вопроса нужно подходить с большой осторожностью, так как по всей вероятности чины эти не присвоены незаконным образом. Важно, чтобы армия была довольна и чтобы не было злоупотреблений.

Не помню, при каком именно случае Массарик заметил мне, что Стефаник и я могли бы там сделать «больше дела». Он жалел бы, чтобы мы выехали скорее, дабы ввести там порядок.

18 сентября. Я иду завтракать к Жюссерону, чтобы затем вместе с ним отправиться к президенту Вильсону. Посол хвалится приемом, который оказывается ему в Соединенных Штатах. Я даю подробные ответы на все его многочисленные вопросы. Жюссерон — культурный человек, беседа с ним очаровательна.

Мы прибыли в Белый дом в два часа без пяти минут. Жюссерон очень торопился, так как президент Вильсон в отношении приемов точен, «как астрономические часы». Нам действительно пришлось ждать только несколько минут. Мы вошли в зал, где, по словам посла, обычно дежурил офицер. Пропли несколько салонов, поражающих отсутствием каких-либо истинно художественных украшений; на стенах только портреты.

Президент одет с большой тщательностью. На глазах лорнет, веки глаз образуют широкую складку. Манера президента — говорить спокойным голосом, медленно и степенно.

¹ Ген. Алексеев 8 ноября 1917 г. действительно обратился с просьбой к ген. Дидериксу оказать содействие в переброске чехо-словацких полков на Дон для борьбы с большевизмом.

Это было мне на руку, так как я имел возможность в точности следить за беседой. Свои впечатления я впоследствии проверил при помощи посланника. В беседе я принимал участие только единичными словами или даже знаками.

Жюссерон представил меня и объяснил мои функции, роль, которую играю у чехо-словаков. Ответы вежливы и банальны. Посланник изложил в нескольких словах желание французского правительства подкрепить войска, которые находятся около Мурманска и Архангельска. Английский генерал, командующий там, просил пятнадцать батальонов. Французы посылают четыре и желали бы, чтобы столько же было послано президентом. Он отвечает соображениями чисто отрицательного характера и заявляет под конец, что это «глухая» операция, что вслед за четырьмя батальонами потребуется еще четыре и так далее. Он не хочет быть в нее втянутым. Главным фронтом он считает французский, все остальное — простое разбрасывание сил. Посланник настаивает, ссылаясь на мнение Версальского совета. Президент отвечает, что именно Совет высказался отрицательно. Спор о дате. Президент утверждает, что как раз последнее уведомление отрицательно. Посланник ссылается на заявления Бакера и маршала Фоша. Президент говорит, что Бакер телеграфировал ему как раз противоположное и что маршал Фош требует подкрепления только для французского фронта. Словом, президент категорически отказывается.

Тогда посланник снова заводит разговор о чехо-словаках и указывает на необходимость подкрепить их на Волжском фронте и попутно упоминает о пользе, которую принесло бы подкрепление американскими войсками.

Президент отвечает, что если нельзя удержаться на Волге, то лучше отступить, чем цепляться за пункты, где нельзя получить помощи. Он говорит по этому поводу о Восточной Сибири и пр. Посланник указывает, как дурно отзовется такое отступление на самих русских и чехах, тем более, что, начав отступление, трудно будет остановить его по желанию. Посланник настаивает на необходимости оказать помощь чехо-словакам оккупированием Западной Сибири, дабы обезопасить их с тыла. Президент все еще относится отрицательно к вопросу о помощи со стороны американцев, но, как мне кажется, менее решительно, чем в вопросе о помощи на Мурманске. Посланник говорит затем об

японцах, о возможности их использования. Президент высказывается с осторожностью. Он подчеркивает разногласия, которые имеют место как в правительстве, так и в военно-японской партии, и добавляет, что намерения японцев неизвестны. Отвечая на один из вопросов посланника, он, во всяком случае, вполне определенно высказал ту мысль, что, не желая выступать, не будет, однако, мешать выступать другим. Что касается Сибири, то, по его словам, он не прочь оказать этой стране экономическую помощь в широких размерах.

Мы вышли после сорокаминутного заседания. Повидимому, это много. Посланник ведет меня затем к генералу Маршу... Он подтверждает все, что говорил президент относительно мнений Бакера и Версальского совета. Посланник, повидимому, становится все более недоволен своей неосведомленностью.

14—17 декабря (в Омске). Видел министров. Много их. Наличие младших статс-секретарей увеличивает их численность. Президент Совета министров — некто Вологодский, с трясущимся и заросшим бородой лицом, но в общем довольно любезный, как и Устругов, министр путей сообщения. Министр иностранных дел — Ключников, бывший профессор университета. Единственно, чем он поразил меня, так это красными руками, вылезавшими из слишком коротких рукавов. Военный министр — генерал Сурин, бывший профессор военной академии. Он слывет администратором, стаж капитана прошел во Франции. [Министр финансов — молодой человек по имени Михайлов. Как мне уже успели сообщить, он — центр группы, энергично интригующей против адмирала в целях реставрации монархии. Эта группа уже выявила себя различными убийствами, например, убийством сибирского министра Новоселова. Любопытная вещь перманентность министров: они работали с директорией, и работают с адмиралом, который опрокинул директорию.]

В военной среде происходит не меньшая грызня, чем в гражданской. Честолюбцы возбуждаются перспективами повышения и горят желанием помешать своим сослуживцам воспользоваться этими же перспективами. Обвинения в шпионаже, большевизме и пр. очень часты... Начальник главного штаба — генерал Лебедев, который еще в 1916—1917 году был капитаном в ставке, в Могилеве. Мы не

предполагали тогда, что он когда-либо будет назначен на такой ответственный пост.

Реньо, которого мы часто видели, все более и более производит на меня впечатление очень честного человека. Он, как и окружающие его лица, за исключением Пешкова, не знает русского языка, что ставит его в крайне затруднительное положение, тем более, что честные люди встречаются здесь до того редко, что приходится удивляться даже и мне, человеку много видевшему. У Реньо встретил Сукина, с которым познакомился еще в Вашингтоне. Сукин занимает у адмирала Колчака пост министра иностранных дел. Достаточно было обменяться с ним несколькими словами, чтобы я убедился, насколько верна данная мне информация о том сильном возбуждении, которое вызвало в сферах радиотелеграмма, посланная Ноксу и мне ¹.

... Адмирал был серьезно болен, и мы — Реньо и я — могли посетить его только 15 декабря. Первая встреча прошла бурно, хотя с нашей стороны была, разумеется, соблюдена учтивость. Он постарел. Я нахожу, что он очень сильно изменился с того дня 1916 года, когда в ставке адмирал Русин подвел его в моем присутствии к императорскому столу в связи с его назначением на пост командующего Черноморской эскадрой. Его щеки ввалились, цвет лица и глаза лихорадочно горели; очень большой нос выдавался еще сильнее.

Колчак действительно получил для меня телеграмму, пересланную из Владивостока генералом Романовским. Колчак полагал, что теперь, когда он стал у власти, державы откажутся от их проектируемого назначения меня и Нокса. Радиотелеграмма неприятно разочаровала его. Он обращается к нам с бурными многословными и разнообразными возражениями сентиментального характера. Он стал у власти при помощи военного переворота и, поэтому, главное

¹ Речь идет о телеграмме Ллойд-Джорджа и Клемансо, полученной Омском 13 декабря 1918 г. На основании этой телеграммы французский ген. Жанен должен был вступить в должность главнокомандующего союзническими войсками, действовавшими на Востоке России и в Западной Сибири, а английский ген. Нокс — ведать вопросами внешнего снабжения армией и объединять союзную помощь в тылу по организации и обучению войск. Соответствующий приказ об этом был подписан Колчаком только 19 января 1919 г. — Р е д.

командование не может быть отделено от диктаторской власти без того, чтобы она не потеряла под собой почву! «Общественное мнение не поймет этого и будет оскорблено. Армия нитает ко мне доверие; она потеряет это доверие, если только будет отдана в руки союзников. Она была создана и боролась без них. Чем объяснить теперь эти требования, это вмешательство? Я нуждаюсь только в сапогах, теплой одежде, военных припасах и амуниции. Если в этом нам откажут, то пусть совершенно оставят нас в покое. Мы сами сумеем достать это, возьмем у неприятеля. Это война гражданская, а не обычная. Иностранец не будет в состоянии руководить ею. Для того, чтобы после победы обеспечить прочность правительству, командование должно оставаться русским в течение всей борьбы».

Все это вертится в беседе, все еще очень горячей. Реньо, сохраняя спокойствие, полное доброжелательства, и я, по очереди, проводим с осторожностью, которая необходима в беседе с человеком, находящимся в состоянии нервного возбуждения, все аргументы в пользу этого дела: союзники намерены оказать помощь — это видно из их желания иметь здесь своего человека, они корыстно не заинтересованы в этом вопросе, мое назначение будет продолжаться только до тех пор, пока положение не изменится к лучшему, требование об оказании помощи будет еще больше обосновано, если они будут непосредственно втянуты в военные действия, свою заботливость союзники показали и в назначении человека, находящегося в курсе русских событий и даже окончившего русскую военную академию. Я прибавил лично от себя, что, как дисциплинированный солдат, буду настаивать на выполнении отданного распоряжения. Обязанности, которыми меня хотят почтить, не доставят мне ни малейшего удовольствия, и я бы от них охотно избавился. Я сказал, это для того, чтобы убедить его, насколько чужды мне чувства личного тщеславия, а равно намерения посягать на прерогативы правительства.

Наши ответы чередуются с его бурными заявлениями. Он жалуется так же на чехов, на их вмешательство в русскую политику, и т. д. и т. д. Мы оставляем его очень мало удовлетворенным.

Вторично видел адмирала 17-го. Перед этим узнали мы окольными путями, что собирается Совет министров, который

склонялся к тому, чтобы наотрез отказаться от нашего содействия. Однако, генерал Сурин ярко указал на опасность такого отказа и на различные выгоды от соглашения. Это мнение в конце концов и восторжествовало. Было решено продолжать переговоры. В течение этой второй конференции адмирал было возобновил свои беспорядочные речи, но Реньо, вооружившись карандашом и бумагой, набросал несколько пунктов, над которыми можно было подумать, поработать и продолжать дискуссию. Будет постановлено, что адмирал Колчак, в качестве Верховного правителя, является, разумеется, также и верховным главнокомандующим над русскими силами, а я являюсь таковым же только над силами союзников и что адмирал может назначать меня своим заместителем на фронте, а также своим помощником. Посмотрим, что будет дальше. Протесты адмирала дают основания догадаться, что он претендует на компетентность в военном деле, что, однако, не облегчает положения вещей, ибо очень спорна его компетентность в вопросах пехотной тактики. Русские гостеприимны, но в то же время горды и не любят иностранцев. Это слишком часто заменяет у них истинный патриотизм; их история и нравы это подтверждают.

С 26—31 декабря 1918 г. Отъезд ночью в Екатеринбург. Движение медленное. Холмистая местность, слегка лесистая, в жанре Вогезских предгорий, но не особенно живописная.

После полудня мы приближаемся к городу. Вокзалы загромождены до последней степени. Бесконечные вереницы вагонов, служащие жилищами. Большие кучи нечистот. Коза тихонько спускается по доске из вагона, где, она, без сомнения, и живет. К другим вагонам привязаны лошади, и не со вчерашнего дня, судя по кучам конского навоза. Такое обилие нечистот, разумеется, антисанитарно, и мне сейчас же сообщают, что здесь свирепствует сыпной тиф.

Встреча на перроне вокзала. Чехи, русские, чешская охрана. Здесь же генерал Гайда с генералом Богословским, своим начальником штаба, губернатор и др.

Резюмируя впечатления, полученные за эти дни от Гайды (о нем мне много рассказывал Стефаник), скажу, что Гайда молод с виду и, наверно, таков же и по годам. Он блондин, длинноголовый, лицо продолговатое, нос больших размеров. Нижняя челюсть болезненна, на что указывают и много-

численные золотые зубы. У него будто бы скверный характер, и Сыровой говорил мне, что между ними натянутые отношения. Гайда был со мной чрезвычайно корректен, почти робок ¹. У него, несомненно, как это говорил мне и Дидерикс, прирожденные военные способности, он дышит энергией, имеет ясный ум и открытый характер. Его требовательность по службе отталкивает от него чехов, которые не всегда терпеливы, с которыми трудно справиться и которые, прежде всего, крайне усталы и издерганы.]

Эти демократично настроенные люди обвиняют его в том, что он перенял у русских их внешнее обхождение. Подчиненные ему офицеры следуют в нескольких шагах от него, это удивляет. [Политические соображения заставили Нокса свести Гайдю с Колчаком, которого Гайда и привез с собой в Омск в своем поезде ². Вполне естественно, что Гайдой руководило желание завоевать себе благорасположение представителя большой державы, которая в ту пору одиноко влияла на ход дела в Сибири. Думал ли он хоть на момент о подобном же перевороте в целях своего личного возвышения, опираясь на ореол, который создали ему успехи против большевиков в Забайкалье — я не знаю. Он, разумеется, знал, быть может, даже от самого Стефаника, о намерении последнего снять его с командования и отправить с миссией в Европу. С другой стороны, Колчак, в одной из наших бесед, неблагоприятно отзывался о Сыровом и жаловался на враждебное отношение чехов к Гайде, которого он высоко ценил. Колчак прибавил, что если Гайда попросит, чтобы его приняли на русскую службу, то, учитывая все его заслуги, он не сможет отказать ему в этом. Колчак просил моего содействия.] По моему мнению, Гайда поступает неправильно: если бы Гайда, при его природной одаренности и приобретенном опыте, поехал на один-два года во Францию, чтобы там получить основательное военное образование, то впоследствии он бы мог у себя на родине занять более видное положение. Но тем не менее я переговаривал со Стефаником (Гайда также просил меня об этом), который более не возражал. Стефаник только сказал Гайде,

¹ — Ты знаешь, — сказал мне Стефаник, — он ведет в Сибири знакомство только с русскими генералами.

² В одной из позднейших бесед Гайда сказал мне, что он не знал намерений адмирала.

что он, по всей вероятности, вскоре же пожалеет, почему не послушался его советов, и затем в крайне предупредительной форме дал ему отпуск. Гайда просил меня оказывать ему, в случае необходимости, поддержку в сношениях с русскими...

Пришли известия о взятии Перми. Имеются сведения об огромной добыче, но в округленных цифрах. Гайда хочет проверить. Говорят о 30.000 пленных, цифра преувеличена, так как силы врага не превышали 32.000 человек (впоследствии стало известно, что значительную часть пленных составляли военно-пленные, возвращающиеся из Германии). Во всяком случае материал был захвачен значительный.

12 января 1919 г. (Омск). В полдень совещание по вопросу о верховном командовании. Совещание в наших глазах является лучшим способом провалить вопрос, но русские любят устраивать совещания. Была созвана уйма народа: Степанов (будущий военный министр), Сурин, возвратившийся без всякого удовольствия к обязанностям заместителя министра; Лебедев, начальник главного штаба на фронте; Марковский, начальник главного штаба в тылу, адмирал Смирнов, Сукин, Стефаник и Павлу, Нокс с Родзянко, наконец, представитель Франции и один или два офицера миссии. Верховные комиссары не явились. Меня избрали председателем. Я, прежде всего, счел необходимым овладеть положением. Все эти недоразумения начинают меня утомлять. Я один веду борьбу за парижское решение. Нокс оказывает мне чисто формальную поддержку, так как обязанности, касающиеся его, не вызывают протеста, и я сомневаюсь, чтобы он особенно горячо желал укрепления моего авторитета. Реньо делает все от него зависящее, но он не знает русского языка, и я должен был потому посадить Пешкова рядом с ним. Открывая собрание, я попросил разрешения сказать несколько слов, чтобы изложить, как говорят здесь, «мою точку зрения». Я сказал следующее:

«Когда Александр I послал в Сибирь Сперанского, когда Николай I послал туда же Муравьева, который получил прозвище Амурского, ни тот, ни другой не имели в виду доставить удовольствие своим посланцам. Я меньше всего хочу сравнивать себя с этими замечательными людьми, но, во всяком случае, мои впечатления и состязания моего духа по прибытии сюда абсолютно сходны с тем, что испытывали

и они. Я безо всякого удовольствия выполняю приказ, который был мне отдан. Миссия, мне порученная, выполняется мною с тем меньшим удовольствием, что мне с самого же начала приходится заняться моим личным положением. Несмотря на это, я могу с твердостью сказать, что я являюсь лицом, абсолютно незаинтересованным, так как русские, для которых я должен работать, лично для меня абсолютно ничего не могут сделать. Возлагаемая на меня задача будет служить источником всевозможных неприятностей и не дает мне права рассчитывать на какое-нибудь благорасположение. Кто знает меня по моей прежней работе в России, тот засвидетельствует, что я оказал этой стране больше услуг, чем многие из их соотечественников. Изучив историю русского народа, я знаю, как он относится к чужеземцам, которые ему служат. Когда я был в Николаевской военной академии, то имел возможность познакомиться с тем, как в свое время относились к Барклаю-де-Толли, несмотря на то, что он спас Россию от Наполеона. Я, тем не менее, как и прежде, буду работать, не покладая рук, хотя и не питаю никаких иллюзий.

«Несмотря на все услуги, которые я могу оказать, я останусь, как это до меня случилось со многими другими, «нежеланным гостем»».

Я сказал это все спокойным, вразумляющим тоном и могу утверждать, что понизил окружающую температуру до 20 градусов. Им нужно говорить то, что думаешь. Вот пример их нелепых мыслей: некоторые из национальной гордости настаивали, чтобы я не участвовал при въезде в Москву...

Лебедев высказал несколько протестов, затем Стефаник прервал общее молчание контр-проектом, содержащим в сущности то, что я предлагал. Обсуждали, переобсуждали и через несколько часов перенесли собрание на завтра.

... Получил вечером телеграмму с известием, что Стефаник назначен командиром почетного легиона. Это прошло не без некоторых затруднений. Стефаник не только чехословацкий министр, но также французский гражданин и офицер, а все следы его назначения офицером были утеряны; этим объясняются многочисленные телеграммы, предшествовавшие назначению.

13 января. Сегодня два совещания. Одно о принципе командования, который указан телеграммой из Парижа и который русские не знают, как применить. Дидерикс приехал и тоже принимает участие в совещании. Он высказал по поводу фронта соображения, которые странно было слышать из уст такого доблестного человека. И разве не странно брать за правило сохранение армии, не заботясь о потерянной территории и не думая о моральной реакции, которую в конце-концов эта потеря вызовет в армии. В заключение утверждаются полномочия Нокса, не вызывающие больших возражений. Затем я предлагаю редакционной комиссии (Сукин, Дидерикс и я) собраться завтра у меня для выработки текста.

Дидерикс был у меня с визитом, а также для того, чтобы поговорить по поводу отступления чехов в тыл. Все уже взвешено, вопрос назрел, и я переговорил со Стефаником, навестив его сегодня. Следует разрешить его немедленно.

Днем состоялось совещание по вопросу о железных дорогах, на которое я сопровождал Реньо по его просьбе.

Это совещание — продолжение целого ряда попыток. По приезде в Сибирь я уже несколько раз указывал на состояние сибирской магистрали. Работы миссии Стевенса, органа Соед. штатов, в задачи которой входит привести в прежнее состояние железную дорогу, тормозились вследствие затруднений, которые в то время испытывали другие нации. Я все же настаивал, чтобы было принято, наконец, то или иное решение. Я мог требовать только одного, чтобы железнодорожное движение было восстановлено, ибо иначе нам нечего делать в Сибири. Не возлагая на себя никакой ответственности, я предлагал принять прежний, англичанами забракованный, французский проект, рекомендуемый создать межсоюзную комиссию под председательством русского министра путей сообщения. Я неоднократно бил тревогу по поводу растущего беспорядка: со середины декабря Восточно-китайская ж. д. отказалась от транспорта в Забайкалье, вследствие скопления двадцати шести поездов, которых эта сеть не могла принять.

За последние дни Реньо познакомился с новым проектом англичан, заключающимся в распределении участков между четырьмя союзными нациями. Такое разрешение вопроса смешно и не двинет его с места, русские противятся, так как

это умалит роль их администрации. Считая, однако, что восстановить движение смогут только американцы, русские решились в конце-концов отдать это дело в их руки. Устро- гов поделился со мной вчера возражениями против англий- ского проекта, который он находит неприемлемым, и просил меня и Реньо о поддержке. Свидание было более чем ко- ротко. Устрогов заявил, что русские власти передают же- лезную дорогу заботам союзников и требуют утверждения Стивенса. Реньо сказал несколько слов в пользу старей- шины союзных представителей. Я, как военный, потребовал окончательного решения и пояснил, что оно может иметь быстрый результат, раз исполнительный орган уже функ- ционирует. Англичане промолчали, японцы тоже. Аме- риканцы со своим главным консулом Гаррисом во главе пришли благодарить нас по окончании заседания.

13 марта. Я составил вчера для Лебедева — начальника главного штаба — ноту относительно латышского батальона из Троицка, который был обучен одним из моих офицеров и который ставка хотела расформировать. Я был сегодня приглашен к Колчаку, и он говорил мне ядовитые речи по поводу латышей и их батальонов, которые он предписал расформировать. Это было вызвано опубликованием в Ново- николаевске листка с призывом к рекрутам этой националь- ности о формировании особой части, который Мартель одоб- рил в конце октября 1918 г. во Владивостоке. Перепалка была горячая. Мне понадобился добрый час, чтобы заста- вить его понять, что, прежде всего, латыши находятся не под его, а под моим командованием и, затем, что с русской точки зрения было бы опасно проявить жестокость по отно- шению к иностранцам в связи с призывом нескольких сотен людей, что, напротив, было бы выгодно выразить в этом вопросе либерализм, тем более, что эти боевые единицы были ранее утверждены омской директорией. Сохранять хладнокровие, чтобы образумить человека, который не вла- деет собой, до того момента, пока он не придет в равнове- сие — утомительно для нервов. Взрыв прошел, и вот Колчак снова спокоен, и стал даже любезен. Мы говорим о русской авиации... и он просил меня снабдить его французским офи- цером, который мог бы организовать ее.

3 апреля. После полудня я говорил с Колчаком о ряде текущих дел, касающихся фронта, а также о прибытии

артиллерийского материала... Спокойно беседуя, мы коснулись вопроса об иностранцах (латышах, сербах и пр.). Он вскипел, как молочный суп, и начал резкими выражениями изливать свои жалобы на них. Он ссылается на свидетельство полковника Уорда, который считал их опасными и подлежащими расформированию. Я быстро прерываю разговор на эту тему, ограничиваюсь лишь возражениями, что в этом вопросе Уорд не беспристрастен, так как он, отчасти благодаря своей собственной оплошности, имел в Красноярске неприятное столкновение с сербами, которые, по правде сказать, действительно ни на что не годны. Я предоставил русским властям полное право распоряжаться сербами, как им будет угодно, но русские этим правом не воспользовались. Я занят, как он знает, последовательным упорядочением всех этих иностранных отрядов, согласно повторным инструкциям, которые я получил от их правительств, [но я должен заявить ему, что считаю Уорда человеком несведущим, неинтеллигентным и преисполненным сознанием собственного значения, которое, однако, никем не разделяется. Не зная русского языка, он позволяет руководить собою супругам Франк, двум пройдохам и шпионам.]

[Колчак переходит затем к разговору о чехах и в резких выражениях осуждает их враждебную позицию, чреватую большими опасностями, что в конце-концов принудит его разоружить их силой: он сам «станет во главе своих войск, прольется кровь» и т. д., как обычно.] Он долго распространяется на тему об отсутствии у чехов уважения к русским, говорит о их непочтительности по отношению к иркутским властям. Он обвиняет их в дерзости на том основании, что они требуют, в целях охраны железнодорожного пути, права самостоятельного распоряжения во всей отчужденной зоне и право объявлять военное положение там, где они сочтут это нужным. Я отвечаю мягко и ясно, что его опасения ничем не оправдываются. Я стараюсь достигнуть доброго согласия, но ничуть не могу помочь делу: русские, на всех ступенях, полны недоброжелательства, которое очень затрудняет мои усилия. В своем же глазу они не видят бревна. В столкновении с генералом Артемьевым¹ я не могу обвинять чехов. Они враждебно относятся к человеку, который

¹ Комендант Иркутска.

заявляет, что он является их врагом и предпочитает видеть в Иркутске скорее немецких офицеров, чем чехов. Добавлю, что в конце января Артемьев говорил мне самому такие вещи, которые вполне подтверждают эти слова.

Наконец, возбуждение Колчака улеглось, барометрическое давление вернулось к нормальной точке, и он просил меня прийти поговорить с ним в следующее воскресенье.

10 апреля. Дутов явился к завтраку в сопровождении киргизской охраны, одетой в меховые шапки и малиновые мундиры. Это любопытная физиономия: средний рост, бритый, круглая фигура, волосы острижены под гребенку, хитрые, живые глаза, умеет держать себя, прозорливый ум. Я не знаю, насколько он сведущ в военной тактике, но он должен уметь захватывать своих людей на сходах, дорогих сердцу казаков. Этим я объясняю себе его влияние. Он рассказывает нам о своих битвах во время революции, о своих партизанских операциях и о своем обратном наступлении после того, как большевики отбросили его в пустыню. Он просит у меня поддержки, чтобы обезопасить дальнейшую судьбу своей армии, так как думает, что его снимут с командования. Он говорит, что это ему безразлично, но важно, чтобы его казаки остались вместе и отдельным корпусом дошли до Москвы. Он рассказывает нам, между прочим, о своих расправах с железнодорожниками, более или менее сочувствующими большевикам. Он не колебался в таких случаях. Когда саботажник-кочегар заморозил паровоз, то он приказал привязать кочегара к паровозу и тот замерз тут же. За подобный же проступок машинист был повешен на трубе паровоза.

1 мая. Видел Колчака в полдень. Сначала вопрос об охране железной дороги. Затем, не помню, каким образом, он пускается в желчную критику чехов. Все те же знакомые слова: «он станет во главе своих войск, прольется кровь» и т. д. Он обвиняет их в дерзких требованиях, в связи с охраной железной дороги, говорит, что они требуют прав, которые являются посягательством на величие России. По этому поводу он рассказывает удивительную историю: чехи загородили веревками место рядом с его домом, там, где находится мачта радио-телеграфа, и часовой не дал пройти одному из его офицеров и пр... Это нестерпимая дерзость. Он повесит на этой веревке часового и т. д. и т. д.

Я говорю ему, что этот поступок меня удивляет и я пойду разузнать, в чем дело. Я вышел и навел справку. Случай произошел несколько дней тому назад, и вот каким образом: ванты, поддерживающие мачту станции, привязаны к сваям, которые находятся в широких ямах, вырытых вокруг площади. Эти ямы во время оттепели наполнились ледяной водой, и, во избежание падения туда людей, некоторые из ям, расположенные совсем вблизи улиц, окружающих площадь, огородили веревками. Офицер из охраны адмирала, возвращавшийся пьяным, наткнулся на одну из веревок. Его предупредили. Он пришел в ярость и, не постыжась узнать, для чего эти веревки тут находятся, пошел разжигать своих товарищей и самого адмирала... Все же это утомительно.

После, когда взрыв прошел, мы беседовали спокойно...

22 мая. Мы ходили большой группой в банк, по приглашению правительства, чтобы присутствовать при проверке денежного звонкого наличия, спасенного чехами в Казани. Над подвалом, где находились ящики с золотыми слитками и платиновым песком, можно было видеть настоящую выставку золотых и серебряных вещей, положенных на хранение в России и захваченных большевиками, а затем отобранных у них обратно. Там имелась, например, коллекция серебряных и золотых блюд, положенная на имя генерала Дуковского, бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири, другие — на имя семьи Терещенко. Эта выставка странствующих вещей, ускользнувших от грабежа, имела зловещий вид, что, однако, не мешало каналье-министру Михайлову, служившему нам проводником, шутить, как гробовщику на похоронах. Он показал нам также конторы, где печатают и сортируют деньги, главный источник доходов Омского правительства.

Нокс пришел повидаться со мной. Беседа общего характера: о положении, которое сильно осложняется, о возможностях уехать отсюда и т. д. Мартель говорит со мной о том же. Как пройдет будущая зима! Как пойдут дела после отъезда чехов!..

Я ответил Стевенсу, который горько жаловался по поводу налетов, продолжающихся на железную дорогу, что, несмотря на волнения в стране, никаких мер не принято для того, чтобы сократить количество поездов и облегчить

таким образом их охрану. С другой стороны, невозможно требовать большего от чехов, пребывание которых в Сибири не имеет целью охрану пути. Я добавил, что восстановить спокойствие и обеспечить охрану вдоль всей линии железной дороги в такой обширной стране только теми средствами, которые имеются в нашем распоряжении, является делом безмерной трудности. Во всяком случае, значительные результаты уже достигнуты. Подтверждается, что англичане не прочь взять на себя заботу не только об Омской и Уральской железных дорогах, но также и о фронтовых... до России включительно, если бы только дела шли успешно. Они купили на этот случай паровозы, подготовили обслуживающий персонал и пр... все это помимо Стевенса...

23—25 мая. Сукин завтракал у меня в пятницу 23-го. Я энергично настаивал, чтобы он направил адмирала на путь смягчительных мер и ослабления режима, которые многие объясняют реакционными намерениями. Лазье страшно отстаивал созыв Земского собора. Он стал гораздо большим демократом, чем тогда, когда служил в консульстве республики. Я указал министру, что для восстановления престижа адмирала было бы лучше не увеличивать количества людей, гниющих без суда в тюрьмах. Не думаю, чтобы он убедился в необходимости либеральных мер; у меня, как и у Лазье, осталось впечатление обратного.

Мы получили по радио текст благодарственной телеграммы, адресованной Колчаком Пишону в ответ на поздравления (полученные как раз в тот момент, когда дела начали портиться). Телеграмма полна трогательного либерализма. Колчак, хотя и подписал телеграмму, составленную Мартелем, но это вовсе не означает, что здесь так именно думают или имеют хотя бы малейшее намерение провести все это в жизнь. Во всяком случае, вчера Сукин отказывался что-нибудь в этом отношении сделать. Чтобы быть «признанным», они подпишут все, что угодно. Как я уже говорил Мартелю, это опасная игра. В Париже, где есть охотники развешивать уши, это будет принято за чистую монету, Лазье выразил свое удивление в телеграмме, которую он просил меня отправить. Я с своей стороны, не желая играть роль глушца, телеграфировал следующее:

«Благодарственная телеграмма, посланная адмиралом Колчаком г. Пишону, была оставлена Мартелем, к которому

обращались, чтобы улучшить стиль. Благодаря ему, в телеграмме выражены те мысли, которыми, по нашему мнению, здешнее правительство должно было бы руководиться. Было бы счастье, если бы оно их действительно разделяло. К несчастью, этого нет. Мои телеграммы служат доказательством»...

1 июня. У меня завтракал Будберг, новый военный министр. Его долгое пребывание в Сибири заставляет считаться с его взглядами на эту страну.

Он открыто заявляет, что затруднения происходят вследствие неправильной ориентации офицеров и правителей. Коренные сибиряки (а отчасти также и те, которые долго живут здесь) имеют независимый характер, переловые убеждения, но не являются большевиками, тем более, что им хорошо живется. Результат патриархального обращения офицеров с солдатами, которых они теперь снова принялись бить, самый отрицательный. Солдаты дают ответ револьверами и ножами. Сибиряки не любят также, чтобы задевали их жен. Беспорядки на Дальнем Востоке объясняются зверствами агентов правительства во Владивостоке и окрестностях. Эти агенты восстановили все население, обращаясь с ними, как при старом режиме. Не лучше и внутри страны, где оно видит власть только в лице военных, которые грабят и отягощают его реквизициями, а население и без того пострадало от большевиков и сейчас находится у последней черты. Необходимо, чтобы правительство показало себя в другом свете.

Есть, продолжает он, пропасть между народом, главным образом, между крестьянами и образованным классом, пропасть, объясняющаяся вековой ненавистью потомков рабов к потомкам господ. Прибавьте сюда недостаток патриотизма и энергии у буржуазных классов, некомпетентность таких людей, как октябристы и кадеты, наконец, несчастливую руку литераторов, которые пустили в обращение абсурдные мысли. Взаимное недоверие, беспутство мыслей, особенно у молодых поколений, которые большевизировались на фронте, делают чрезвычайно трудным создание чего-либо среди общего беспорядка. Население питает абсолютное недоверие к неспособным администраторам, склонным к реакции. Единственное средство спасти положение — это создать прочное правительство из людей здравого смысла, воскре-

силь дух законности, исчезнувший повсюду, как вверх, так и вниз, вернуть любовь и привычку к труду. Враждебное отношение к прежним правящим классам вызывает желание видеть страну, оккупированной союзниками, которых считают независимыми, беспристрастными, свободными от политических грех и жажды мщения.

Под их опекой успокоятся умы и восстановится прежнее равновесие...

Адмирал отбыл на-днях на фронт. Мартель поехал, чтобы передать ему обширную телеграмму, полученную из Парижа. Кажется, в ней ставят условием его «признания» ряд гарантий о выполнении либеральных и демократических обещаний. Не знаю, говорится ли в телеграмме и об избирательном праве для женщин, о котором Нокс несколько дней тому назад не совсем уверенно намекнул Буксеншуцу.

Здесьняя публика, учитывая материальные и моральные выгоды, которые доставит им «признание», будет обещать все, что от нее потребуют, и даже больше. Другое дело — сдержать обещание.

5 июня. Утром я был у Колчака и говорил о деле Гайды. Беседа довольно дружественная.

— По моему мнению, — говорю ему в ответ, — нужно сохранить Гайду, так как его любит армия, а он и Богословский до сих пор работали хорошо. Опасно мстить упряжь посреди брода. Если после этой перемены произойдут какие-нибудь затруднения, будут говорить, что именно она была причиной. Мое мнение может быть и не безошибочно, но, по чистой совести, я считаю его, в настоящее время, более приемлемым. Если я ошибся, то приду и сознаюсь в своей ошибке.

Адмирал находит утомительным постоянно выступать в роли мирового судьи между генералами и министрами. Вернувшись затем опять к нехватке в личном составе, он говорит о Дидериксе, который мог бы заменить Гайду. Я отвечаю, что считаю Дидерикса более подходящим для начальника главного штаба. Он пригодился бы сибирской армии своими техническими знаниями, столь редкими.

Решение относительно Гайды следует вынести срочно. Его пребывание здесь вредно отражается на его армии. Это начинает чувствоваться. Левое крыло волнуется. Но, с другой

стороны, у него есть друзья даже в правых партиях. Казаки явились выразить ему свои симпатии. Он получил даже предложение о поддержке в случае государственного переворота.

7 июня. Первые прекрасные дни сменила холодная, ветреная погода.

Чехо-словацкая сводка за декаду указывает, что транспорт на восток закончен: 262 поезда прошло через Омск.

Богослужение в соборе, затем парад на площади. Матовский показывает войска, в которых пятый не имеет ружья. Обучение элементарное. Все поражены малым ростом и молодостью солдат. По желанию Колчака, войска дефилируют с чрезвычайной быстротой, так сказать, по французскому способу. Это празднество устроено в ознаменование годовщины освобождения Омска. После полудня состоялось собрание в думе, на котором выразили благодарность 6-му чехо-словацкому полку, сыгравшему в освобождении Омска главную роль.

8 июня. Павлу известил меня из Иркутска, что английский депутат Уорд отправляется в Англию с намерением открыть против меня кампанию в прессе и в палате общин: мои действия имеют целью свергнуть Колчака, я помогал противным ему передовым и революционным партиям, вопреки моим инструкциям; настраивал иностранные армии против русских и пр. Это ничтожество является рупором своих переводчиков, четы Франк, шпионов и пройдох, которые из большевиков превратились в германофилов и реакционеров. Я уже отмечал, что жена Франк связана дружбой с мадам Имен, которую я выставил за дверь нашей радиопочты, где она служила, за то, что она опубликовала в официальных газетах ряд статей, враждебных союзникам. Она в дружбе с любовницей адмирала. Забавно быть причисленным к революционерам после того, как в палате депутатов меня причислили к друзьям Николая II, что действительно соответствует истине. Вполне понятно, что поскольку это в моих силах, я и впредь буду препятствовать убийствам и преследованиям, иначе я буду соучастником ежедневно совершающихся преступлений. Если здешнее правительство держится, так только потому, что присутствие чехов в центральной Сибири мешает отрезать сибирскую магистраль. Уорд сделал бы лучше, если бы также

заялся этим делом, чем, возможно, доставили бы удовольствие своим избирателям из рабочей партии. Но эти Франки, помимо различных качеств, указанных выше, являются также агентами английской миссии. Это становится тревожным. Нет ли тут, как говорили некоторые, чего-нибудь, в роде предательских козней. Вполне возможно. Наряду с хорошими и лояльными друзьями есть и такие, которые хотели бы видеть меня в другом месте, а хорошие личные отношения не мешает завести в сфере служебных обязанностей.

21 июня. История, случившаяся с неким Седлики, который знаком с одним из моих офицеров, показывает, какова здесь справедливость. Он был приговорен к смерти по обвинению в содействии рекрутам уклоняться от военной службы. Дело касалось одного его служащего, который ушел со службы прежде, чем получил свой призывной листок. К счастью для Седлики, Колчак был с ним немного знаком лично. Это осуждение удивило Колчака, который приостановил исполнение приговора и послал расследовать сущность дела. Трибунал и главный прокурор в Иркутске признали свою ошибку. Этот человек был осужден только потому, что генерал. Артемьев требовал примерного наказания. Осужденному указали всю трудность положения и предложили подчиниться приговору и молчать; его помилуют. Он, однако, не обрадовался такому выходу из положения, ибо не доверяет лицам, которые ему это предлагают, и дело тянется до сих пор. Таких фактов не было даже во времена царизма.

30 июня. Отъезд в 15 часов 30 минут. Остановка в Канске. Кроме чехов я нахожу Красильникова с пикетом своих казаков. Он, неоспоримо, имеет великолепную голову солдафона. Его стадо грабит сильнее, чем повстанцы, которых называют большевиками, и крестьяне считают, что последние лучше дисциплинированы. В одной деревне большевик, изнасиловавший учительницу, был присужден к смертной казни, но когда пришли люди Красильникова, они безнаказанно разграбили все дочиста. В Канске беззаботно расстреливали людей, все преступление которых заключалось только в нежелании отдать свои деньги.

4 июля. Принимал Сукина, которого сопровождал Мартель. Он говорил, что пришел удержать меня от намерения

вернуть на родину чехов и всех иностранцев вообще. Он говорит, очевидно, от имени своего правительства и упаковавшейся ставки. Явная враждебность в отношении чехов и желание от них отделаться.

Он прежде всего сказал мне, что провоз чехов через Владивосток невозможен и что абсолютно необходимо, чтобы чешская армия без промедления выступила на фронт, в направлении Архангельска или Царицына, для участия в наступлении, которое готовится к августу месяцу. Таково мнение англичан (план Винстона, Черчилль-Нокс), американцев и Крамаржа. Я ответил без обиняков, что мне об этом ничего неизвестно, а военные постановления относительно моих войск касаются меня более, чем кого-либо другого, и в конце-концов все это никак не согласуется с директивами, полученными от Стефаника через маршала Фоша. На предложение Сукина не считаться с этими директивами я ответил, что это были указания внутреннего порядка и что, к моему большому сожалению, учитывая, что операция подобного рода соблазнительна только при условии ее выполнимости, в настоящее время не может быть и речи о возвращении на фронт. Это возвращение было бы целесообразно перед поражениями и могло бы теперь быть оправданным, если бы только положение вообще изменилось. Я не мог и подумать об отправке моих войск на фронт в момент беспорядочного отступления. Этого не позволяло, главным образом, моральное состояние армии, которое мне пришлось констатировать и о котором я осведомил Европу. Мы — Павлу¹, Сыровой² и я — были солидарны в том, что приказ такого рода, будь он даже из самой Праги, неминуемо повлечет к беспорядкам, последствия которых сейчас не поддаются подсчету. Войска не поверят нам, особенно после телеграммы Бенеша: «Родина не требует от вас более жертв, вы достаточно сделали для нее». Они предположат обман с нашей стороны, тем более, что английские войска оставили при приближении большевиков Екатеринбург, а итальянские войска — Красноярск.

Сукин заявил тогда, что на фронт нужно идти именно сейчас. Ити туда позднее, когда положение изменится

¹ Гражданский комиссар чехо-словацкой армии.

² Чехо-словацкий генерал.

к лучшему, будет невозможно, так как русская армия этого не пожелает. Я ответил ему, что я в этом не уверен, но сейчас, во всяком случае, не в моей силе изменить моральное состояние, вызванное рядом фактов и особенно тем враждебным отношением, которое проявляется со стороны омского правительства и которое чехи заметно чувствуют.

Затем Сукин перешел к разговору об отправке на фронт отряда добровольцев. Я ответил, что на это необходимо прежде всего получить разрешение чехо-словацкого правительства. Я во всяком случае полагаю, что, в виду морального упадка, число таких добровольцев будет мало. Кроме того, я нахожу, что после недавней встряски крайне неблагоприятно извлекать лучшие элементы из частей, нуждающихся в переформировании.

Затем Сукин завел разговор о беспорядках, которые неминуемо вспыхнут зимой, а потому считает необходимым разоружить чехов.

Я очень сухо остановил его, заявив, что этот вопрос я даже не могу подвергать обсуждению. Я послан сюда, чтобы командовать этой армией, а не разоружать ее. Я считаю своим долгом предупредить, что всякая попытка в этом направлении приведет к взрыву, и омское правительство тогда опрокинется.

Что касается беспорядков, которых он опасался, то я уверен, что их можно избежать, если только вопрос об отправке морем будет урегулирован и отправка будет производиться методически. Солдаты вполне сознают, что ускоренная отправка всех невозможна. В конце концов, постепенный отъезд чехов выгоден и для русских, ибо последним понадобится ведь время для замещения войск, охраняющих Сибирскую магистраль, а к этому не сделали еще никаких приготовлений, несмотря на настояния генерала Михайлова и мои. Если они надеются на присылку войск американцами или японцами, то эти последние тоже, ведь, не сразу придут. Я счел необходимым напомнить Сукину, что если бы в центральной Сибири не было чехов, то вся Сибирь была бы охвачена восстанием, Сибирская магистраль оказалась бы отрезанной и мы не вели бы сейчас переговоры в Омске. Сукин заметил, что ставка держится другого мнения и считает, что в этом отношении чехи — плохая поддержка.

Я возразил без особенной, должен сознаться, любезности, что компетентность, обнаруженная ставкой в военном деле на Урале и других местах, избавляет меня от обязанности считаться с ее мнением. Генерал Розанов, во всяком случае, приходил горячо благодарить меня за услуги, оказанные чехами.

Тогда Сукин сказал мне, что законопроекты, подготовлявшиеся к опубликованию и благоприятствующие чехословакам в отношении концессий заводов, земли и пр., утеряли свой смысл. Это дело омского правительства — отвечал я. Знаю одно, что не в моих силах изменить положение, вытекающее из фактов.

Затем был поднят вопрос о поляках, которых адмирал, Сукин и ряд других лиц обвиняют во всех грехах Израиля. Действительно, поляки имеют недостатки, но кто их не имеет? Сейчас поляки охраняют один из секторов Сибирской магистрали, посылают даже экспедиции на север и на юг от железнодорожного пути. Они твердой рукой справились с большевистской агитацией в своей среде. Я напоминаю все это Сукину. Он указывает, что следует отправить их на фронт. Они, конечно, пошли бы вслед за чехами, — отвечал я, — но в настоящее время я вообще не знаю, пойдут ли они или нет. Для этого нужно распоряжение их правительства. Он заявляет мне тогда, что если они не пойдут, то их придется разоружить: адмирал находит это абсолютно необходимым. Я отвечаю, что это недостаточная причина.

Говорили также о сербах — вопрос нетрудный — и о румынах, относительно которых я восстановил истину: неоспоримо то, что сейчас они держатся хорошо.

Далее пошла дискуссия о политике. Я заявил ему, что благоразумно было бы дать некоторые свободы, прекратить полицейские преследования и восстановить священный союз. Правительство решило, — ответил он, — идти к цели, не взирая на все препятствия; народ послушен и нужно только энергично взять его в руки; единственное правительство, которое нужно России, — это монархия. — Очень возможно, — сказал я, — не сомневаюсь, но эта монархия умерла, ведь, а Сибирь другого закала; речь же идет как раз о Сибири, об этом, как видно, совсем не думают.

Он также горько жаловался на союзников, на англичан, которые снабдили Деникина старыми вещами и старым материалом, а их — устаревшими пушками. Поспешный уход англичан из Екатеринбурга произвел потрясающее впечатление.

Наконец, он заговорил о прибытии Морриса, посланника американцев, от которых он, кажется, ждет помощи. Ветер, очевидно, повернул в сторону последних.

В течение нашего долгого разговора, я чувствовал себя временами очень натянутым: это бессознательное высокомерие выводило меня из себя. Эти люди забывают, повидимому, что без чехов и меня они давно уже не существовали бы.

5 июля. Три русских офицера, вернувшихся из Константинополя, рассказывают мне массу интересных, но печальных фактов. Неприятные вести из Одессы, где русским комендантом города был назначен Гришин-Алмазов, каналья, готовый на все, что угодно. Кровавая реакция в Одессе и Киеве, с расстрелами под сурдинку. Все это вызвало общее недовольство и те люди, которые сначала приветствовали нас, теперь стали большевиками. Конфликт между Деникиным и генералом Франше д'Эспере¹. Они полагают, что можно было использовать людей Петлюры для формирования войск против нас. Там, как и здесь, все было использовано нашими врагами и нашими союзниками. Франкофобское настроение в армии Деникина. — Французские кепи на юге России вызывают недоброжелательное отношение, — сказал один из них. Эти слова приписываются не Деникину, который не слишком много занимается политикой, а Лукомскому, Драгомирову и Романовскому². Это, разумеется, осложняется германофильством. Они рассказывают о пребывании в течение нескольких дней в Екатеринбурге высокого представителя главного немецкого штаба.

В общем, та же картина, что и здесь. Реакционные идеи, злоба. Мы выбрались из капи после того, как нам изменили русские, а они сами остались в ней сидеть. Наконец, восхищение немцами, которые их разбили: «Мой испуганный

¹ Французский генерал, командовавший союзными войсками на юге России во время французской вооруженной интервенции. — Р е д.

² Генералы — соратники Деникина.

дух дрожит перед твоим». Я давно, еще в России, говорил, что за исключением отдельных лиц, из которых многих, как, например, бедного Николая II, нет уже в живых, все русские — неблагоприятные создания.

6 июля. Я послал на восток длинную телеграмму. Вот ее содержание:

«Один английский консул сказал мне 25 февраля, повторяя слова одного из своих коллег на Урале, что в Сибири называют большевиками всех тех, кто в большей или меньшей степени не разделяет правительственных взглядов, таких, которые их разделяют, немного». Это бесконечно близко к правде. Я не мог этого констатировать в течение моего пути. Я уже говорил об адмирале, и о том, что думают о нем в стране. Его самостоятельная работа довольно слаба; фактически им руководят и отводят глаза. Его среда в настоящий момент подозрительна. Вокруг него вертятся женщины, связанные с людьми, находящимися под подозрением в шпионаже, германофильстве и антисоюзных поступках.

«Итак, я резюмирую то, что сказал: давление оказывает на правительство группа министров во главе с Михайловым, Гинсом, Тельбергом; эта группа служит ширмой для синдиката, спекулянтов и финансистов; отставка министра продовольствия, благодаря поддержке этой группы и, наконец, хищение в государственном банке. Это синдикат имеет чисто реакционную и анти-революционную тенденцию. В нем, как и среди офицеров, наряду с искренними монархистами или людьми, озлобленными потерями и страданиями, причиненными революцией, встречаются так же барышники и даже бывшие большевики, которые хотят искупить свою вину.

«Коснемся области иностранной политики. Влиятельные лица этого синдиката придерживаются чисто германофильских тенденций. Германофильство заметно также у ряда офицеров, в частности среди офицеров в главном штабе армии, где оно все растет. Известие о подписании Германией мира, указывавшее на ее поражение, вызвало среди лиц упомянутой категории удивление, смешанное с глубоким сожалением. Приходится отметить и враждебное отношение к иностранным легионам, заметно также отрицательное отношение к Антанте, которую подозревают в сочувствии революции.

«Итогом всего этого является общее положение. Административные расправы, произвол и зверства полиции вызывают в стране большое озлобление, усугубляющееся тем, что со времени царизма Сибирь вообще держалась левых взглядов. Адмирал, которому я указал на многочисленность заключенных, томящихся без суда, ответил мне: — Я повторяю министрам, что из ста задержанных нужно, без сомнения, расстрелять десятерых, но за то девяносто немедленно же отпустить. — Я констатировал в Екатеринбурге и Иркутске факты, по поводу которых эсеры, добываясь моего покровительства, заявляли: — Этого не творилось даже во времена монархии.

Этими внутренними беспорядками объясняются и поражения армии. Все это ни в коем случае не расчищает места для необходимого священного союза. Отношения обеих сторон обостряются. Поражения на фронте увеличивают оппозицию передовых партий.

12 июля. Вечером приходил Гайда просить моей визы на чехо-словацком паспорте и поддержки. Он имел бурное объяснение с русскими, которые хотели расформировать его поезд, и приготовился даже к защите вооруженным путем. Дело уладилось, благодаря многочисленным хлопотам генерала Бурлина. Это было мелочно после всего того, что Гайда сделал для Сибири и самого адмирала. Он обменялся с последним (я в этом убедился из других источников) речами, лишенными всякой учтивости. Адмирал упрекал его в демократических тенденциях, в оказании покровительства социалистам-революционерам, в наличии в его армии и главном штабе офицеров прогрессивных убеждений. Гайда ответил, что он считает опасным иметь реакционную ориентацию, что обещания, данные Сибири, не были сдержаны, отсюда шло все зло, и это становилось опасным. Колчак обвинял его в отсутствии военных знаний. Гайда отвечал, что сам адмирал не может ни в малейшей степени претендовать на такие знания, так как ему довелось командовать только тремя кораблями в Черном море. На угрозу, что он отправит его в военный совет, Гайда ответил, что он чех и не подчиняется ему. Гайда просит у меня покровительства и поддержки чехо-словацких войск, если таковая понадобится: он, кажется, боится, что его арестуют. Я говорю ему, что он вполне может рассчитывать на мою

поддержку, тем более, что теперь, когда он более не состоит на службе у русских, они не имеют на него никаких прав.]

14 июля. Национальный праздник. Чехо-словацкий полк захотел участвовать в смотре, устроенном французской авиационной группе. Я завтракал с полковником и несколькими из его офицеров. — В этом полку мало желающих идти на фронт, — говорит он нам. — Добровольцев будет немного, да и они не окажутся способными к длительному моральному сопротивлению.

Фронт разрушается все более и более. Симптоматичными являются чрезвычайно частые убийства офицеров. Полковник хочет остановить батальон, переходящий полностью, с офицером во главе, к неприятелю; офицер осаживает его выстрелом из револьвера. В стороне Троицка, в первой Яицкой пехотной дивизии (там, где латышский полковник Гоппер), три полка, сформированные из солдат армии, сражавшейся в Румынии, перешли к неприятелю; из них один батальон полностью.

[29 июля. Вчера прибыл генерал Нокс. Мне пришлось оказать ему содействие, так как начальник польского легиона отказался пропустить его поезд и даже велел ему убираться прочь. Его душа озлоблена. Он сообщает мне грустные факты о русских. 200.000 комплектов обмундирования, которыми он их снабдил, были проданы за бесценок и частью попали к красным. Он считает совершенно бесполезным снабжать их чем бы то ни было. Я говорю ему, что понимаю его огорчения, так как на его совести лежит вина в возвышении Колчака.] Я завел речь об операции на Архангельск, сторонником которой он был, и указал, что невозможность ее выполнения ясна теперь, когда взорваны мосты через Каму; коснулся затем операции на Царицын, и передал весьма благоразумный ответ Сырового.

Телеграмма, полученная из Европы, сообщает, что после эвакуации чехов предполагается уменьшить состав миссии и вернуть французские войска. Уф! Это облегчает мне составление подготавливаемой мною телеграммы о моем намерении уехать отсюда, как только эвакуируется большинство чехов. Я ответил, что в момент получения телеграммы собирался было телеграфировать о настроении большинства наших солдат со здешними людьми, в частности, о командным составом, установились столь

натянутые отношения, что вызвали к ним отвращение достаточно сильное, чтобы вылиться в ряд затруднений. Я излагал еще общее положение, которое было причиной... Наши солдаты славно дрались, когда они были этой зимой на фронте и при наступлении красных «последними» ушли из Екатеринбурга. Но я убежден, что теперь они охотнее пойдут за нами против этого правительства, но не согласятся сотрудничать с ним где бы это ни было: в тылу, или на фронте.

2 августа. Сегодня утром, на квартире Нокса, Родзянко¹ высказал мне соображения не менее жесткие, чем мои. Здесь — сказал он — нет джентльменов. Он с негодованием рассказывает историю батальона, отправленного на днях из Томска на фронт для подкрепления. В Омске солдаты отказались добровольно идти на фронт, требуя припасов, так как долгое время находились без пищи. На глазах возмущенного Гемпширского полка солдаты были разоружены и над ними учинена расправа. Днем в приказе генерала Матковского было изложено все происшедшее и в заключение сказано: «Расстреляно двадцать. Бог еще с нами! Ура...»

8 августа. Вчера вечером отбыл в Омск. Мой конвой состоит на этот раз из батальона 6-го чешского полка, прозванного «большевистским» за волнения, которые в нем происходили. До сих пор к его услугам не прибегали: он протестовал.

Линия забита до половины пути между Омском и Петропаловском; дальше она довольно свободна. Встретил множество поездов, тащащих самые несуразные вещи. Грязные солдаты, здоровые и раненые в левую руку, беженцы в теплушках, повидимому, уже давно в них живущие. Некоторые имеют на крыше запас дров, убогие пожитки. Другие вагоны везут в беспорядке сваленную амуницию, материал, бесформенные обломки, куски чугуна, сломанные телеги, старые колеса и пр. пустые платформы и вагоны. Испорченные паровозы... Край спокоен и пустынен.

В 19 часов прибыл в Курган, который был эвакуирован постепенно. Оставил маленький французский авиационный

¹ Русский полковник на английской службе.

отряд, прибывший передать авиационные аппараты и показать, как ими нужно пользоваться.

Мои «друзья» Франки имеют команду в Таре за сотни верст от Омска и забавляются операциями над местными большевиками-партизанами. Командование войсками находится в руках женщины...

16 августа. Д. пришел переговорить со мной по вопросу об аресте полковника Крежчи (командующего чешской дивизией в Томске) в связи с его приказом об охране железной дороги. Я еще не записал эту историю. Крежчи, охраняющий целостность Сибирской магистрали в порученном ему секторе, давно уже издал приказ, возлагающий ответственность на население в тех случаях, когда оно не препятствовало попыткам разрушения пути или же не доносило о них. После издания приказа никаких происшествий не было. Деревни сами просили, чтобы им выдали оружие, дабы лучше нести охрану. Узнав об этом приказе, русские власти удивились. Министр Тельберг сообщил мне, что «Межсоюзный комитет»¹ (это — учреждение, которое не остается без работы, благодаря совершающимся везде зверствам) отменил приказ и уведомил об этом Крежчи.

Я ответил через министерство иностранных дел, что Крежчи подчиняется мне, а не им, что отмена приказа поэтому недействительна, о чем я и извещу полковника. Тогда они попросили меня, чтобы я сам отменил приказ. Я спросил Крежчи, сможет ли он обойтись без приказа, на что получил отрицательный ответ.

Тогда я сказал русским, что 6 марта генерал Розанов издал в Красноярске приказ, гласящий, что за всякое нападение на железнодорожный путь ответственность будет возлагаться на политических заключенных, содержащихся в городских тюрьмах, и известное число их будет повешено. Я добавил, что приказ этот был приведен в исполнение, очень шумел в области, а потому прежде, чем отменить приказ Крежчи, я должен знать, отменен ли приказ Розанова, дабы иметь возможность вырвать из рук чехов всякое моральное обоснование. Сукин ответил, что

¹ Забота о транспорте и охрана Сибирских железных дорог декларацией от 14 марта была поручена, т. н. „Междусоюзному комитету“, в состав которого входили представители от всех союзных держав, а также и от колчаковского правительства. — Ред.

приказ отменен. Я готов был поручиться головой, что этой отмены не было и поэтому потребовал даты, справки, подтверждения, чтобы я смог сослаться в моем приказе. На этом дело и заглохло... Крежчи, во всяком случае, никого не повесил...

[7 ноября. В полдень видел адмирала. Я докладываю ему в нескольких словах о моем отъезде из Новониколаевска. Генерал Сахаров, впрочем, уже сообщил ему об этом. Он говорит мне, что правительство и он намереваются незамедлительно уехать в Иркутск. Нужно ли было дать отставку генералу Дидериксу, чтобы теперь сделать то, что тот раньше считал необходимым? Беседа тянется.

Он похудел, подурнел, взгляд угрюм, и весь он, как кажется, находится в состоянии крайнего нервного напряжения. Он спазматически прерывает речь. Слегка вытянув шею, откидывает голову назад и в таком положении застывает, закрыв глаза. Не справедливы ли подозрения о морфинизме? Во всяком случае, он очень возбужден в течение нескольких дней. В воскресенье, как мне рассказывают, он разбил за столом четыре стакана.]

8—12 ноября. Сибирь погибла теперь. Какие только попытки мы не предприняли для того, чтобы удержаться, но все они рухнули. У англичан действительно несчастливая рука: это сказалось на Колчаке, которого они поставили у власти, как сказалось и на свергнутом ими Николае II. Не будь этого, не знаю, удалось ли бы нам одолеть большевизм в России, но я убежден, что удалось бы спасти и организовать Сибирь. Народный порыв не был задушен жестокой реакцией, которая всех возмущала и которая ослабляла чехов, заглушая у них всякое желание сотрудничества.

Несмотря на то, что в своих действиях я руководился полученными мною инструкциями, все же чувствую угрызение совести за то, что даже косвенно поддерживал это правительство. [Я видел его ошибки и преступления, я предвидел падение и тем не менее избегал мысли о его свержении, а это можно было бы сделать.] Драгомиров прав: «Солдат должен уметь не повиноваться...»

25 ноября. Вот текст чехо-словацкого меморандума, расклеенного на вокзалах. Я уже давно говорил то же самое, но сейчас опасаясь, как бы этот меморандум не

послужил помехой для нашего размещения на Дальнем Востоке:

Текст меморандума:

„Невыносимое состояние, в каком находится наша армия, вынуждает нас обратиться к союзным державам с просьбой о совете, каким образом чехо-словацкая армия могла бы обеспечить собственную безопасность и свободное возвращение на родину, вопрос о чем решен с согласия всех союзных держав.

„Войско наше согласно было охранять магистраль и пути сообщения в определенном ему районе и задачу эту исполняло вполне добросовестно.

„В настоящий момент пребывание нашего войска на магистрали и охрана ее становится невозможными просто по причине бесцельности, равно как и вследствие самых элементарных требований справедливости и гуманности. Охраняя железную дорогу и поддерживая в стране порядок, войско наше вынуждено сохранять то состояние полного произвола и беззакония, которое здесь воцарилось.

„Под защитой чехо-словацких штыков местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избиение мирных русских граждан целыми сотнями, расстрелы без суда представителей демократии по простому подозрению в политической неблагонадежности составляют обычное явление, и ответственность за все перед судом народов всего мира ложится на нас: почему мы, имея военную силу, не воспротивились этому беззаконию.

„Такая наша пассивность является прямым следствием принципа нашего нейтралитета и невмешательства во внутренние русские дела, и она - то есть причина того, что мы, соблюдая полную лояльность, против воли своей становимся соучастниками преступлений. Извещая об этом представителей союзных держав, мы считаем необходимым, чтобы они всеми средствами постарались довести до всеобщего сведения народов всего мира, в каком морально-трагическом положении очутилась чехо-словацкая армия и каковы причины этого.

„Мы сами не видим иного выхода из этого положения, как лишь в немедленном возвращении домой из этой страны, которая была поручена нашей охране, и в том, чтобы до осуществления этого возвращения нам было предоставлена свобода к воспрепятствованию бесправия и преступлений, с какой бы стороны они ни исходили.

„13 ноября 1919 г. Иркутск.

„Б. Павлу, д-р Гирса“.

26 ноября. Остановились в полдень в Канске. Командир 9-го чехо-словацкого полка подтверждает нам то, что говорил красноярский губернатор и Марковский, но возлагает большую часть ответственности на последнего и на Орлова, командующего русскими войсками. [Казаки Красильникова грабят все до женской одежды включительно, которую они продают на рынке. Выведенные из

себя крестьяне обольшевизировались, несмотря на то, что единственной мыслью их было оставаться в покое и не драться.]

27 ноября. Так же, как и вчера, медленное продвижение через тайгу. В Тайшете — чувство облегчения. Кадлец в разговоре об экспедиции против банды в 500 или 600 человек заметил, что теперь край почти спокоен. Тем не менее движение здесь также производится под конвоем блиндированного поезда.

28 ноября. Прибыли днем в Зиму, центр зоны 4-го чехо-словацкого полка. Крутил говорит, что в полку порядок более или менее восстановлен. Он проявляет мало сочувствия к русским гражданским и военным властям. Павлу уехал уже в Европу, прождав меня так долго, как только мог.

29 ноября. Поздним утром прибыли в Иркутск. Долго совещался с Сыровым и Гирса, совещались до завтрака и после него.

В политическом отношении город в сильном волнении. Население настроено против Колчака. Власть правительства колеблется. Много эсеров, и они имеют влияние. Иркутская дума отказалась участвовать в праздновании чехо-словаками праздника независимости 28 октября, в виду той косвенной поддержки, которую чехо-словаки оказывали Омскому правительству, а также потому, что чехо-словацкое правительство «не достаточно социалистическое». Меморандум оправдывается возбуждением, произведенным среди чехо-словацких солдат поступками и действиями местных властей. Благодаря меморандуму, солдаты совершенно подтянулись в моральном отношении. За то он произвел чрезвычайное впечатление на русских и иностранцев. Все думали, что чехо-словацкие части готовят выступление против адмирала и его правительства.

Прибыв сюда, министерство пало само собой. Пепеляеву, министру внутренних дел, было поручено адмиралом создать новое министерство. Пепеляев требует права ликвидировать предыдущее, предать его членов суду, провести некоторых военных в военный совет, выбрать министров либеральных убеждений, созвать Земский собор, наконец, жить в добром согласии с чехо-словаками. Переговоры с адмиралом продолжаются уже четыре дня. Пепеляев

отправился к нему в 11 часов, чтобы окончательно решить этот вопрос. Он обратился к Дидериксу, которому не доверяет. Новыми министрами называют: Третьякова и финансов — Бурышқина.

Адмирал ответил на чехо-словацкий меморандум не менее резкими телеграммами, из которых одна послана представителям союзников, — а другая председателю Совета министров. В этой последней он предписывал срочно телеграфировать Сазонову, чтобы тот потребовал у чехо-словацкого правительства «присылки лиц, умеющих себя вести прилично». Получив эту телеграмму, министр Пепеляев пошел вести с Колчаком переговоры по телеграфу (я получил через два дня подробный отчет). Пепеляев категорически заявил адмиралу: «Совет министров в сомнении, что они (телеграммы) действительно вами подписаны. Прошу вас мне это подтвердить». Получив утвердительный ответ, Пепеляев ответил: «Необходимость требует, чтобы они немедленно были вычеркнуты из списков. Здесь положение критическое, если конфликт немедленно не будет улажен, — неминуем переворот. Симпатии на стороне чехов. Общественность требует перемены правительства. Настроение напряженное. Ваш приезд в Иркутск пока крайне нежелателен. Я слагаю с себя всякую ответственность». Адмирал ответил: «Я возрождаю Россию и, в противном случае, не остановлюсь ни перед чем, чтобы силой усмирить чехов, наших военнопленных». Пепеляев просил отставку, адмирал ее не принял...

Иркутск. 11 декабря. Адмирал одержим манией величия и наивным лукавством умопомешанного. Известно, что он вел по прямому проводу переговоры с Семеновым, побуждая его двинуться сюда, чтобы повесить министров, обещая ему даже часть вагонов с золотом, которые он за собой тащит.

Новая телеграмма от генерала Занкевича, который требует чехо-словацких офицеров для охраны поездов адмирала...

12 декабря. Генерал Дидерикс и его жена пришли благодарить меня за помощь, которую, благодаря мне, оказали им чехо-словаки. 8-го, когда адмирал телеграфировал, что снова вручает ему главное командование, Дидерикс поставил абсолютным условием: «немедленный

отъезд адмирала в армию Деникина. Дидерикс открыто говорит, что у адмирала прогрессивный паралич. Министры подтверждают это на основании диагноза врачей. В Новониколаевске к нему явились представители кооперативных организаций и группы в количестве 250 почтенных граждан: они хотели предложить ему 40.000 добровольцев и 300 миллионов рублей.

Он их... ничего не смогли сказать и ушли.

Адмирал требует у меня для свободного продвижения чехо-словацких офицеров, и в то же время посылает... ядовитые телеграммы с жалобами на них.

14 декабря. Сыровой, прибывший ночью, рисует мне картину опустошения. Между Мариинском и Красноярском дезертировали почти все железнодорожники. Немногие оставшиеся саботируют: семафоры закрыты, вокзалы пусты. В Боготольском депо 30 пустых или замороженных паровозов и фут льда на рельсах. Для приведения всего в порядок они оставили там чешских железнодорожников. Беспорядок чрезвычайный, 3 паровоза, отправленные из Боготола в Мариинск, исчезли. Угля не хватает. Транспорт отправленных из Черемховских копей захвачен в дороге. Необходимо организовать транспорт и его конвоировать, одновременно с этим усилить производство: жалованье рабочим не выплачено за три месяца... Колчака, который, как ему говорили, находится в полусумасшедшем состоянии, он не видел. Окружающие его люди ищут утешения в вине (ему пришлось «посадить» некоторых из них). Пропустить его рискованно в связи с настроением войск...

24 декабря. Адмирал, кажется, назначил Семенова главнокомандующим на западе от Байкала и в Иркутске. Нижнеудинск охвачен восстанием, сегодня ночью ожидают восстание здесь. После обеда два японских офицера известили нас о восстании в городе. Лучший здешний 53-й полк, обученный английскими офицерами, перешел на сторону социалистов-революционеров и занимает вокзал и предместье. На станции спокойно. Чешский бронированный поезд «Орлик» несет охрану. Несколько чешских отрядов послано для подкрепления охраны на берегу Байкала.

В час дня влетает, как вихрь, Лохвицкий в сопровождении адмирала Смирнова. Беспокоясь за адмирала Колчака,

который может прибыть сюда в разгаре восстания, Лохвицкий просит предупредить его об этом и остановить его поезд. Это сложная вещь, так как сноситься можно только через чешских телеграфистов. Он опасается также, что Колчак будет оскорблен, — опасение, которое не может быть принято во внимание. Телеграмма, составленная Лохвицким, передается от его имени командующему чешскими войсками в Нижнеудинске, а я прошу командующего сделать все возможное, чтобы защитить адмирала. Лохвицкий и Смирнов садятся в мой поезд. Нарышкин, мой товарищ по русской военной академии, тот самый, который хотел «саботировать», если мне будет вверено главнокомандование над русскими, также просит приюта, снимает оружие и просит, чтобы послали за двумя чемоданами к генералу Кандшину, так как он сам не осмеливается это сделать...

23 января 1920 г. Получен ряд телеграмм по поводу Колчака. Есть от верховных комиссаров, переданные через Фукуду, есть от Будберга и моего старого друга Лохвицкого. Эти два сановника, мирно проживающие во Владивостоке или в Харбине, откуда они заботливо следят за судьбой адмирала, высказывают трогательное негодование при мысли, что я не повел ради его на смерть чехов. Буксенцунд¹ составляет им ответ в немногих суровых словах, напоминая, что если они хотят защищать Колчака, то следовало бы стоять немного поближе, а не у конца телеграфного провода. Что касается верховных комиссаров, то свою информацию, посланную вчера, я дополняю новой телеграммой, текст которой негодующий, злой, ибо они в самом деле слишком злоупотребляют моим терпением. Единственным их делом было в Иркутске — требовать паровозов у Скипетрова² и, получив их, уехать. Я уверен, что поступили так не из трусости, а просто потому, что уж очень надоела эта грустная история. Несмотря на мои настояния, они не предприняли никаких шагов перед обеими сторонами: ни в отношении охраны золота ни в отношении безопасности адмирала. Они не смогли даже добиться у него отречения в такой форме, которой можно было бы поверить, ни даже во-время побеспокоиться о заложниках,

¹ Начальник главного штаба Жанена.

² Генерал семеновской армии.

судьба которых определила его участь, как я об этом предупреждал. Обещав добиться активного содействия Семенова, они ограничились благосклонной передачей заверений этого вождя банды убийц.

В настоящее время мы посреди врагов: на японцев нельзя рассчитывать, а Семенов занял угрожающую позицию. Чехи отражают на протяжении 2.000 километров атаки красных, которые заставили сдаться поляков; арьергард дерется в трудных условиях, не хватает ни паровозов ни угля. Вокруг Байкальского озера резня шла во всю, тридцать один заложник были сброшены в воду. Банды Семенова продолжают убивать и грабить.

Обо всем этом господа комиссары не заботятся. Их тревожит только то, что я, о чем они были предупреждены мною, не нарушил данных мне инструкций и не рискнул подвергнуть разгрому чехо-словацкую армию в честь того, кто, погубив Сибирь, предписал взорвать туннели, чтобы, таким образом, обеспечить также гибель и чехо-словацкой армии. Что лучше всего, так это удивление японского верховного комиссара, не добившегося у меня повиновения, в котором ему, между прочим, отказала его собственная миссия.

Пусть они, по крайней мере узнают теперь, что я о них думаю. Вспомнить только Николая II и его семью. Они не интриговали с бошами и, тем не менее, для их спасения ничего не было сделано. Посланники отрицательно отнеслись к нашим попыткам спасти их в Могилеве.

Жанена

[По поводу этих отрывков из дневника ген. М. Жанена возникла небезынтересная полемика между английским генералом А. Ноксом, бывшим в свое время также в Сибири, и М. Жаненом.

А. Нокс в лондонском журнале «Славянское обозрение» за март 1925 г. писал:]

«Славянский мир» печатает в своем декабрьском номере за 1924 год отрывки из сибирского дневника генерала Жанена, стоявшего во главе французской военной миссии в Сибири в 1918—1919 г.

«Первоначальной мыслью было — поручить генералу Жанену командование над всеми войсками в Сибири —

русскими и союзными. Между тем, и это вполне естественно, — с самого же начала не было малейшей надежды, чтобы русские, начавшие войну за освобождение своей собственной территории, согласились поставить во главе армий иностранца. Их категорический отказ от этого предложения задел, как это видно из каждой строки отрывков, самолюбие генерала.

«В Сибири, повидимому, все оказались виновны в последовавшем разгроме, все, кроме самого генерала Жанена. Отрывок из его дневника от 12 ноября 1919 г. особенно это подчеркивает. Он пишет, что англичане, поставившие Колчака у власти, были столь же дальновидны, как и в деле свержения Николая II. «Не будь этого, не знаю удалось ли бы нам одолеть большевизм в России, но я убежден, что удалось бы спасти и организовать Сибирь». Прежде всего укажем на то, что переворот, который поставил Колчака у власти еще до приезда генерала Жанена в Сибирь, был совершен сибирским правительством без ведома и всякого содействия Великобритании.

«Обвинение Англии в свержении покойного императора не что иное, как немецкая выдумка, в которой нет и тени правды, а генерал Жанен, разумеется, должен это знать.

«Заключительная трагедия в Сибири была подготовлена многими факторами. Одним из них, достойным упоминания, но, разумеется, опущенным автором дневника, является тот факт, что французский генерал оказался неспособен, надлежащим образом, дисциплинировать контингенты союзных войск, находящихся под его командованием.

Альфред Нокс».

[В ответ на возражение Нокса последовало следующее письмо Жанена:]

Генерал Нокс почтил отрывки моих записей о Сибири, напечатанных моим другом Лёгра в последнем декабрьском номере, своим ответом и поправками. По его мнению, мое самолюбие было уязвлено тем, что русские отказались вручить мне командование над их национальными контингентами. Возможно, что на моем месте он бы счел себя бесконечно оскорбленным таким положением, так как

в глубине души он не долюбивал русских и, кроме того, был лишен редкого случая проявить свои военные способности. Что касается меня, то я могу подтвердить ему — и он это сам прекрасно знает, так как мы неоднократно беседовали друг с другом во Владивостоке во время чтения параллельных телеграмм, полученных нами из Лондона и Парижа, — что я никогда не желал получить подобного командования. Давно уже будучи знаком с национальной гордостью русских, я всегда полагал и заявлял — и телеграфировал даже во время моего путешествия из Франции в Сибирь, — что единственным благоразумным решением было бы оставить русские войска под командованием кого-либо из их соотечественников. Помимо этого, после нескольких дней, проведенных в Омске и при объезде фронта, я обратил внимание на общий беспорядок и моральную и материальную непрочность военного сибирского организма. Я заявлял и телеграфировал, что буду глубоко удивлен, если все это приведет когда-нибудь к удовлетворительным результатам, и что я считаю опасным для французского престижа брать непосредственное командование над таким червивым организмом. Гордость и корыстолюбие повлекут к измене как верхи, так и низы, а затем на нас же обрушат всю ответственность за возможные неудачи.

Если я оспариваю вопрос о высшем командовании, то исключительно сообразуясь только с повторными распоряжениями, полученными из Парижа по согласованию с Лондоном, из двух мест, где, повидимому, не были осведомлены о положении.

Покончив с этим пунктом, позволю себе сказать генералу Ноксу, что у него, наверное, очень короткая память, если он не помнит, что он был замешан в интриги, которые закончились переворотом Колчака. Речь ни в коем случае не идет о «содействии Великобритании», а единственно только об инициативе, взятой на себя некоторыми ее агентами, инициативе, которую они отрицают и сейчас в виду ее плачевных результатов. [Повидимому, английский генерал не помнит больше смотра, который состоялся 10 ноября 1918 г. в Екатеринбургe, смотра, на котором дефилировал батальон английского миддлсекского полка, который служил адмиралу Колчаку с самого Владивостока в качестве преторианской стражи.

[Тогда меня не было еще в Сибири, но французские офицеры, которые мне предшествовали, а также чехи и затем многие русские свидетели этих памятных дней, должны помнить позицию, которую занимали в этот день английские солдаты и их командующий подполковник Уорд, депутат парламента, член рабочей партии. Последнему, без сомнения, будет неприятно, если английские избиратели узнают, как он поддерживал в Сибири диктатора, также мало достойного внимания, как и диктаторы красные, — но история есть история, и правда не знает лукавства и околичностей.] Добавлю, что генерал Нокс, несомненно, был в курсе заговора, замышляемого Колчаком, хотя бы через своего офицера связи Стевени, который присутствовал даже на тайном собрании заговорщиков, где было принято решение привести заговор в исполнение. Стевени не делал из этого тайны и когда позднее, во время отступления, я спрашивал его в числе многих других союзников и русских, не испытывает ли он некоторого сожаления о содействии возвышению Колчака, которому мы обязаны таким разгромом, он ограничился молчанием. Мне кажется, что, страдая недостатком памяти, генерал Нокс ввел в заблуждение читателей Славянского обозрения.

Остается последний аргумент, стрела Парфянина, инсинуация английского генерала, согласно которой войска, которыми я командовал, не были взяты мною как следует в руки и оказались, благодаря своей недисциплинированности, одной из причин заключительной трагедии. Я имел под своим командованием только чехов и различные контингенты иностранцев. Эти последние вовсе не участвовали в боях после моего приезда, значит — дело идет об одних чехах. Английский генерал, без сомнения, повторяет слова своих русских друзей, окружавших Колчака. [Да, я часто слышал, как повторяли ему и его близким, что чехи — преступники потому, что, очистив Сибирь от большевистских войск, они отказались продолжать сражаться за русских, которые предпочитали лучше веселиться в Омске, чем рисковать здоровьем и жизнью на больших дорогах и на фронте. В этом городе насчитывалось около 6.000 уклонившихся офицеров (59, например, служили в цензуре главного штаба). Это я, в согласии с их правительством, отозвал чехов с фронта, который они создали почти что

одними своими силами и расположил их вдоль Сибирской магистрали. Они охраняли ее более 8 месяцев, обеспечивая нормальную торговлю и самое существование колчаковского правительства, которое не чувствовало к ним ни малейшей благодарности за эту косвенную, но существенную помощь. Генерал Нокс сам обнаруживает некоторую неблагодарность, забыв это так быстро: без чехов его поезд не циркулировал бы в безопасности между Уралом и Байкалом во время его частых переездов по краю, хозяевами которого, вне зоны, занятой моими войсками, с лета 1919 г. фактически являлись повстанцы. В частности, если бы в момент окончательного отступления из Омска, к которому приближались красные, он так же, как и мы, медленно и последовательными этапами проделал бы это путешествие, вместо того, чтобы быстро укатить к Великому океану, то, наверное, почувствовал бы, что без охраны железной дороги ни одна из миссий не смогла бы вернуться на родину. Чехи, генерал Нокс может быть в этом уверен, ослушались меня только один раз, когда 6-й полк, несмотря на вторичный приказ, отказался оставить ранее меня Омск, находящийся под угрозой.

Конечно, чехи чувствовали глубокое отвращение и омерзение к диктатору и режиму, установленному им в Сибири. Возможно, что положение улучшилось бы, если бы, вопреки хорошо известному отношению их правительства к Колчаку, — Массарик прозвал его самозванцем (авантюристом), — я постарался бы расположить их к последнему.

Но мне, командующему ими и отвечавшему за их честь и жизни, казалось преступным жертвовать пятьюдесятью тысячами храбрецов, истощенных войной и лишениями, ради удовольствия и выгоды пройдох, спекулянтов и грубых реакционеров, собравшихся в Омске и представлявших прежнюю Россию. Я выделяю самого Колчака, ответственность с которого снималась его нервным заболеванием. Впрочем, чувства, которые, как я сказал выше, воодушевляли чехов, разделялись всеми прозорливыми и свободомыслящими людьми, которые видели преступления, ложившиеся на ответственность омского правительства: длинный ряд убийств, который развертывался, начиная с уфимских учредилковцев в декабре 1918 г. до иркутских заложников, утопленных в Байкале в январе 1920 г.;

бесстыдное взяточничество министров и их свиты; кражи интендантства и администрации, мотовство генералов, грабежи, жертвой которых являлось трепещущее население, полицейские зверства, возведенные в систему, и, наконец, преследование всех тех, кого подозревали в несочувствии правительству и которых причисляли по этой причине к большевикам. — Число тех, кто признает правительство, не велико, — заметил мне иностранный консул летом 1919 г., — и оно уменьшается с каждым днем. — Во времена Николая II не творилось то, что творится сейчас», — говорили мне социалисты-революционеры, которым я спас жизнь, и я отвечал им, что очевидно, не стоило труда сменить правительство. Русский полковник Родзянко, за столом самого генерала Нокса, заявил мне, что в Омске «было слишком мало джентльменов» и что, будучи убежденным монархистом, он сидел в Сибири на крайней левой. Генерал Нокс и сам иногда выражал сочувствие таким мнениям, особенно, когда испытывал некоторое отвращение к своим обязанностям командующего тылом страны, у которой не было фронта: например, он видел, как русские войска новых формирований, обученные его стараниями, одетые в прекрасные английские мундиры, которые он им доставил и на которых еще не успели сменить пуговицы, показывали спину, как только их ссаживали с поезда, и переходили к красным.

Может быть, он не забыл пленарное собрание союзных миссий, состоявшееся 29 июля 1919 г., в министерстве иностранных дел в присутствии посла С. штатов, где, описав со справедливой жесткостью все, что творилось, он закончил перечислением всего снабжения и загубленного материала и добавил: если теперь я попрошу еще что-нибудь у моего правительства, пусть мне скажут, что я «отъявленный дурак».

Мои офицеры признавались мне, что они против воли поддерживают такой режим, и один из них в моем присутствии сказал в посольстве С. штатов, что принадлежал к семье, в которой приверженность к законной власти является наследственной, но, будь он сибиряк, то предпочел бы Колчаку большевиков. Я сам, ничем не способствовавший возвышению последнего, спрашивал себя не раз, не ложится ли на меня ответственность за престу-

пления, совершаемые ежедневно, в связи с той косвенной поддержкой, которая дала омскому правительству возможность существовать.]

Мысль, что область моей деятельности стоит вне политики, не ослабляла угрызений совести, часто изливавшихся на страницах моего дневника. Я думаю, что, несмотря на плохую память, генерал Нокс должен испытывать еще более горькое угрызение совести.

М. Жанен.

Декабрьские дни 1919 г. в Иркутске.

Колчак и Гайда.

Колчак и Гайда — два имени, вписанные кровью и слезами в страницы истории Сибири и России. Сибирская организация эсеров выдвинула Гайду; Гайда нашел и создал адм. Колчака, Верховного правителя России.

— Знаете кого я везу? — спрашивал Гайда ген. Элерц-Усова, командующего войсками Иркутского военного округа. Гайда возвращался с востока и генерал встречал его на вокзале.

— Адмирала Колчака, в скором времени диктатора России...

Гайда, а за ним и ген. Пепеляев, учитывая только построение командного состава армии, предрешили вопрос о диктатуре вообще и персонально об адм. Колчаке в частности. Это было в конце сентября или в начале октября 1918 года.

Почти в одно время Центр. комитет кадетов, обсуждая вопрос о положении Сибири, пришел к чрезвычайно мудрому решению, что «объективные данные свидетельствуют о неизбежности диктатуры».

— Неизбежна, — значит необходима, — решил другой Пепеляев, Виктор Николаевич, член Центрального комитета, будущий премьер-министр. Решил и со свойственной ему прямолинейностью и настойчивостью, пробравшись

¹ Настоящий очерк перепечатывается с незначительными изменениями из журнала „Сибирские огни“, № 2, 1922 г.

через все фронты из России в Сибирь, начал обработку общественного мнения Омска, резиденции Сибирского правительства.

[Иван Михайлов, — сын товарищей кооператоров; мальчик с виду; убийца — в душе, недюжинный ум, неисчерпаемый источник энергии и основательный запас авантюризма — вот второй руководитель переворота.]

— Вы выдвигаете Колчака, — хорошо, пусть будет Колчак. Правда, диктатура будет маргариновая, так как по характеру диктатора иной она не может быть, но она, как пародия на единогласие, удовлетворит военных и правые группы общественности, ее поддержит политический блок; она откроет широкое поле для личных влияний на политику. А кто же будет влиять, как не герои переворота и он, Иван Михайлов, прежде всего? Старая шляпа Вологодский? Конечно, нет. Хитрый, но зарывающийся Старынкевич-Иуда, продавший и свою партию с Областной думой и Уфимское совещание, готовый ради власти продать себя и оптом и в розницу? Нет, этот не опасен: зарывается. Гинс?... Георгий Гинс, про которого близкий ему человек сказал, что у Гинса никогда не узнаешь, то ли он тебя поцеловать хочет, то ли яду подсыпать? Да, этот может быть опасен, но ведь возможно разграничение сфер влияния...

Таким образом готовились герои 18 ноября. Серьезных препятствий они не имели. Эсеры, по обыкновению, были заняты внутренними распрями; земства, еще упоенные успехами летней борьбы с большевиками, не хотели, да и не имели сил, бороться; городские самоуправления активного участия в политике не принимали; рабочий класс, обессиленный обильным кровопусканием, молчал. Да и что он мог сказать о власти, которую он не создал? Союзники авансом одобрили предстоящий переворот, в результате которого, как думал ген. Нокс, возникнет строй, копирующий английскую конституцию. Только чешский Национальный совет да ген. Сыровой, командующий чехо-словацкой армией, были в оппозиции. Но что значила их оппозиция, когда Гайда был одним из вдохновителей и оплотом переворота, не считавшийся с мнением Совета и Сырового?

[И переворот произошел. В роковой день 18 ноября на место мягкотелой Директории силою нагайки Волкова и Красильникова взошел маргариновый диктатор.]

Всего через полгода, после многих ссор и примирений, в Екатеринбурге, заканчивая свою блестящую карьеру, имевшую связь с неблагодарным адм. Колчаком, ген. Гайда, не лишенный ехидного остроумия, сказал Колчаку:

— Да, ваше высокопревосходительство, уметь управлять кораблем — это еще не значит уметь управлять всей Россией.

К июлю 1919 года идея диктатуры была изжита. Многие из героев переворота стали бывшими людьми. Не повезло даже Ивану Михайлову, дни которого были сочтены; периодически и систематически болел Вологодский; и только тихий и молчаливый, как красная девица, Георгий Гинс шел в гору, не боясь конкуренции даже пронырливого чухонца Тельберга — министра юстиции, проектируя полное устранение законодательства Совета министров, путем создания при Верховном правителе «Совета Пяти», в котором первую скрипку занял бы он, Георгий Гинс.

Генерал Нокс, заведующий снабжением всех противобольшевистских армий, Вологодский, казаки и левая часть омского политического блока старались вновь сосватать адм. Колчака с ген. Гайдой, но бывший дрогист, в год ставший генерал-лейтенантом русской службы, привыкший с боя брать свою судьбу, не верил больше ни в искренность примирения ни в возможность существования самой системы диктатуры, и под давлением социалистической молодежи из офицеров своего штаба — Гайда стал готовиться к новому перевороту.

Поезд Гайды, вооруженный весьма основательно, проехал от Екатеринбурга до Владивостока, будя политическую жизнь партий, земств, городов, призывая к восстанию, которое начнет он, генерал Гайда, во имя ликвидации диктатуры, создания правительства борьбы с большевиками и немедленного созыва Учредительного собрания. По дороге Гайда встретился где-то с эсером Евг. Евг. Колосовым, бежавшим из Красноярска от расправы генерала Розанова, с этим самым живым и интересным членом сибирской организации с.-р...

Считая Красноярск и Иркутск естественными центрами предстоящего движения, предвидя возможность падения Омска под напором советских сил с запада, заговорщики поделили работу: Колосов взял на себя подготовку Красно-

ярска, а Гайда, или вернее штабс-капитан Калашников, талантливый офицер его штаба, обработку Иркутска.

Весь Иркутск от земцев и горожан до представителей биржевого комитета включительно явился в поезд Гайды, чтобы приветствовать своего любимого героя. Со всеми серьезными и влиятельными иркутянами Гайда беседовал сам, и положения его, сформулированные при участии Колосова, были приняты сочувственно: в то же время шт.-кап. Калашников вел переговоры и с эсерами и эсдеками и, как говорили злые языки, даже с большевиками. Но эсеры в это время уже заняли позицию наблудившей и кающейся политической Магдалины и пойти на новую генеральско-социалистическую авантюру не соглашались; эсде меньшевики деликатно намекнули заговорщикам в погонах, что демократичность Гайды, а следовательно и содержание будущего переворота, для них более чем проблематичны; город, имевший социалистическую думу и кадетского голову Е. П. Кузнецова, сделал только глазки крамольному и демократичному генералу, дескать, начинайте, генерал, а мы вас поддержим; и только земство через своих представителей заявило Гайде, что и большевизм и колчаковщина для земства одинаково неприемлемы, поэтому оно даст свое имя заговору Гайды, если, сверх всего, правительство переворота будет правительством борьбы за народовластие.

И Гайда со своим поездом проехал на восток.

Земцы и переворот.

[Земское бюро, созданное после съезда земцев, формулировало свои задачи следующим образом:]

Мы произведем переворот силами армии ген. Пепеляева и местных распропагандированных гарнизонов: мы поставим Гайду во главе сибирской армии и остановим ее под Мариинском, если будет сдан Омск. Мы выбросим большевиков из Сибири и остановимся на Урале, не желая воевать с Советской Россией, мы создадим социалистическое правительство, которое немедленно приступит к созыву Земского собора...

Задачами Земского бюро были: операция за переворот, подготовка военной силы и, самое главное и самое трудное, — выработка платформы переворота...

Не так просто и легко обстояло дело с организацией военных сил и выработкой программы. Здесь до самых декабрьских дней было много невыясненного и часто изменяемого...

[В деревне лучше всяких агитаторов работали против диктатуры разного рода русские и иностранные отряды¹.]

... Меж тем с переворотом надо было торопиться. Омское правительство, все еще сидевшее на колесах, миновало Тайгу; с каждым днем становилась душнее иркутская атмосфера, засариваемая омскими беженцами; надо было не ссориться и не спорить, а или решать большой вопрос, или искать компромисс. Борис Косминский, представитель Приморского земства, изменил своим коллегам и договорился до признания советской власти; остальные земцы не решались на признание фактического самоубийства. Компромисс был неизбежен, и, как всегда, он был изобретен и предложен эсерами.

— Мы бессильны вести дальнейшую борьбу с большевиками; мы и не будем вести ее, ибо наш лозунг — долой гражданскую войну. Но мы сохраняем нашу армию и требуем от Москвы признания самостоятельности государства буфера с границами от Ачинска до Владивостока, управляемого первоначально центром, составленным из представителей социалистических партий, земского бюро, кооперации и совета профессиональных союзов, а затем власти Земского собора.

А для собственного утешения, сдавшие свои позиции земцы засели, во главе с Г. Б. Патушинским, за выработку «Положения о выборах в Земский собор», постановив, мимоходом, бойкотировать выборы в колчаковское Земское совещание.

— Ну, а если Москва не признает вашего буферного государства, — спрашивал Яковлев своих приятелей, иркутских земцев, знакомивших его с результатами работ земского бюро, — тогда что?

— Совдеп до Тихого океана, — был невеселый ответ.

¹ Карательные отряды; работали они настолько „хорошо“, что создали из измученного крестьянства партизанские армии, боровшиеся прямо и определенно за советскую власть, а ни с какой стороны не сочувствующие благодетельным земцам, как это думает N.

— А земство? А Земский собор?..

— Совдеп до Тихого океана, — был тот же ответ.

Политический центр и дни перед переворотом.

Наступил ноябрь [1919 г.]. Договорившиеся заговорщики избрали «Политический центр», которому земское бюро передало дальнейшее руководство событиями. Председателем центра был избран Ходукин — председатель иркутской губернской земской управы, умный, тактичный, осторожный и хитрый человек, проводивший политику эсеровского комитета часто против чисто земских интересов в силу партийной дисциплины. Работа пошла в строго конспиративных условиях, и только молва, как далекая зарница, говорила, что гроза будет.

Из дипломатических представителей, находившихся в это время в Иркутске, полнее всего был осведомлен чешский консул д-р Гирса, только что сменивший Богдана Павлу, мирволившего диктатуре и тормозившего эвакуацию чешских войск из Сибири. Д-р Гирса, более дальновидный, чем Павлу, предвидел, какие тяжелые политические осложнения ожидают чехо-словацкие войска в случае их задержки в Сибири и в связи с разгромом сибирской армии на западе. Чехам нужно было более податливое, более дружественное правительство, чем правительство адм. Колчака. Земское правительство было бы, в сущности, самым подходящим для чешских целей; Политический центр стремится, как будто, к созданию такого именно правительства. Вот откуда явился у чехов вообще, а у Гирса и ген. Сырового в особенности, интерес к работе сначала бюро, а затем и центра, интерес настолько сильный, что гарантировалась неприкосновенность съезда на случай отказа в защите или измены со стороны Яковлева и даже некая реальная помощь при восстании. Видимо, эти обещания не остались втайне для широкого общества, так как слухи о них так распространились по городу, что вызвали большой переполох в военных сферах, определенно ожидавших чешско-эсеровского выступления в середине ноября. Но Центр явно медлил и был нерешителен.

Наконец, начали прибывать первые эшелоны эвакуированного Омска и министерской челяди. Иркутск встретил

эту бесцеремонную требовательную публику очень сурово. На требование тов. министра внутренних дел Ячевского о выселении части коренных жителей Иркутска для размещения на их место эвакуированных, Яковлев ответил приказом о недопущении в Иркутск дамских эшелонов и учреждения на линии Ташкент—Иркутск десяти контрольных пунктов для выполнения этого приказа и расселения дам и семей по деревням губернии.

Сначала приехал Малый совет во главе с государственным контролером Красновым, некогда променявшим Директорию на диктатуру. Еще по дороге Совет напугался слухов о бунтах, боях и переворотах; почти все чиновники ехали с заряженными винтовками, выданными им в Омске. И можно было видеть радость Совета, когда 16 ноября, подъехав к Иркутску, они увидели и старые трехцветные флаги, и почтительную встречу чинов во главе с командующими войсками Артемьевым и Яковлевым, и даже почетный караул с оркестром музыки, и... полное отсутствие представителей общественности.

Краснов настолько расхрабрился, что потребовал устройства парада, и парад состоялся через 2 дня, совпав с годовщиной переворота 18 ноября 1918 года.

— По случаю чего парад? — спрашивали ген. Артемьева.

— По случаю того, что живы доехали, — отвечал Яковлев за генерала, смущенного и жалким видом парада и озлобленным отношением к параду Иркутска. А через несколько дней доехал и большой Совет во главе с Вологодским. Встреча, новый парад и новая бессодержательная декларация за подписью всех министров. Началась информация» Совета министров об иркутских настроениях и перспективах со стороны начальника государственной охраны подп. Смирнова и добровольцев вроде Ломакина и пр. Вести были настолько тревожны, что надо было обсудить их в Совете и Вологодский назначил на 22 ноября заседание Большого совета.

Заседание Совета министров 22 ноября 1919 г.

Здание Русско-азиатского банка, отведенное Яковлевым Совету министров, не было еще меблировано, поэтому засе-

дание было назначено в громадном кабинете управляющего контрольной палатой. Вологодский с обычным своим усталым видом занимал конец стола, за которым разместились министры или замещающие их товарищи; у дверей устроился секретариат.

Заседание началось вялым изложением темы министром председателем и столь же вялыми не речами, а скорее фразами министров. С первых слов выяснилось, что все говорят об одном, об иркутских настроениях и возможных перспективах, но говорят разное, и было непонятно: собрался ли Совет министров для обсуждения каких-либо мер или же для жалоб на иркутскую оппозицию; чувствовалась необходимость цельного доклада, и по чьему-то предложению в качестве таковых докладчиков по телефону были вызваны ген. Артемьев и Яковлев.

— Что вы можете, генерал, сказать Совету министров о настроении Иркутска, спросил Вологодский, обращаясь сначала к Артемьеву, как старшему. Как относятся военные к правительству, к событиям на западе; каковы ваши силы, что такое у вас с чехами и т. п.

Услыхав вопрос о чехах, генерал, не выносивший, как смеялись в Иркутске, даже буквы «ч», буквально сорвался, тем более, что знал о попытках Вологодского вернуть их на фронт и относился к этому враждебно.

— Чехи, загремел он, прыгая в кресле, — ваши чехи на фронт не пойдут, хоть платите им платиной, вместо золота, потому что они во-первых, сволочь и трусы, во-вторых, достаточно награбили и дорожат своей шкурой и торопятся домой. Это самое главное. Сколько их — я не знаю, но если понадобится, то рота наших егерей ликвидирует их всех здесь, дайте только приказы.

Ошеломленный страстным выпадом генерала, Выгодский поспешил обратиться к Яковлеву.

— Мы в полосе заговоров, — начал тот свой большой, сухо-деловой доклад - протокол. Если не выступают иркутские большевики, то только потому, что они уверены в скором прибытии большевиков с запада. Положение нашей армии таково, что надежд не то что на победу, даже на простую остановку фронта нет, и это ни для кого не составляет секрета. Эсеры не выступают, да и не выступают одиноко, потому что одни они, несмотря на обычную шумиху,

бессильны сделать что-либо. Но опасны они тем, что по примеру 1918 г., они могут войти в соглашение с чехами, которым анархия, существующая на дороге и в крупных центрах Сибири, мешает эвакуироваться на родину. А чехи признают и признали бы всякую группу, которая создаст демократич. правительство внутреннего мира и порядка. И эсде меньшевики сами по себе не опасны, но их участие в оппозиции плюс для заговорщиков и минус для правительства; кадетская партия настолько бессильна, что помочь чем-либо правительству не в состоянии; и даже она в оппозиции к правительству, политику которого не считает государственной; казалось бы, что биржевики и торговпромышленники могли быть вполне благонадежным слоем общественности, но нерешительная политика правительства в отношении к Семенову отталкивает от правительства одних, — а столь же нерешительная политика в вопросе о русско-японских отношениях создает правую оппозицию среди других. Кругом враги и недруги и полное отсутствие союзников. Между тем кольцо восстаний, окружающих Красноярск и Иркутск, становится с каждым днем все теснее и теснее, и у правительства нет сил бороться, так как гарнизоны слабы и ненадежны, а с тех пор, как земство возглавило движение, к нему примкнули и небольшевистские элементы. Города и земства, дольше всех работавшие совместно с правительством, открыто говорят представителям власти о начале борьбы и никакие репрессии здесь не помогут. Настроение военных правительственных служащих паническое; настроение обывателя таково, что кто бы ни поднял восстание, оно будет иметь успех. Помощи извне ждать неоткуда; западный фронт сам нуждается в помощи; Семенов на востоке еле справляется с наседающими на него повстанцами и Иркутску помочь не сможет.

Доклад произвел на всех тяжелое впечатление, — некоторое время все молчали.

— Что же надо сделать, — спросил докладчика Вологодский, и, заметив, что тот молчит, добавил: — Чего хотят чехи, земство и общество?

— Могу я говорить все? — спросил [докладчик] министра председателя.

— Пожалуйста, — был ответ.

— Необходимо: отречение Верховного правителя; смена всего правительства и высшего военного командования; переход от военного к гражданскому управлению страной в рамках не всероссийских, а только сибирских и — наконец — созыв Земского собора.

Совет министров заволновался. Посыпались вопросы.

— Благодарю вас, — обратился Вологодский, наконец к обоим докладчикам, давая тем понять, что они свободны.

Оба поклонились и вышли.

Опять все говорили о мелочах, в то время как каждый сознавал, что поставлен громадный вопрос, вопрос о бытии самого правительства. И только Пепеляев заявил, что Яковлев изложил, конечно, программу «максимум», но что часть ее может и, по его мнению, должна быть выполнена, и это примирит правительство, сознающее и исправляющее свои ошибки, с обществом. Но и он конкретных предложений не сделал и снова Совет разошелся, не вынеся никакого решения.

А вечером Георгий Гинс шифром, бывшим только у него самого, да у злого духа адм. Колчака — генерала Самойлова — доносил адмиралу, что он, «как управляющий делами Верховного правителя, считает своим долгом довести до его сведения, что»... и дальше шла довольно правдивая характеристика положения и ряд выводов, правда, довольно скромных: замена уставшего Вологодского энергичным Пепеляевым, что-то об армии, что-то о Семенове и даже о скорейшем приезде самого правителя в Иркутск.

Через 2—3 дня Вологодский получил отставку с милостивым указом, а В. Н. Пепеляев назначение на пост премьер-министра с большими полномочиями.

Премьер-министр Пепеляев.

Сын небогатого ветеринарного врача; учитель гимназии; член Государственной думы; комиссар Кронштадта после переворота; товарищ министра внутренних дел; после изгнания убогого Гаттенбергера, управляющий министерством; затем министр внутренних дел и, наконец, министр председатель. Честолюбив, упрям и настойчив; значительный запас самомнения и негибкий, примитивный ум; безусловно не монархист, демократ, но республиканец

сомнительный; много доверия к старой бюрократии; полное недоверие и враждебное отношение к социалистам за их негосударственность.

Первым трудным делом нового премьера было устранение конфликта с чехами, созданного телеграммой адм. Колчака по их адресу, дерзкой, неприличной, небывалой, наверное, в международных отношениях, ругавшей чехов вообще и их дипломатического представителя д-ра Гирса за знаменитый чешский меморандум о зверствах диктатуры и о тяжелом положении чехо-словацкой армии в Сибири. Пепеляев приказал эту телеграмму задержать и чехам не передавать, а адмирала поставил об этом только в известность. После этого д-р Гирса заверил Пепеляева, что чехи зла не помнят и что против нового правительства, формируемого Пепеляевым, никаких выступлений со своей стороны не допустят. И то было слава богу. О том, чтобы снова заманить чехов на противобольшевистский фронт, более не было речи. Далее предстояло решить задачу примирения правительства с иркутской общественностью. С этой целью в кабинете Яковлева сошлись совершенно негласно В. Н. Пепеляев и эсеры Я. Н. Ходукин и Е. Е. Колосов. Никому неизвестны подробности этого разговора, но собеседники, проговорив более двух часов, вышли из кабинета, дружно и довольно беседуя друг с другом, а Пепеляев просил Яковлева на следующий день, тоже негласно, созвать для собеседования с ним представителей социалистических и общественных организаций. Позднее Колосов говорил, что Пепеляев, изложив свою программу и выслушав возражения собеседников, предложил обоим войти во вновь формировавшийся кабинет, на что ни тот ни другой не дали определенного ответа, так как предложение было неожиданно, а им неизвестно было мнение их товарищей. На другой день в столовой Яковлева за чаем и закусками собрались представители эсеров, эсде, энесов, земства, городской думы, кооперации, профессиональных союзов; присутствовал Колосов и покойный М. Н. Богданов, как представитель бурят и Забайкальского земства.

— Я не могу, — говорил Пепеляев, — принять лозунг — долой гражданскую войну, ибо это значит мир с большевиками, а я формирую правительство борьбы с ними; я не могу согласиться на отрешение адмирала Колчака от звания Вер-

ховного правителя, ибо нам, хотя бы для иностранцев, нужен символ государственного единства России, и адмирал есть тот символ, носитель этой идеи. Я могу рекомендовать ему уехать к Деникину, на юг России, если его имя стало так одиозно, но и только. Я говорил уже по проводу с братом, и обещаю, что высшее военное командование будет заменено новыми честными и способными людьми; я готов в состав правительства ввести лиц, которых вы мне укажете. Я твердо решил ликвидировать военный режим и перейти к новому гражданскому управлению. Я добьюсь признания законодательных прав Земского совещания и превращения его в Земский собор. Я сокращаю министерский аппарат, переходя от масштабов всероссийских к сибирским областным. Я предпринял уже шаги для заключения мира на всех внутренних фронтах, где действуют небольшевистские силы. Я отлично вижу ошибки прошлого; честно хочу их исправить и избежать в дальнейшем. Иду вам навстречу с открытой душой и прошу вашей помощи в трудной работе.

В оживленном обмене мнениями, последовавшем за этой декларацией, не было ни возражений, ни даже дополнений; даже разногласие о гражданском мире и войне осталось как-то в стороне, не было и намека на то, что гости собрались с готовым решением, продиктованным партийными комитетами. Был момент, когда казалось, что падет завеса взаимного недоверия и непонимания и в этой столовой произойдет бескровный переворот. Но задания были даны. Правительство Пепеляева решено было изолировать и Колосов разрушил иллюзию сближения.

— Для того, чтобы общество поверило новому правительству, — сказал он, как бы резюмируя беседу, — нужно устранить всех виновных в создании диктатуры и ее ужасов, и прежде всего одного человека.

— Кого же именно? — простодушно спросил Пепеляев.

— Вас, Виктор Николаевич, — отрезал Колосов.

Что-то надорвалось...

Соглашение оказалось невозможным, и призрак нового кровопролития придвинулся ближе.

Через день было объявлено о назначении Третьякова, Червен-Водали и Бурышкина; шли переговоры с ген. Дидериксом, которым Пепеляев думал заменить военного министра ген. Ханжина.

Обновленный состав Совета министров вырешил вопрос о законодательных правах Земского совещания; министерство внутренних дел готовило законопроект о гражданском управлении и т. д. по программе, намеченной Попеляевым. Но ни одно из предположений Совета не получило утверждения адмирала Колчака, который продолжал вести собственную политику с явной ориентацией на Семенова и Японию. Чтобы лично вырешить все недоразумения, Пепеляев числа 7 декабря выехал навстречу адмиралу, оставив своим заместителем Третьякова и предполагая вернуться дней через 10 в Иркутск. Эта поездка окончилась полным крахом надежд Пепеляева. Адмирал Колчак, или вернее, его злой гений, — ген. Самойлов и не отвергли и не приняли ни одного из предложений премьер-министра. Затем поезда адмирала и Пепеляева попали в полосу отступающих чешских эшелонов и их дальнейшее продвижение было поставлено в зависимость кого угодно, только не их собственного желания; а далее Нижнеудинский плен у чехов; ген. Жанен в роли Понтийского Пилата, и, наконец, смерть 7 февраля по постановлению Иркутского ревкома.

— Есть ли у вас уверенность, что адмирал примет хоть частично вашу программу, — спрашивал Яковлев Пепеляева, делая ему последний перед отъездом доклад.

— Нет, — по обыкновению искренно ответил Пепеляев. — Но я и там буду действовать так же прямо, как с вашими иркутскими социалистами. Вот вам моя программа, — угодно вам ее санкционировать? Это программа спасения остатков анти-большевистской государственности. Санкционируют, я ее провожу, хотя бы остался один; не санкционируют, ухожу от них, как ушел от социалистов. Иначе поступить я не умею.

Первое публичное выступление Политического центра.

25 ноября, в период формирования нового кабинета, иркутская революционная демократия решила устроить правительству демонстрацию. С этой целью было назначено заседание городской думы по чрезвычайному вопросу о текущем моменте. Был проект пригласить и правительство на это заседание, но не был осуществлен, так как частным образом стало известно, что из правительства никто не

явится. Зато консульский корпус был приглашен в полном составе и наполовину присутствовал. Все заседание состояло из трех речей: председателя думы М. М. Константинова (меньшевика), лидера эсеровской думской фракции И. Г. Гольдберга и представителя земского бюро Е. Е. Колосова. Константинов, вместо положенного ему очерка положения страны, почти полтора часа переливал из пустого в порожнее и едва сумел закончить свою речь. Гольдберг, вместо критики действий правительства диктатуры, произнес никого не удовлетворившую типично митинговую речь, и только Колосов спас думу от конфуза перед публикой. Страстная, вымученная, богатая материалом, она дала яркую картину произвола, развала, разорения, до которого диктатура довела Сибирь. Это заседание было первым публичным выступлением Политического центра; он заявил о неизбежности борьбы, и после этого должен был взяться за учет сил, послушных его директивам. Правительство лишний раз увидело, что социалистическое крыло иркутской демократии стремится к его свержению, а не соглашению с ним. А мало опытные в наших делах иностранцы сидели на другой день по домам и ждали боя на улицах, но бой пришел только через месяц.

Накануне восстания.

В дальнейших событиях исключительную роль играли Третьяков и Червен-Водали. Оставшись за премьера, Третьяков чувствовал себя очень тревожно. В публичных выступлениях своих, как, например, при открытии в Иркутске Государственного экономического совещания, он говорил о новом правительстве, как о правительстве «чистой совести», которое пойдет рука об руку с общественностью и... победит все затруднения. Но в душе он вряд ли верил своим речам. На что было надеяться? На западную армию, которая продолжала отступать и под командованием Каппеля, сменившего тупоголового Сахарова? Или на Семенова и на Японию. Лично Третьяков, скрепя сердце, принимал второй путь и один из очередных докладов злополучного Яковлева довершил падение его душевного мужества и патриотического чувства. Да и было от чего растеряться: мир, говорил докладчик, на внутренних фронтах не водворялся.

Напротив, и численность и силы этих фронтов росли с каждым днем. Яковлев, картой фронтов Иркутского военного округа и цифрами доказал, что дальнейшая борьба невозможна. Против 4.500 чел. гарнизона, разложенного агитацией и прикованного событиями к Красноярску и Иркутску, один Щетинкин имел 11 тысяч хорошо организованных партизан при двух десятках пулеметов и двух-трех орудиях. Но кроме Щетинкина был Кравченко на севере Енисейской губ., Бурлов в Нижнеудинской тайге, Зверев на Лене, Каландарашвили на Ангаре, и ряд других отрядов, неуловимых и, следовательно, непобедимых.

Только чудо могло спасти омское правительство, и Третьяков бросился в Читу искать этого чуда, а может быть и просто личного спасения, оставив своим заместителем Червен-Водали или, как его прозвали в Иркутске «Чернила ли, вода ли».

Тянулись кошмарные дни и для чинов правительства, и для служащих министерств, для военных, и для всего города; город голодал; в городе не было света, так как Ангара не стала, а понтон срезало шугой, и электрическая станция стала, не имея возможности получить с вокзала уголь; тысячи больных и раненых начинали замерзать в неотапливаемых многочисленных госпиталях; тиф косил все новые и новые жертвы; телеграфное сношение суживалось с каждым днем. Исчезло Бодайбо, Лена, разрушена ангарская и брамская линия; на восток Чита; на запад изредка Красноярск, где переворот уже закончился бескровно в пользу Политического центра, и изредка связь с поездами адмирала Колчака и Пепеляева. Черемховцы не мешали переговорам по проводу, и Червен-Водали пользовался этими часами связи, чтобы доложить о различных фазисах той революционной дури, которая захватила всю магистраль. И в поездах поняли, что наступил последний акт омской драмы; оттуда не давали ни директив ни советов и только требовали информации. И Совет министров начал разбегаться: за Третьяковым уехал и О कोरोков; особенно много было охотников до командировок на восток; все министры, за исключением «лидера», запаслись частными квартирами, а некоторые и паспортами. Что касается иен, то они поделили их еще при Вологодском, при содействии Владивостокского отделения кредитной канцелярии и Харбинского

отделения Русско-азиатского банка. Обе стороны приготовились: к нападению одни, к обороне и спасению другие. Но уверенности в победе не было на обеих сторонах. Этим объясняется медлительность Политического центра, едва не дождавшегося прибытия в Иркутск семеновцев и японцев.

Восстание.

Вечером 24 декабря в Глазковском предместьи, прилегающем к железнодорожному вокзалу, в казармах 53-го полка появился шт.-кап. Калашников с приставленным к нему от Политического центра комиссаром Мерхалевым. После короткого митинга полк вместе со своими офицерами провозгласил власть Центра. Через несколько часов Калашников занял ст. Военный городок, Иннокентьевскую и Батарейную с ее громадным артиллерийским складом.

Военные власти отнеслись к этому событию очень спокойно. Ген. Артёмьев передал командование начальнику гарнизона ген. Сычеву, и в дальнейшем ни во что не вмешивался. Сычев же заявил, что завтра же он все ликвидирует. Но настало и завтра, а сил у Сычева для ликвидации не прибавилось, а пустить в ход артиллерию, на которую он особенно рассчитывал, не разрешал командующий всеми союзными войсками в Сибири ген. Жанен, бывший послушным орудием чешской политики генерала Сырового.

Ночью ожидалось выступление и в городе. Но контр-разведка штаба, благодаря донесению агента-provokatora, захватила объединенный штаб Политического центра во главе с известным Павлом Михайловым, основателем Сибирского союза эсеров, и этот арест сильно напугал городских работников. Часть Политического центра — Федорович, Колосов и Косьминский, вызвав к себе Яковлева, устроили заседание, на котором выяснилось, что не только в эту ночь, но и в ближайшие дни военная организация выступить не сможет, в виду, якобы, ее неготовности.

Суть дела в действительности заключалась в том, что центр рассчитывал, что события в Глазковском предместьи заставят Яковлева переменить позицию и перейти с отрядом к активным действиям в пользу Центра. Но Яковлев выполнял только свою программу; он занял своим отрядом все Знаменское предместье, удалил из тюрьмы Сычевский

караул от 54-го полка, поставил на охрану тюрьмы и заключенных одну из своих рот, приказал милиции собраться по участкам, и только.

Но без отряда унтер-офицерская школа не рисковала выступать. И Политический центр, только что потерявший весь штаб, снова оставался без армии.

Уже глубокой ночью в кабинет Яковлева собрались командиры частей отряда, которым он доложил о только что принятом решении Центра. И снова все подтвердили решение соблюсти нейтралитет. И снова кап. Решетов умолчал о своих сепаратных сношениях с повстанцами...

Остаток ночи и в Иркутске и в его предместьях прошел спокойно».

25—26 декабря. Пользуясь тем, что Калашников запретил портить правительственный и железнодорожный телеграф, Совет министров просил по проводу Третьякова в Чите настаивать перед Семеновым и японцами на посылке помощи в Иркутск, хотя бы только для того, чтобы правительство смогло с ценностями и деньгами эвакуироваться за Байкал.

По оговору офицера Окладникова, утром 25 декабря контр-разведка произвела ряд новых арестов. Эти аресты лишили Центр военных руководителей движения и вселили панику в среду его приверженцев, благодаря чему выступление было еще раз отсрочено на неопределенное время. А город жил своей жизнью, полной лишений и неурядиц. С внешней стороны как будто ничего не произошло и только расклеенные всюду прокламации Политического центра да усиленные патрули по ночам говорили о происходящих событиях. Червен-Водали вел непрерывные переговоры то с Читой, то с поездом Верховного правителя и Пепеляева, которые миновали Красноярск и приближались к Тайшету.

К вечеру 25 декабря стало в городе известно, что управляющий губернией предложил своим сотрудникам подать в отставку, в виду того, что правительство приняло определенную ориентацию на восток, не приемлемую для иркутских работников. Собственное прошение об отставке с личным докладом Яковлев вручил Червен-Водали, который обещал дать ответ «на-днях» и во всяком случае «не подвести».

Таким образом, во власти правительства остался даже не Иркутск, а только «Модерн», да здание Русско-азиатского банка, где помещался Совет министров.

Настроение Совета министров подымалось и падало в зависимости от сообщений из Читы. Но Чита медлила с определенным ответом на просьбы о помощи. И только к вечеру 25 декабря японский майор Фукуда, утешая ген. Сычева, заявил, что японское командование решило ввести японские войска в пределы Иркутского военного округа. Слава богу! И Сычев и Совет министров вздохнули свободнее. Как будто спасены.

Ночь на 26 декабря прошла спокойно. Только контр-разведка творила свое темное дело.

— Еще есть выход, — говорил Яковлев Червен-Водали на очередном докладе 26 декабря. — Необходимо отрешить адмирала Колчака от власти и власть правительства передать губернской земской управе, которая не разделяет точки зрения Центра по вопросу дальнейшей борьбы с большевиками. Иначе прольется кровь.

Червен-Водали заверил докладчика честным словом, что он кровопролития не допустит. Георгий Гинс, присутствовавший при докладе, качал головой и твердил по адресу адмирала: роковой человек, какой роковой человек!

Но поцелует ли Георгий Гинс рокового человека, или сейчас ему яду подсышет, — этого, по обыкновению, угадать было невозможно.

Миролюбие Червен-Водали объяснялось просто. Чехи заявили Центру, что семеновцев в Иркутск они не пропустят. И действительно, отряд генерала Скипетрова, посланный Семеновым на помощь Иркутску, завяз где-то на линии, задержанный союзниками, т. е. чехами.

Чехи предусмотрительно умалчивали, что ген. Сыровой дал по линии приказ своим войскам избегать всяких конфликтов с семеновцами в том случае, если они будут поддерживаться японскими войсками.

Вот почему вечером 26 декабря в кабинете председателя Совета министров собрались земцы, городской голова и представители Центра. Обеим сторонам честно хотелось во избежание кровопролития прийти к соглашению.

Но Совет министров, заявлявший устами Третьякова что-то об управлении с «чистым сердцем» и «чистой

совестью», соглашаясь на передачу земству власти в Иркутске, очень желал выбраться на восток, под высокую руку атамана, чтобы оттуда начать новую борьбу с большевиками и... с иркутским центром. Но для борьбы нужны были деньги, а государственный запас золота был с адмиралом Колчаком, где-то около Тайшета. Вот из-за этого-то золота, которое земцы желали оставить в Иркутске, а Совет министров — отправить на восток, якобы, под охрану союзников впредь до образования единой общепризнанной власти в России, соглашение так и не состоялось. Для дальнейшего обсуждения этого пункта обе стороны решили 27 декабря в три часа дня собраться снова у Червен-Водали.

Ночью глазковские повстанцы соединились по магистрали с черемховцами, а по Якутскому и Ангарскому трактам на Иркутск шли большие крестьянские отряды.

27 декабря. К утру 27 декабря ген. Сычев (но не правительство) получил от Семенова телеграмму, предписывающую ему «держаться», т. к. генерал Скипетров идет на помощь вместе с японцами.

Помощь действительно шла, и растерявшиеся чехи, боявшиеся столкновения с японцами, молча пропустили ее до станции Михалевой, всего в 30 верстах от Иркутска; за семеновцами, не теряя связи, шли четыре эшелона японцев.

Город, узнавший утром о начавшемся соглашении правительства и земства радовался тому, что с иркутских улиц отодвигалось новое декабрьское кровопролитие. Радовались и министры, узнавшие от Сычева о приближении помощи: кровопускание становилось для них менее рискованным и вырастали планы на разгром заговорщиков. Расхрабренные министры напали даже на бедного Червен-Водали, который, мол, ведет сепаратную политику своими переговорами с приспешниками большевиков, чорт знает, во имя чего, компрометирует правительство в глазах «государственно-мыслящих элементов», и предает отступающую в надежный Иркутск армию, вонзая ей... и т. д., и т. д.

И самому Червен-Водали показалось теперь, что соглашение-то, пожалуй, и не нужно.

Эти колебания были не безызвестны Политическому центру. Чтобы оказать давление на правительство и сделать его более сговорчивым, городская дума решила произвести

вооруженную, но мирную демонстрацию сил, стоящих на стороне Центра.

Представители думы заехали к управляющему губернией, прося его дать приказ милиции и отряду о выступлении на площадь для демонстрации. Зная, что это будет вызов ген. Сычеву, после которого неминуемо начнется бой; считая, что это является актом не нейтральным, а активным, Яковлев отказал, и демонстрация не состоялась, а движение пошло другим путем.

В три часа дня в кабинете Червен-Водали собрались снова вчерашние делегаты, которые через пять минут разошлись, так как Червен-Водали заявил, что соглашение с ними, как с людьми, берущими власть для передачи ее большевикам, для правительства невозможно.

Через полчаса Яковлеву пом. нач. отряда Зенкевич доложил, что начальник отряда кап. Решетин, именем управляющего губернией, приказал двум ротам отряда выступить против «Модерна» и что солдаты с громадным воодушевлением и пением прошли уже в город.

— Но я не приказывал выступать, — сказал встревоженный Яковлев.

— Не могу знать, — был ответ. — Капитан Решетин действует вашим именем.

— Началось? — спросил Яковлева А. Н. Алексеевский (б. председатель амурского правительства) и Ходукин, сидевшие у него за чаем.

— Видимо, начали, — поправил Яковлев. — И начали, по моему, в самый неудачный момент, так как в тридцати верстах от города стоит более тысячи семеновцев и четыре эшелона японцев.

— Что думаете делать, — спросил Алексеевский.

— Попытаюсь вернуть солдат в казармы, — сказал Яковлев.

Они выехали на Тихвинскую площадь, где шел уже бой. Часть унтер-офицеров не присоединялась к восставшим и была последними обезоружена.

Первая рота отряда в несколько минут с боем взяла команду связи со всеми ее пулеметами, не потеряв ни одного человека.

Стемнело... С Ангары пополз густой туман, окутавший улицы и площадь боя. С ревом на площадь вкатился

автомобиль начальника штаба ген. Вагина и тотчас был взят в плен с генералом солдатами первой роты. За автомобилем из тумана вынырнули санки Яковлева, попавшего под чей-то обстрел.

— Дальше ехать нельзя, — останавливал пор. Зенкевич. — Мы можем попасть в лапы сычевцев.

Сани проехали еще квартал и остановились. Бой разгорался. Где-то к Ангаре трещали винтовки, в стороне «Модерна» методически стучали пулеметы. В стороне от боя звонили ко всеобщей: была суббота.

Яковлев вышел из саней и пошел пешком. У какого-то забора вдруг остановился и тяжело разрыдался. А позади разrostалось второе декабрьское кровопролитие, которое он тщетно старался устранить.

Меж тем милиция, также уверявшая Яковлева в своем нейтралитете, под шумок очистила от юнкерских частей весь приангарский район, сопротивлявшихся забрала, якобы, для установления личности, а сама занялась организацией переправы через Ангару, чтобы ночью перевезти из Глазковского предместья часть 53 полка и дружину железнодорожных рабочих на случай затяжки борьбы. В это время Сычев, избравший своим штабом комендантское управление, откуда к восставшим ушла вся команда, решил, что поражение неизбежно, т. к. сил для борьбы не было, а размер восстания и число восставших частей было еще не определено. Обитатели «Модерна», члены Совета министров, при первых выстрелах разбежались по заранее подготовленным частным квартирам, оставив одного несчастного Червен-Водали. Военный мин., ген. Ханжин куда-то выехал и его нигде не могли найти. Оборону Совета министров вручили начальнику омского отряда подп. Благовещенскому, который окружил «Модерн» и прилегающие к нему кварталы цепями омских министерских отрядов и иркутских егерей. Считая Яковлева главарем восстания, подп. Благовещенский, с согласия Червен-Водали, дал приказ начальнику контр-разведки об аресте Яковлева, а солдатам сказал, что они могут его расстрелять на месте без всяких разговоров.

Меж тем телефон приносил каждую минуту все более тревожные вести. Восстание имеет успех. Взят в плен начальник штаба ген. Вагин; третьей ротой отряда взят

в плен военный министр ген. Ханжин; занят телеграф, казначейство; повстанцы наступают на «Модерн»; повстанцы в двух кварталах от «Модерна»; занята телефонная станция: разговор возможен лишь случайно при помощи начальника телефонной станции; «Модерн» почти осажденная крепость.

И вот в это-то отчаянное время из с. Листвиничного по Байкальскому тракту подоспела на грузовых автомобилях помощь в лице 112 человек семеновцев. Весть об их прибытии, заботливо распространенная среди сычевцев, ожидавших своего конца, подняла их настроение.

Но надо было бросить ее и в ряды восставших. Тогда, подп. Благовещенский, разыскав Яковлева по телефону в казармах его отряда, сообщил ему, как бы мимоходом, эту новость, зная хорошо, что она немедленно будет передана на улицы боя. Так и случилось. Яковлев, посоветовавшись в штабе со своими офицерами, послал двоих из них на линию боя, чтобы осведомить командиров частей и попытаться вернуть их в казармы. Это сообщение, быстро облетевшее улицы боя, внесло смятение среди офицеров, которые оставили улицы и вскоре со своими частями вернулись в казармы отряда.

Молча расходились солдаты по казармам, не понимая, почему их именем управляющего то бросают в бой, то отзывают среди развивающихся успехов обратно. Но отход обеих рот отряда ставил в безвыходное положение оставшихся в одиночестве унтер-офицеров. По предложению кап. Решетина, ушедшего последним из боя, они направились в Знаменское предместье в казармы отряда, чтобы здесь, сообразив все, что произошло, взять в свои руки сообщение с Якутским и Ангарским трактами, откуда шли крестьянские отряды, создать базу на случай затяжной борьбы.

Заставы и цепи отрядников, высланные Яковлевым, молча пропустили унтер-офицеров, как своих, а впереди отступавших на взятых в плен военных автомобилях, прибыл в казармы почти весь Политический центр.

Отряд колебался. Солдаты уже узнали, что приказа о выступлении Яковлев не давал. Но, с другой стороны, невозможно было оставаться на нейтральной позиции. Это понял и Яковлев. Зная, что он еще может вести своих солдат за собой, видя полное подчинение со стороны офицеров,

он не стал выступать против членов Центра, агитировавших в казармах. — Я уйду, так как оставаться с вами я не могу, мешать вам я не желаю, — заявил Яковлев своему товарищу по школе Коногову.

— Мы вас не можем выпустить, — заявил член Центра Самохин.

— Почему? — коротко спросил Яковлев.

— Вы можете быть вредны, если примкнете к нашим врагам.

— Что же я такое: начальник своего отряда или арестант Центра? — спросил дальше Яковлев. — И кто здесь хозяин — вы или я?

Яковлев вызвал начальника конного отряда.

— Лошадей приготовить и передать коноводам. Отряд привести в боевую готовность и привести сюда, — дал он приказ.

— Слушаю, — был ответ.

— Если через пять минут вы не выпустите меня отсюда со всеми, кто пожелает следовать за мной, я начинаю против вас бой, — заявил Яковлев Самохину.

— Г-да офицеры. Кто со мной? — обратился он к офицерам, находившимся в помещении штаба.

— Я, я, — раздались голоса из среды офицеров и из среды солдат.

Конный отряд, готовый к бою, явился в штаб.

— Кто желает, может оставаться здесь, — предложил он солдатам. Кто не желает, иди за мной, и если нас будут задерживать, будем драться.

Растерявшийся Самохин вызвал из казарм Коногова и председателя Центра Федоровича, которые заявили Яковлеву, что Центр и не думает его задерживать, что он может уехать, во всякое время, но что они полагают, что для него же безопаснее остаться в отряде.

Через пять минут, простившись с членами Центра и оставшимися офицерами, окруженный конниками, он уехал из отряда в сопровождении наиболее преданных ему офицеров и солдат, оставив во главе движения и отряда изменившего ему кап. Решетина. На утро 28 декабря он подал Червен-Водали обычную сводку происшествий за истекшие сутки, которую закончил просьбой оградить его от преследований со стороны офицерской организации, сообщить

председателю Совета министров Пепеляеву, с которым он был в особых личных отношениях, что долг свой он исполнил до конца, и не считать его более чиновником правительства. В тот же день он исчез с группой солдат и офицеров из Иркутска, проклинаясь правыми, как глава и организатор восстания, и некоторыми левыми, как провокатор, сорвавший выступление 27 декабря своим сообщением о прибытии семеновцев. Ночь на 28 декабря прошла среди повстанцев тревожно, так как все время ждали наступления сычевцев, чтобы без боя уйти к Верхоленску по Якутскому тракту.

Но у сычевцев дела были не лучше. Они только учитывали силы и собирали офицерскую организацию — это ядро обороны. В «Модерне» никто толком не мог уяснить себе причину неожиданного оборота дел и поверить в свое избавление. Явились освобожденные пленники — ген. Вагин и ген. Ханжин и на летучем совещании наличных министров было решено организовать для управления делами и обороной «троекторию», как окрестил ее Георгий Гинс, из Червен-Водали, ген. Ханжина и тов. мин. путей сообщения Ларионова.

28 декабря. Рано утром кап. Решетин повел наступление на город, удачно перебросив свои части через р. Ушаковку. В течение одного-двух часов отряд и унтер-офицеры успели захватить город с рядом крупных зданий до центральных улиц. Положение спасла офицерская организация, мобилизовавшая своих членов; понеся большие потери, капитан Решетин отступил за Ушаковку, в свои казармы. Враги стали на берегах и так как силы были почти равны, то борьба затянулась, так же как и в 1917 году, на 9 тяжелых дней.

О Верховном правителе и Пепеляеве не было никаких известий, так как Черемхово отрезало Иркутск от сообщения с западом. С Читой сношение велось через дружественно настроенных японцев.

К Калашникову¹, организовавшему связь с кап. Решетиным, из Тулуна, с Братского тракта спешили партизаны отряда Зверева. В Знаменском предместьи Решетин²

¹ Не к Калашникову, а к Губкому РКП—Ред.

² Не Решетин, а опять-таки Губком РКП—Ред.

занялся организацией дружин из рабочих, поджидая на помощь земские отряды верхоленских крестьян с Якутского тракта и роту Черемховского гарнизона, направленную в обход Иркутска по Ангарскому тракту. Кольцо революционное сдвигалось все теснее и теснее. Господа иностранные высокие комиссары, сидя в своих вагонах на станции, которую они предусмотрительно объявили нейтральной, наблюдали картину борьбы, ожидая развязки.

29 декабря. Едва только рассвело, кап. Решетин, переправив своих солдат в устье Ушаковки, повел наступление на «Модерн» широкой дугой, охватившей улицы от тюремного моста до Ангары и по набережной Ангары до собора. В наступлении приняли участие все свободные силы, а также добровольцы рабочие. Натиск был такой энергичный, упорный и жестокий, что сычевцы дрогнули и отдали ряд улиц, отступая к «Модерну». Но подоспел на мотоцикле сам Сычев, объехавший всю линию боя под сильным обстрелом, подошла рота егерей, только что вернувшаяся из с. Александровского, где она была на усмирении арестантского бунта, и снова, с еще большими жертвами, решетинцы ушли за Ушаковку. После обеда по приказу Сычева с Петрушиной горы начался обстрел Знаменского предместья из трехдюймовок оренбургского военного училища. Иногда пускалась в ход шестидюймовка, бывшая в распоряжении Сычева.

Но солдаты ушли из казарм, и от артиллерии, так же, как и в 1917 году, более всего страдали домишки мирных жителей, что подымало только дух повстанцев и увеличивало симпатии жителей к ним.

30 декабря. С утра, под покровом морозного тумана, покрывавшего Ангару, со станции Батарейной началась переправа в разобранном виде одной шестидюймовки для кап. Решетина. Несмотря на мороз и шугу, шедшую по Ангаре, переправа закончилась удачно, пушка была доставлена в Знаменское предместье, но, щадя население, капитан Решетин ни разу не пустил ее в ход.

Вечером рота егерей, еще вчера отразившая наступление Решетина, из передовой цепи ушла с оружием к Решетину, повергнув Сычева и всех, кто знал об этом, в большое уныние. Не стало уверенности ни в одной части. Тогда Сычев привлек к обороне против повстанцев кадет старших клас-

сов. И мальчики мужественно дрались и умирали, не зная за что, за кого.

31 декабря. Егеря, только что перешедшие к Решетину, вернулись с покаянием к Сычеву. Часть их перебили во время перебежки повстанцы, часть сычевцы и только немногие спаслись. Раненых егерей, оставшихся под обстрелом на льду Ушаковки, никто не хотел убирать. И они замерзали, обращались в комья, которые топорами вырубались по окончании боев. Причина неустойчивости их заключалась в нелюбезности, с которой решетинцы встретили перебежчиков, а, кроме того, стало известно, что под Глазковым стоят эшелоны семеновцев, их бронепоезд и... японцы.

После обеда начался бой Калашникова с семеновцами. Страх перед ними был так велик, что часть рабочих, дружинников и революционных солдат сбегала на ст. Иннокентьевскую [в 12 вер. западнее Иркутска]; имущество и штаб 53-го полка были предусмотрительно уложены на грузовики для отправки, если бы пришлось, хоть до Черемхова.

Вся тяжесть борьбы пала на 2 батальона 53 полка, которые Калашников лично повел в наступление, рассыпав их тремя широкими, но редкими цепями. С первых же выстрелов эти цепи одна за другой стали отступать. Наступила критическая минута. Калашников вызвал, как последний резерв, команду связи 53-го полка, насчитывавшую несколько десятков человек; присоединил к ним пулеметную команду партизан Зверева, только что подошедших к Иркутску, и, сев на коня впереди них, повел солдат в новый бой. Удачная, воодушевленная атака сразу дала 70 человек пленных семеновцев, что показало их слабость. В то же время железнодорожники остановили бронепоезд, пустив ему навстречу один паровоз. Кризис миновал. — Иркутское восстание было спасено этой минутой. Трудно даже предположить, что сделали бы семеновцы с крамольным Иркутском, если бы боевое счастье пошло против повстанцев. Через десять минут оправившиеся солдаты гнали семеновцев от Иркутска.

А на правом берегу Ангары сотни иркутян, собравшись у здания университета, с разными чувствами следили за ходом боя.

— Семеновцы разбиты; семеновцы побежали, — пошла молва по городу вплоть до Знаменского предместья,

Исчезли последние надежды Совета министров на спасенье, исчезла последняя угроза революционному Иркутску.

— Но что же японцы?

— Ничем не могли помочь...

— Почему же? «Союзники» опять мешали?

— Нет. Смешно сказать, но их четыре эшелона, следовавших в Иркутск, напугавшие и чехов и русских, оказались почти с пустыми вагонами.

1 января 1920 года. С раннего утра сычевцы ожидали на Ушаковке обычного наступления решетинцев, но неожиданно они оказались в центре города, спустившись с Иерусалимских нагорных улиц, появившись со стороны, с которой их меньше всего ждали. Разгорелся самый упорный и самый жестокий уличный бой. Ухали пушки, трещали в морозном тумане пулеметы и ружья, и в первый день нового года брат убивал брата, товарищ товарища. С небывалым ожесточением обе стороны шли друг на друга, добивая раненых, не беря никого в плен. На стороне Решетина дрались даже подростки 14—16 лет; у Сычева — их ровесники ученики кадетских корпусов. Наступление снова и с большими потерями было отбито отчасти и потому, что в бою впервые приняли участие семеновцы, прибывшие с тракта и на пароходе из Лиственичной с Байкала.

В городе начались грабежи мирного населения сверхдоблестными семеновцами. Иркутские казаки Семенова совсем сбились с толку. Перейти к повстанцам — страшно в случае победы над восставшими; остаться на стороне сычевцев — кажется, дело проигранное; объявить нейтралитет, вроде нейтралитета городской милиции, поздно: обе стороны бить будут. Наконец, получив подачку в пятьсот миллионов, проведенных «троекторией» в чрезвычайном порядке, они все-таки остались на стороне Сычева, не оказав ему, в сущности, никакой помощи.

2 января. Весь день 2 января обе стороны, утомленные вчерашним боем, провели в легкой перестрелке. Решетин, получивший из-за Ангары, со ст. Батарейной, оружие, формировал новые дружины рабочих и подошедших крестьян, готовясь к решительному бою. Противный лагерь слабел и таял от потерь и... дезертирства. Нового подступа семеновцев, ошеломленных неудачей в Глазковском предместье, не предвиделось.

Надо было разрубить узел запутавшихся событий, и союзники, в лице ген. Жанена, настраиваемого ген. Сыровым, решили кончить затянувшуюся борьбу, приведя обе стороны к миру в пользу Политического центра, представители которого дневали и ночевали в вагоне ген. Жанена. Такое решение, немедленно дошедшее до сведения Совета министров, было для него последним ударом, и Совет стал готовиться к бегству. Ген. Сычев, имевший надлежащую информацию от японского штаба, давно был готов. И вот началось переселение всех, кто входил в план бегства, из города на окраину, в оренбургское военное училище, откуда, как наиболее надежной части, в определенный день и час должен был начаться исход. Беглецы захватили с собой и несчастных заложников, общим числом до 60 человек. Сычевцы и семеновцы не забыли про запасы Иркутского отд. Государственного банка и с целью их вывозки предусмотрительно повели мобилизацию подвод и извозчиков. Милиция через своего начальника и члена городской управы Пескина заявила Червен-Водали, что в дальнейшем она отказывается выполнять распоряжения даже административного характера, исходящие от омской власти, и требует окончания борьбы.

3 января. Червен-Водали, Ханжин и Ларионов мужественно несли «бремя власти». Червен-Водали вел переговоры то с общественными деятелями из беженцев в холодном, неопленном и неосвещаемом «Модерне», то с союзниками на вокзале. Вокруг «троектории» путалось «общественное мнение» в лице лидера иркутских кадет Кочнева, бутербродного редактора проф. Устрялова и еще какого-то ничтожества, воображавших и говоривших впоследствии, что они «правили правительством». «Троектории» ничего не оставалось делать, как принять предложение союзников и начать переговоры. С этой целью на вокзал, как на нейтральную почву, были посланы Ларионов и ген. Багин, как будто бы участвовавший в 1917 г. в разработке Брестского мира.

Переговоры начались, хотя договариваться было уже не о чем.

Меж тем Сычев, чтобы солиднее поставить готовившееся вероломное бегство, дал приказ по всем частям приготовить в 24 часа списки всех участников обороны «для

производства в следующий чин и награждения георгиевскими крестами».

4 января. Вялое ожидание исхода переговоров в городе, вялое продолжение переговоров на вокзале у Жанена, энергичная подготовка к ночному наступлению в стане Решетина и энергичная подготовка к бегству у Сычева...

Вечером милиция узнала из комендантского управления, что семеновцы вывозят ценности из банка. Начальник милиции, пор. Малышев, во главе конного отряда милиции, бросился за грабителями и застигнув их у Амурских ворот, почти без боя весь обоз вернул обратно, взяв семеновцев в плен.

Кое-кто из них успел пробиться к оренбургскому военному училищу. Здесь, чтобы оправдать свое поражение и потерю банковских ценностей, они рассказали такие страхи о нападении милиции, которую они сочли за вступивших в город партизан отряда знаменитого анархиста Каландарашвили, что все потеряли голову, и началась не эвакуация, а бегство. Первыми на автомобилях бежали генералы, за ними потянулись пестрый обоз и пестрое войско, увозившее с собой под надежной охраной 31 человека избранных заложников, во главе с Павлом Михайловым, нач. штаба повстанцев пор. Петровым, предателем офицером Окладниковым и ни в чем неповинными мальчу-ганами-курьерами из земельного отдела.

Бежали все, кто хотел бежать, оставив на произвол судьбы и милость победителя солдат, юнкеров, кадет и даже министров с Червен-Водали во главе.

К 12 часам ночи город был очищен от осколков семеновских и сычевских частей, и Политический центр, за исключением членов, бывших с Решетиным, впервые за время борьбы собрался.

Глазково и Знаменское пока еще не знали о бегстве Сычева. Телефон ежеминутно докладывал в кабинет начальника милиции, где заседал Центр, о бескровном присоединении бывших сычевских частей к Центру; наладилась паролоходная связь с Глазковским предместьем; тех, кого надо было спрятать от самосуда солдат и толпы, запрятали в «Модерн» и только тогда, когда Центр почувствовал, что он может справиться со всякими эксцессами, было дано знать Решетину и его отряду об освобождении города

■ предложено унтер-офицерам перейти в свое помещение в здании женской гимназии. Грозовым «ура» встретило Знаменское предместье весть о полной победе. И на рассвете отряд особого назначения, сильно поредевший за дни борьбы, унтер-офицеры, рабочие дружины, черемховские и верхоленские отряды партизан стройными рядами с красными знаменами, под звуки музыки, вошли в пробуждающийся город, где над Русско-азиатским банком развевался красный флаг.

Экс-министры, прячущиеся по частным квартирам; жалкая кучка сычевцев, убивающая заложников, как жертву перед вступлением в Забайкальское царство; чехи, отцы крестные новой власти, старающейся наладить их эвакуацию, беспомощный Центр, посылающий делегацию на поклон торжествующему совдепу, ликование солдат и рабочих, равнодушие и страх обывателя, и более четырехсот трупов, все молодых юношеских трупов, дорогих и прекрасных даже в смерти — вот итог декабрьских дней 1919 года в Иркутске...

Вечером 5 января у одного из местных эсеров был обед, на котором присутствовало большинство членов «центропула» — так окрестила демократия новую власть с первого же дня ее существования.

— Итак, вы власть, — сказал один чех, присутствовавший на обеде. — Надолго?

— Не знаем сами, — откровенно кто-то ответил из членов.

Ровно на 20 дней, так показало сумбурное будущее, полное новых ошибок и полной капитуляции перед большевизмом.

Переговоры о сдаче власти Омским правительством Политическому центру

в присутствии Высоких комиссаров и высшего командования союзных держав ¹.

ЗАСЕДАНИЕ 2 января 1920 года

в поезде генерала Жанен.

Собрание делегатов правительства адмирала Колчака и Высоких комиссаров: французского, английского, представителей Америки, Японии и Чехии.

Заседание открывается в 2 часа пополудни.

Открывает заседание генерал Жанен, обращаясь с речью к союзным представителям. В своей речи он выставляет в кратких словах необходимость достигнуть, если не соглашения с противными партиями, то по крайней мере прекращения кровопролития. Далее, чтобы создать себе ясное представление обо всем происходящем кругом, необходимо выслушать как членов Омского правительства, так и представителей восставших.

¹ Стенографический отчет переговоров о сдаче власти Омским правительством Политическому центру в присутствии Высоких комиссаров и высшего командования союзных держав. Г. Иркутск (станция). Январь 1920 года.

Харбин. Эл. Тип. „Трудовое Т-во“. Стенографировано Ед. Джемсом.

Представитель Японии г. Като (нервно). С чем они будут просить?

Ген. Жанен (раздраженно). О пустяках, вы можете быть в этом уверены.

(Беседуют маленькими группами, генерал Сыровой в весьма энергичных выражениях разговаривает с японским полковником).

Ген. Жанен (прерывая разговоры). Имеется решение Верховного совета в Париже, в котором указывается на необходимость поспешить с эвакуацией чехов. Что касается ее, она замедлилась вследствие порчи пути в различных местах, эшелоны прибывают с тыла и не могут следовать дальше. Дело не может продолжаться таким образом, войска Семенова абсолютно не способны защищать свое правительство... они бы принесли гораздо больше пользы, если бы остались спокойно в Чите, здесь же они только мешают движению (посматривая на г. Като). Придется им сказать, чтобы они нам дали возможность уехать... они только тем и заняты, что ежечасно то портят, то исправляют пути и телеграфное сообщение.

Ген. Като (смущенно). Я только что получил телеграмму из Читы, сообщающую о присылке сюда японских войск. Эта телеграмма (вынимая ее из кармана) была послана пять дней тому назад.

Высокий комиссар Франции Могра. Разве путь и сообщения опять отрезаны?

Ген. Жанен. Как же иначе, — это всегда так и будет... Вы не желали, чтобы Семенова заставили бы уехать... они не способны драться... они только и могут разрушать путь.

Ген. Сыровой. Все занято до Слюдянки. Семеновские и другие эшелоны загромождали станцию.

Ген. Жанен. Единственный факт, который можно констатировать, это тот, что с тех пор, как войска Семенова здесь, ничего больше не ладится. Лучший способ... с этим прикончить, т. е., чтобы они ушли... вот уже четыре дня, как исправляют путь, потом портят его, опять исправляют и вновь наблюдаются повреждения.

Высокий комиссар Англии Ходсон. Необходимо, чтобы мы все предложили бы им уехать и чтобы представитель Японии (посматривая на г. Като) также предложил свою подпись... (резко) над нами форменно издеваются.

Высокий комиссар Франции Могра. Но ведь это революционеры портят путь.

Франц. майор маркиз де-Латур (резко). Потому что там войска Семенова.

Ген. Жанен. Мы были предупреждены об этом революционерами... к тому же чехи все прибывают... они выражают свое нетерпение, во что бы то ни стало, необходимо немедленно предложить самым ультимативным образом Семенову отступить на известное расстояние... путь будет тогда исправлен немедленно, и мы уедем.

(Все представители союзных держав соглашаются. Высокий комиссар Англии отдельно по-английски повторяет японскому представителю г. Като о состоявшемся соглашении. Последний выражает свое согласие кивком головы).

(В это время (2 ч. 40 м.) прибывают члены правительства адмирала Колчака во главе с министром Червен-Водали).

Мин. Червен-Водали. Господа высокие комиссары, представители союзных наций — позвольте мне обратиться к вам, чтобы довести до вашего почтенного сведения о создавшемся положении и предложить вам несколько вопросов, если вы дадите на это ваше высокое согласие.

После омской катастрофы русское правительство ясно увидело, что политика, которую оно вело до сих пор, была никуда не годной, и оно задало себе вопрос, возможно ли в настоящее время вложить в основу правительства политику, которая могла бы удовлетворить мнение общества и земства, которое уже давно домогается власти.

Мы поделились нашими впечатлениями с адмиралом Колчаком, но... он... не сделал ничего другого, как только передал власть Пепеляеву. Это обстоятельство поставило нас перед следующей дилеммой: или дать возможность образоваться совершенно реакционному кабинету и отказаться войти в него, или же, согласиться на сотрудничество с Пепеляевым, чтобы попытаться по возможности улучшить положение. Наша группа состава правительства, из лиц прибывших с юга России или принадлежащих к разным сибирским политическим партиям, которые всегда были и будут против реакционной политики, — борется лишь за право и законность. Кабинет составился, и мы тотчас же принялись за дело, настаивая на том, чтобы Верховный правитель прибыл бы в Иркутск и... чтобы все

решения проходили бы через Совет министров. Таким образом Совет министров стал бы ответственным правительственным органом. Мы также поставили в условие, чтобы председатель Совета министров отправился бы на фронт и предложил бы всем начальствующим лицам, не способным исполнять свои обязанности, сложить с себя власть. Генерал Дидерикс должен был быть призван. Министр Пепеляев был таким образом послан на фронт для выполнения этого поручения и чтобы способствовать скорейшему приезду сюда Верховного правителя. В это время правительство начало входить в сношение с земствами и городами... от политики слов мы перешли к политике действий, пытаясь этим дать удовлетворение обществу и призывая своих главнейших представителей к сочувствию в общем деле для спасения государства. Для нужд различных обществ я велел выдать немедленно шесть миллионов рублей и было постановлено открыть добавочный кредит — 27 миллионов для кооперативов, для того, чтобы оказать помощь делу продовольствия... Итак, могу подтвердить, что мы не держались одних обещаний. Я также приказал выпустить немедленно на свободу многих политических заключенных, между ними был Алексеев, один из защитников настоящего движения. Все что мне было сказано относительно отдельных личностей, которых следовало освободить — все было исполнено. Таким образом, я могу заявить с чистой совестью, что мы уже начали самым действительным образом осуществлять либеральную политику, не переставая считать за основную мысль — борьбу против большевизма. Наши условия имели назначение привести нас к тесному соглашению с либеральными элементами. Образование нового кабинета Пепеляевым нам показалось неудачным поступком. Я прошу всех, здесь присутствующих лиц смотреть на то, что я здесь передаю, как на секрет. Я затрону здесь все вопросы, могущие осветить вам те трудности, которые представляла наша цель. Я уже упомянул о том, что для нас, пришедших от генерала Деникина, политика, которую проводили министры адмирала Колчака, представлялась пагубной. Мы скоро поняли, что Пепеляеву будет трудно сделать что-либо, так как в качестве министра внутренних дел он успел приобрести всю ненависть среди общества и народа. Мы пытались предупредить адмирала

об опасности, но столкнулись с его твердым и упрямым решением не назначать никого другого. К тому же мы знали, что в кругах, близких к адмиралу, готовились предпринять еще более реакционную политику. Вместе со своими товарищами, не желая отказаться от задачи, которую мы на себя возложили, я обратился к представителям от земств. С их стороны я встретил некоторое внимание, и я надеялся, что мы таким образом достигнем известных результатов.

Рассуждая таким образом, я разрешил собрания совета от земств, хотя это и было незаконно, но я думаю, что дебаты их дадут мне некоторые ценные указания относительно их намерений.

Они высказались в пользу соглашения и заключения мира с большевиками, заявляя, что дальнейшая борьба невозможна и что необходимо немедленно вступить в переговоры с ними.

Такая точка зрения была недопустима.

Хотя меня впоследствии и обвиняли в том, что я не арестовал соглашателей, но я никого не тронул. Это должно было доказать, что правительство чувствовало себя настолько сильным, чтобы подавить в необходимую минуту различные движения, которые уже обрисовались. Я считал целесообразным не принимать никаких мер против агитаторов, а наоборот, приглашал их к себе для свободной беседы. Я искал их сотрудничества, но они отказались.

Теперь же я совершенно убедился, что настоящее движение — только переход к большевизму, может быть, и я дал бы себя увлечь этим движением, если бы у меня не было этого убеждения. Я рассматриваю соглашение с большевиками, как преступление против государства — и я смогу засвидетельствовать перед высокими комиссарами и представителями союзных наций, что если бы мы могли только передать власть в руки людей с честными и добрыми намерениями по отношению своей родины и которые могли бы действительно восстановить государство, — мы бы это сделали не колеблясь.

В настоящее же время мы видим, что это совершенно невозможно и нам противно отрешиться от власти при этих условиях.

Я не могу примириться с единомышленниками Ленина и ленинцев, их действия угрожают не только России, но и всему миру.

Вы, может быть, думаете, что движение, которое теперь разворачивается перед вашими глазами, господа, не что иное, как движение социал-революционных земств, но мы убеждены, что это не так. Сегодняшнее возмущение направлено только к тому, чтобы открыть двери большевизму.

Я сам жил среди них в Москве, я принимал участие в некоторых их работах, я знаю — чего мне надо держаться. Обстоятельства, при которых вспыхнуло это возмущение, к несчастью, отнимают у нас возможность принять надлежащие меры к его немедленному прекращению. И действительно, как только мы узнали, что станция и высоты были заняты восставшими, недостаток в сообщениях и страх при бомбардировке попасть в союзные дипломатические миссии заставили нас прекратить все военные меры, которые были нами определены. К несчастью, мы не могли установить никакой связи с вами. Просьба, которую я вам передавал приехать ко мне для переговоров на счет создавшегося положения не была получена вами во время.

Если бы сегодняшнее собрание состоялось бы на 2-3 дня раньше, то правительственные войска, смею вас уверить, остались бы хозяевами положения.

После ответа, полученного русским главнокомандующим от генерала Жанена, где было сказано, что если только наши войска будут атаковать станцию, то им придется столкнуться с союзными силами, — правительство решило еще один раз попытаться прийти к соглашению с представителями городов и земств, так как власть, которую они хотели захватить силою, могла бы им быть вверена, если бы они только заявили, что желают продолжать борьбу против большевизма.

Но они заявили, что политика, которую они собрались провести, имела своим основанием соглашение с большевиками. Таким образом, отрешаясь от власти в пользу земств, мы на самом деле сознательно ее передаем большевикам.

С этого момента правительство, употребив все надлежащие меры для того, чтобы удалить конфликт, решило бороться, и не покинет это решение.

Наша ответственность перед страной была бы слишком велика, если мы сознательно передали бы власть людям, которые немедленно вверят ее нашим врагам.

Сначала было решено, что только один гарнизон примет участие в неприязненных действиях. Верховный правитель, не будучи в состоянии посоветоваться с нами, доверил атаману Семенову начальство над всей этой областью. Он и принял на себя распоряжение одной части военных действий.

Теперь мы хотим знать, в каких отношениях мы будем в этом случае к союзному командованию. Мы рассматриваем это как ключ к задаче.

Из всего того, что я уже раньше сказал, вы, господа, можете заключить, что настоящее правительство, — увы, — не представляет больше интересов всей России. Мы считаем, что передача власти местной организации не может состояться, если только у Омского правительства не будет отнято право на общую власть. Мы должны покинуть эту власть и заняться чисто сибирской организацией. Для этой цели мы хотим предложить адмиралу Колчаку передать свой титул Верховного правителя генералу Деникину. Этот вопрос может быть разрешен окончательно, когда он и Пенелеев придут сюда.

Ген. Ж а н е н. Имеете ли вы какие-либо сведения, касающиеся адмирала? Вы знаете, что до 18 декабря он был в Красноярске, он несколько раз телеграфировал, прося, чтобы его пропустили возможно скорее, у него не было угля... это было в первые дни выступления. Положение было уже трудное. После этого я узнал, что революция вспыхнула в Нижнеудинске, где ожидали адмирала, чтобы арестовать его. Чешская охрана получила от меня приказ защищать его, а также поезда с золотым запасом, следующие вместе с ним. Третьего дня я получил от чешского коменданта из Нижнеудинска телеграмму, где говорится, что в этом городе объявлена республика. Эта республика хотела потребовать от адмирала его отречения и передачи всех ценностей, имеющихся в его распоряжении новым местным властям за исключением золота, которое должно быть передано сюда главному революционному правительству. По получении этой телеграммы состоялось собрание союзных высоких комиссаров, после чего адми-

ралу была отправлена телеграмма, копию с которой вы имеете.

Мин. Червен-Водали. У меня действительно имеется копия с этой телеграммы. Что касается адмирала Колчака, я прошу вас, от имени правительства разрешения переговорить с ним по прямому чешскому проводу, чтобы попросить его всецело передать свою власть генералу Деникину. Это необходимо сделать для того, чтобы положение, в котором он в настоящее время находится, не могло бы влиять на основную идею соблюдения главного русского правительства. Мы желаем, чтобы он сделал это сам, без насильственного принуждения. Затем, мы просим вас смотреть на него как на обыкновенное частное лицо и обеспечить ему свободный проезд на Дальний Восток.

Правительство обращается к вам с этой же просьбой за его близкаших сотрудников... Вот и все намерения правительства относительно адмирала. Нам кажется, что с его стороны это лучший ответ в интересах страны при настоящих обстоятельствах.

Мы убеждены, что союзное командование примет все необходимые меры, чтобы обеспечить ему неприкосновенность личности.

Я вас прошу дать мне ответ относительно возможности сообщения с адмиралом. Мне кажется, вопрос этот имеет громадное значение, и я бы желал, чтобы он был разрешен в том смысле, в котором я его только что выставил.

Ген. Жанен. Возможно, что уже поздно говорить с адмиралом, так как вероятно ему уже предъявлен ультиматум от представителей республики в Нижнеудинске. Во всяком случае, господа Высокие комиссары решат, что еще возможно сделать. Имейте только в виду, что положение уже не то, что было неделю назад.

(Представитель Японии г. Като и Высокие комиссары удаляются в кабинет ген. Жанена в 3 ч. 30 м. В 4 ч. г. Като выходит из кабинета и приглашает генерала Сырового и японского полковника принять участие в совете).

(Генерал Жанен в это время разговаривает с Червен-Водали о поездах с золотом).

Ген. Жанен (к Червен-Водали). При отъезде моем из Омска я предложил адмиралу взять поезда с золотом под мою охрану, но... адмирал это отклонил... доверия не было...

теперь же будет трудно сделать что-нибудь, во всяком случае то, что касается его личности, представители республики решили не пропустить его. Путь будет испорчен, и я сомневаюсь, что будет возможно его доставить сюда, если только он уже заранее не сложил с себя власть. Мне известно, что генерал Дидерикс его об этом просил уже в Омске... ему не надо было отказываться, что же касается золота, то нам приказано привести его сюда под союзным конвоем с флагами всех союзных держав, включая и русский флаг... если республика захочет поместить своих представителей... то мы этому не воспротивимся...

Сколько перемен за один год... когда я здесь ехал, чтобы прибыть в Омск, все были против большевизма... у меня не было охраны. Какую же перемену видим мы теперь. Это... все его вина, у него не было недостатка в советах.

Червен-Водали. Я это знаю, генерал, и не отрицаю этого... теперь мы хотим встать на верный путь, но... это трудно.

Ген. Жанен. Да, если вы принялись бы за это месяц тому назад, вы бы не наткнулись на те трудности, что теперь.

Червен-Водали. Позвольте мне теперь рассмотреть один важный вопрос, который в настоящее время обсуждают господа Высокие комиссары. Мы совершенно не уясняем себе смысл вашего нейтралитета.

Вы как будто не считаете социал-революционеров за большевиков, но мы... не так полагаем. Нам кажется, если вы допускаете, что они не с-р. и не земства, а просто мятежники, то в силу ваших должностей и полномочий вы можете принять деятельное участие в подавлении... Другими словами, мы хотим узнать, может ли правительство рассчитывать на вашу действительную поддержку, чтобы бороться с возмущением.

Ген. Жанен. В какой окружности?

Червен-Водали. От Иркутска до Нижнеудинска, там у нас будет стена, и с тем, что у нас здесь есть, мы могли бы что-нибудь сделать... мы сумели бы развить здесь анти-большевистскую ячейку.

Ген. Жанен. Необходимо иметь точное представление о количестве восставших и о той идее, во имя которой они взялись за оружие. Вы знаете это или нет, что они взяли не красный флаг за свою эмблему. Калашников... кажется

капитан... я его знаю, он был офицером в противобольше-
вистской армии Колчака.

(Высокие комиссары возвращаются в 4 ч. 20 м. — Высокий комиссар Франции Могра читает решение союзных Высоких комиссаров, которые согласны, чтобы Совет министров воспользовался бы прямым проводом (чешским) для переговоров с адмиралом Колчаком).

(Обсуждаются меры, но к результату не приходят).

Червен-Водали. Я благодарю господ Высоких комиссаров союзных держав от имени правительства, и я надеюсь на продолжение обсуждения тех вопросов, которые я желал бы вам предложить... Вот первый вопрос: считает ли союзное командование, что оно вполне уяснило себе характер настоящих мятежнических выступлений?... Если характер их достаточно освещен и если никакое дополнительное объяснение его свойств, на мой взгляд совершенно большевистских, не требуется, то может ли русское правительство рассчитывать на активное участие войск, находящихся в Иркутском округе для подавления выступления.

Ген. Жанен. Перевозка войск из Владивостока уже началась, а кроме того все части проходят на Восток.

Червен-Водали. Да... но еще имеются японские и чехо-словацкие войска, ...я не доказываю вам пользу этого вмешательства, так как я не прошу об этом. Я желал бы только услышать разъяснение, чтобы знать, считается ли настоящее положение вещей возможным для эвакуации и продолжения борьбы. Мне лично кажется, что распространение большевизма сделает дальнейшую работу невозможной. Необходимо пресечь возмущение, иначе, каждый их успех будет иметь влияние в отрицательном отношении за выполнение эвакуации. Если мы будем поддерживаемы союзниками, мы сможем плодотворно начать дело реорганизации, иначе... нам придется прибегнуть к другим источникам, о которых я желал бы поговорить с вами, господа, после произнесения вашего решения, которого я от вас ожидаю.

(Генерал Жанен объявляет, что он только что получил телеграмму из Нижнеудинска и что он дал ее расшифровать).

Червен-Водали. Вчера приехал один генерал из Нижнеудинска; он мне сказал, что чехи подвергли его обыску, чтобы убедиться, нет ли при нем золота. Я прошу вас разрешить тот вопрос, который я вам предложил по

поводу содействия союзных войск, затем, мы перейдем к рассмотрению других вопросов. Они находятся в прямой зависимости от вашего ответа. Вот почему я и прошу вашего решения раньше, чем перейти к другим вопросам.

(Дипломатические делегаты и военные представители союзных держав удаляются на совещание в 4 ч. 45 м. Делегаты возвращаются в зал в 5 ч. (вагон-ресторан). Японский представитель просит сообщить, что союзные представители не имеют возможности дать окончательный ответ на предложенный вопрос).

Червен-Водали. Ваш ответ побуждает меня ознакомить вас с военным положением. Оборона Иркутского округа находится в руках войск достаточно сильных, чтобы удержать фронт на некоторое время. Тем не менее правительство считает что предварительные потери, которые повлекут за собою эти военные действия, не оправдают цели, так как она чисто местная. Наши войска, предоставленные самим себе, недостаточно сильны, чтобы могли мы устроить здесь необходимую базу для дальнейшей борьбы и работы. Таким образом, мы принуждены отказаться от нашей первоначальной мысли, и нам остается только против гг. Высоких комиссаров взять на себя труд посредничества с восставшими и вести переговоры о перемирии. Если вы признаете для себя возможным, мы примем следующие условия:

1) Военные действия между обеими сторонами должны быть немедленно прекращены. Чтобы гарантировать исполнение этого первого пункта, город, станция и предместье Глазково будут заняты войсками союзников.

2) С одной стороны, восставшие войска, с другой — правительственные должны отступить за пределы зоны, занятой союзными войсками, куда обе воюющие стороны не могут проникнуть. Союзники допустят и обеспечат свободный проезд на Восток адмиралу Колчаку, председателю совета Пепеляеву, министру Устругову и другим военным и политическим деятелям, желающим быть эвакуированными, а также военным организациям, желающим проехать в Забайкалье. Будет обеспечена быстрая эвакуация Иркутского гарнизона, который за недостатком подвижного состава отправится форсированным маршем до Байкала, чтобы затем пароходом переправиться до Мысовой. Также будет разрешено правительству, чиновникам правительственных учреждений и их семьям покинуть область. Кроме

того союзное командование обеспечит всему русскому золоту и серебру, находящемуся в пути или в Иркутске, эвакуацию на Восток. Золотой запас, находящийся в поездах, должен считаться принадлежащим Всероссийскому правительству и, следовательно, не может быть передан никакому частному правительству, а только представителю всей страны и все это под охраной междусоюзнических частей и при формальном удостоверении Высоких комиссаров.

Золото, находящееся в Иркутске, будет эвакуировано на Восток, так же как и все местные правительственные организации, следовательно, оно будет в распоряжении этих организаций. Что касается бумажных денег, они также должны быть отправлены на Восток. Возможно будет оставить только некоторую часть новой власти, приблизительно... одну десятую, чтобы иметь для первых надобностей достаточное количество знаков. В данный момент, я не предвижу других условий.

Вопросы о подробностях могут быть разработаны позже.

Во время эвакуации, союзные войска все время будут занимать город, сами же они будут эвакуироваться постепенно, по мере того, как будет учреждена новая власть. Мы не желаем и не можем сами передать нашу правительственную власть, так как считаем себя центральной властью всей России, тогда как здесь составитс только областная организация.

Высокий комиссар Франции Могра. Перемирие, которое вы предлагаете, заключает в себе эвакуацию правительства на Восток? Так ли я вас понял?

Червен-Водали. — Совершенно так. Мы сильно желаем, чтобы гг. Высокие комиссары приняли это решение.

Высокий комиссар Франции Могра. А адмирал Колчак будет считаться обыкновенным частным лицом?

Червен-Водали. Мы известим и будем настаивать на его возможно скорейшем отречении от власти, это будет сделано тотчас же по получении нами шифра... Я еще раз обращаюсь к вам гг. Высокие комиссары, чтоб все, что здесь было мною сказано, считалось бы строжайшим секретом.

Японский представитель Като. Чтобы ответить на все вопросы, сформулированные г. Червен-Водали, я прошу время для размышления.

Червен - Водали. Время дорого, а потому прошу вас о немедленном рассмотрении моих вопросов.

(Высокие комиссары удаляются в 6 ч.

В 7 ч. 43 м. Высокие комиссары возвращаются в зал, предлагая членам русского правительства выслушать прочтение их ответа на просьбу о перемирии).

Высокий комиссар Англии Ходсон. Союзные комиссары предлагают членам русского правительства выслушать их ответ: «союзные комиссары были бы готовы официально предложить услуги для того, чтобы установить отношения между обеими сторонами, и следовательно, прозондировать членов Иркутского политического центра на тот случай, если бы они были готовы начать переговоры с правительством. Союзные представители, однако, считают для себя невозможным распространить свое вмешательство так далеко, а также не могут взять на себя ответственность за исполнение предложенных условий, они должны обсуждаться непосредственно между делегатами обеих сторон».

Червен - Водали. Мне необходимо посоветоваться со своими сослуживцами относительно ответа, который я только что получил. Мы думали... что союзники примут более активное участие в событиях. Нам будет трудно и даже непосильно с одними только нашими силами предпринять что-либо. Мы считаем, что все здесь высказанное может быть осуществлено лишь при действительном сотрудничестве союзников, в особенности все то, что касается золотого запаса и безопасности для некоторых лиц. Относительно золота и адмирала Колчака, насколько я имел честь слышать от вас, приняты меры.

Выс. комиссар Франции Могра. Относительно золотого запаса и адмирала мы уже приняли все меры предосторожности, о чем нами было доведено до сведения вашего правительства.

Червен - Водали. Господа Высокие комиссары. Может быть вы согласитесь с тем, что не достаточно ограничиться одними разговорами? Я еще раз повторяю, мы не перестаем считать, что перемирие или мир может быть заключено только при содействии союзников. Чтобы самим достичь этого, мы будем принуждены продолжать военные действия, чтобы занять стратегический пункт, необходимый для выполнения нами разработанного плана. Я еще раз

обращаюсь к вам, господа Высокие комиссары союзных держав, и прошу вас изменить ваше решение во имя самых высоких и святых идей. Путь, предложенный нами, один только может разрешить задачу, не нарушая интернациональных законов. Я еще прошу вас не переставать интересоваться положением, иначе мы выйдем из него только кровью и ценою жертв, которых сейчас невозможно исчислить. Я прошу вас об этом во имя закона нравственности и человеколюбия.

Ген. Жанен. Господин Червен-Водали просит меня спросить вас, пожелаете ли вы вернуться сюда после обеда. За это время он переговорит со своими сослуживцами.

Представитель Японии Като. Мы можем собраться сюда опять в 9 час.

(Всеми это предложение принимается. Все встают и расходятся, — заседание прерывается.)

В 9 ч. 30 м. все снова собираются в поезде генерала Жанен. Высокие комиссары и союзное командование беседуют отдельно от представителей русского правительства. В 10½ ч. русские делегаты присоединяются к союзникам. Генерал Жанен передает Червен-Водали о новом решении относительно перемирия. То же самое повторяет комиссар Англии Ходсон).

Выс. комиссар Англии Ходсон. Господа, Высокие комиссары союзных вам держав доводят до вашего сведения, что они готовы вывести у Иркутского политического центра их истинные намерения. Если им это удастся, они готовы сделать все возможное, чтобы привести обе враждующие партии к приемлемому соглашению. Должен, однако, добавить, что Высокие комиссары могут лишь поручиться за свое доброе желание и будут счастливы, если этот их поступок может остановить кровопролитие.

Червен-Водали. Благодарю вас за проявление доброй воли. Я бы хотел знать, когда вам будет возможно приступить к зондированию насчет возможности переговоров. Мы бы хотели перемирия на 24 часа, в продолжении которого можно было бы обсудить условие дальнейшего соглашения.

Ген. Жанен. Я знаю одно лицо, оно находится в моем распоряжении, которое возьмется за это сложное поручение.

Червен-Водали. Если возможно это сделать еще сегодня, то тем лучше, военные действия могли бы быть прекращены.

Ген. Жанен. Я полагаю.

(Генерал что-то говорит союзным представителям и выходит из залы в свой кабинет. Возвращаясь через минут 15, он сообщает союзным представителям, что он командировал одного человека с этим ответственным поручением в штаб революционной армии, который находится в двух верстах от вокзала и полагает получить через некоторое время ответ).

Червен-Водали. Я осмеливаюсь вас, генерал, спросить, можем ли мы питать надежду, что этот вопрос будет сегодня вырешен.

Ген. Жанен. Мы можем вас уверить, что мы тотчас же приступим, я командировал свое доверенное лицо в революционный штаб, независимо от позднего вечера, и думаю получить сейчас же ответ. После этого я прошу Высоких комиссаров послать по одному представителю от каждой нации.

Червен-Водали. У нас только одна цель: это остановить кровопролитие, и хотя бы на сутки отсрочить бой.

Выс. комиссар Англии Ходсон. Какое ручательство вы можете дать, что Семенов также примет перемирие?

Червен-Водали. Об этом решении мы известим генерала Скипетрова, командующего присланными сюда войсками.

Выс. комиссар Франции Могра. Необходимо, чтобы эти войска отступили бы до Байкала (обращаясь к Като), это будет доказательством вашего содействия.

Червен-Водали. Мы только можем остановиться на линии, занимаемой нами, и гарантировать, что в продолжении суток ничего не случится с нашей стороны.

Ген. Жанен. Высокие комиссары поручили мне испросить у вас письменную декларацию, свидетельствующую о том, что если солдаты Семенова предпримут что-либо, то это будет против вашего желания и при полном вашем искреннем неведении... (поворачиваясь к японскому представителю Като)... не правда ли? В этой декларации будет упомянуто, что мы начинаем переговоры, в продолжении которых никакие военные действия не должны быть предприняты ни правительственными войсками ни войсками атамана Семенова.

Червен-Водали. Мы тотчас же должны принять необходимые меры, чтобы Скипетров прекратил военные действия и не двинулся бы с занимаемых позиций.

Выс. комиссар Франции Могра. Если бы он мог бы отступить до Михайлово, наша задача была бы значительно облегчена.

Червен-Водали. Я не думаю, что он согласится, он может потребовать того же самого со стороны восставших.

Ген. Жанен. Я лично на это не могу ответить, господа. Высокие комиссары хотели бы только облегчить переговоры, следовательно, эту статью будет трудно применить. Если ее можно применить, то только к войскам Семенова, без взаимности.

Червен-Водали. Допускаю, что можно будет сегодня же ночью уведомить восставших, будем ли мы иметь возможность переправиться на ту сторону реки, чтобы принять надлежащие меры для прекращения враждебных действий.

Ген. Сыровой. Пароходы ходят только днем, так как плавание по Ангаре ночью, вследствие ледохода опасно, пароход слишком маленький, но имеется для сообщения с городом телефон японской миссии.

(Входит курьер и подает генералу Жанен записку).

Ген. Жанен. Я получил сведение, что предложение переговоров о перемирии принято восставшими, если такое предложение последует с нашей стороны.

(Обмен мнений. Решено послать в революционный штаб делегацию, составленную из делегатов: французского, английского, японского и чешского.—Здесь же вырабатывается текст следующего обращения:

„2 января 1920 года в 12 часов ночи междусоюзная делегация прибывает в генеральный штаб Революционной армии, чтобы обратиться к его начальнику капитану Калашникову и довести до его сведения о решении Высоких комиссаров принять на себя посредничество между враждебными сторонами, чтобы остановить кровопролитие и попытаться прийти к соглашению“.

Все встают, начинается общий разговор, междусоюзническая делегация отправляется в полночь на автомобиле в революционный штаб.

Делегация была немедленно принята капитаном Калашниковым, ему был передан текст обращения Высоких комиссаров, на что он заявил следующее в письменной форме:

„Хотя мы и располагаем достаточными силами, чтобы достичь хорошего результата при помощи оружия, я присоединяюсь к предложению господ Высоких комиссаров нам дружеских держав, сделанному предложению во имя человеколюбия, и чтобы оста-

новить кровопролитие в бесполезной борьбе между гражданами одной страны“.

Представители Политического центра, находящиеся в это время в штабе революционных войск, здесь же присоединяются к декларации капитана Калашникова и назначают от себя и штаба трех делегатов, чтобы отправиться в поезд генерала Жанена.

Союзные представители и делегация революционеров прибывают в поезд генерала Жанена в 1 ч. 45 м.

Делегация, войдя в вагон, где находились все высокие комиссары и представители союзного военного командования, обращается с следующей речью к ним).

Тов. предс. Политического центра А х м а т о в (по-французски). Господа Высокие комиссары и господа представители союзных нам войск. Мы прибыли к вам, чтобы подтвердить вам наше согласие о предлагаемом вами перемирии, но, к сожалению, по техническим соображениям, мы не можем взять на себя обязанность заставить прекратить военные действия с нашей стороны раньше 12 часов дня.

Мы согласны начать переговоры с правительством, если им будет дано ручательство, что войска атамана Семенова примут на себя обязанность точно выполнить перемирие, текст которого я имею честь вам прочесть:

«Перемирие на 24 часа заключено между Национально-сибирской революционной армией и правительственными войсками. Перемирие начинается в полдень 3 января с. г. Переговоры относительно дальнейшего соглашения могут начаться с утра, при непременном условии, что войска атамана Семенова не произведут никакого движения за это время перемирия. Правительство берет на себя дать атаману Семенову специальные приказания для соблюдения настоящего договора, как только он будет подтвержден надлежащими подписями обеих сторон».

(Входит депутация Омского правительства, обменивается поклонами, выслушивает вторично текст перемирия, а также вышеприведенную декларацию капитана Калашникова, и здесь же заявляет согласие подписать перемирие. Все подходят к столу и подписывают. От правительства: военный министр генерал Ханжин, председатель Совета министров Червен-Водали, министр путей сообщения Ларионов.

Со стороны Политического центра и революционной армии: товарищ председателя Политического центра Ахматов, представитель земств Ходукин, начальник штаба Революционной армии поручик Зоркин.

Беседуют мелкими группами, уславливаются на переговоры в 1½ дня. Расходятся в 2 ч. 10 м. утра).

ЗАСЕДАНИЕ 3 января 1920 года.

(Делегаты правительства собираются в поезде генерала Жанен, представители Политического центра в поезде Высокого комиссара Англии г. Ходсона, откуда происходит обмен условий и предложений в письменной форме).

Представители Центра составляют условия принятия перемирия:

1) Во время перемирия не должно быть предпринято ни одно военное действие.

2) В настоящее время из Иркутска не могут быть вывезены или эвакуированы имущество и драгоценные предметы правительства.

3) Пароходы, как и всякая другая национальная собственность, которые были увезены куда-либо правительством адмирала Колчака, должны быть возвращены.

4) Войска Семенова должны отступить за пределы Иркутской губернии.

5) Охрана туннелей и путей от Слюдянки до Иркутска будет поручена и немедленно передана войскам Национальной революционной армии.

6) Юнкерские школы и все политические организации, принимавшие участие в бою, будут разоружены.

7) Локомотивы и весь подвижной состав Иркутской железнодорожной сети должны остаться на месте.

8) Адмирал Колчак должен немедленно подать в отставку.

9) Совет министров должен подать в отставку.

10) Атаман Семенов должен отказаться от всех должностей, которые ему были пожалованы адмиралом Колчаком.

11) Политические личности, которые виноваты в настоящей гражданской войне, должны быть переданы новому правительству.

12) Все виновные лица должны быть преданы суду.

(П о д п и с и)

Товарищ председателя Политического центра А х м а т о в.
Председатель земств Х о д у к и н.

Начальник главного штаба Национальной революционной армии, поручик З о р к и н.

(Отправляется в пакете правительственной делегации в поезде генерала Жанена).

Правительственная делегация дает следующий письменный ответ.

1) Необходимые ручательства по поводу выполнения перемирия уже сделаны правительством и необходимые меры приняты военными властями.

2) Насколько нам известно, большая часть находящихся в Иркутске ценностей, еще не была эвакуирована. Ценности, находящиеся в этом городе, будут предметом справедливого распределения между различными правительственными учреждениями.

3) Этот вопрос должен быть разрешен. С нашего ведома имущество или собственность государства эвакуировано не было. Распределение этого имущества должно быть произведено таким образом, чтобы удовлетворить потребностям государства и округа.

4) Войска Семенова будут удалены тотчас же, как только получится гарантия по поводу эвакуации солдат на восток. Офицеры и чиновники желают покинуть Иркутскую губернию.

5) Охрана туннелей, как это было предусмотрено решением Высоких комиссаров, доверено согласно русскому правительству междусоюзному командованию. Мы просим не возражать против этого решения.

6) После эвакуации, лица, желающие остаться в Иркутске, могут быть разоружены. Желающие покинуть этот город, будут иметь право отправиться на восток при оружии. Будет дана гарантия в том, что лица, желающие ехать на восток, не употребят свое оружие против враждебной партии.

7) Подвижной состав с Томской жел. дор., находящийся в Иркутске, сохранен и выдан под расписку новому правительству в том состоянии, в котором он находился в начале выступления.

8) Этот пункт уже исполнен, так как правительство телеграфировало особенно адмиралу, чтобы он подал в отставку.

9) Этот вопрос рассматривается, и Совет министров подаст в отставку до своего отъезда из Иркутска и как только будут разработаны образцы, по которым будет образовано местное или областное правительство, тогда будут переданы должности и с этого времени и все обязанности переходят к новой власти. В самом Иркутске, на время эвакуации, власть может быть вручена союзному командованию, которое примет на себя охрану города и станции.

10) Польза, которую может доставить отставка генерала Семенова для Восточной и Забайкальской области, а также и для Иркутска, должна быть доказана. Правительство с своей стороны сомневается в пользе этой меры.

11 и 12) Правительство всегда пыталось найти мирный исход, конфликт же всецело приписывается восставшим, так как они первые открыли огонь. Ответственность таким образом не падает на правительство, и оно просит враждебную партию отказаться от пунктов 11 и 12-го.

(Подписи)

Председатель Совета министров Червен-Водали.

Министр путей сообщения Ларионов.

Военный министр генерал Ханжин.

(В запечатанном пакете отсылается в поезд английского Высокого комиссара.

По получении от правительства ответа на свои условия перемирия, делегаты Революционной армии и Политического центра составили следующую ноту:)

Ответы, данные правительством на 12 пунктов наших условий перемирия, производят впечатление полного отсутствия искренности. Кажется, будто правительство желает выиграть время, чтобы восстановить свои силы и мобилизовать их в Забайкалье с тем, чтобы продолжить гражданскую войну, от которой уже достаточно страдала страна. Согласно условиям, которые нам предложены, вновь установленная власть с самого начала была бы под угрозой от власти, находящейся в Забайкалье. Не имея достаточно смелости, чтобы с пользой провести задачу демократической реорганизации, которую власть хочет предпринять, эвакуация частей Сибирской армии открыла бы совершенно свободный доступ в страну советским войскам. К тому же, образование нового государства в Забайкалье заставило бы новое правительство капитулировать перед большевизмом.

Эти ответы ни в каком случае не могут удовлетворить делегатов Политического центра.

(Подпись) А х м а т о в.

(Посылается в поезд генерала Жанена в пакете).

Делегация правительства, получив ноту, раньше чем согласиться на отречение своей власти без всяких условий или нарушить перемирие, сочла необходимым еще раз обратиться к враждебной партии, предложив им в письменной форме следующие вопросы:

1) От чьего имени говорят делегаты, ручается ли какая-либо власть за те обязательства, которые они берут на себя и на каком протяжении территории?

2) Если соглашение состоится, то как оно будет применено для Нижнеудинской области и далее?

3) Главнейшей заботой правительства является сохранение связи с отступающей армией и обеспечение ее эвакуации.

4) Имеется ли в распоряжении местной власти или новой власти какое-либо средство для осуществления этих двух вопросов? Кроме того, правительство просит точно определить пункты 11 и 12 и в дополнение добавляет три выше упомянутых пункта, которые служат выражением его главнейших желаний.

5) Перемирие должно быть продолжено до достижения полного соглашения.

6) Как только соглашение будет установлено, враждебные действия в области Иркутска и на протяжении всей железнодорожной линии должны окончательно прекратиться. Кроме того должно быть дано ручательство о свободном проезде адмирала Колчака, председателя Совета министров Пепеляева, министра путей сообщений Устругова и других лиц из военных и гражданских учреждений, а также военных и гражданских учреждений, а также военных организаций, желающих проехать в Забайкалье. В особенности должна быть гарантирована возможно быстрая эвакуация Иркутскому гарнизону, т. е. кроме войск должны быть эвакуированы военные и гражданские должностные лица, а также их семейства.

(Подписи):

Управляющий министерством путей сообщения

Ларионов.

Председатель военного министерства генерал Багин.

(Посылается в запечатанном пакете в поезд английского Высокого комиссара 1. Ходсона).

Делегаты Политического центра и Революционной армии отвечают в письменной форме.

1) и 2) Делегаты говорят от имени Политического центра, объединяющего все организации сибирского характера:

Политическое управление земств, Центральный объединенный комитет сибирских крестьян, Областной комитет партии С.-Р., Управление сибирских организаций работников социалдемократической партии. Кроме всего этого Политический центр опирается на кооперативы.

Различные организации, представителем которых является Политический центр, сообщают ему общий, а не местный характер. Все протяжение железнодорожной линии, занятой восставшими, подчинено Политическому центру, который имеет там своих представителей. Местность к западу от Тулуна также находится под непосредственным влиянием Политического центра, где находится член Политического центра Енисейской губернии Евгений Колосов. Правительство, учрежденное Политическим центром, берет на себя все обязательства и заботы относительно отступающей армии. Что касается пунктов 11 и 12, представители Политического центра и представители революционной армии должны настаивать на получении гарантии, что ответственные лица, находящиеся в Иркутской губернии и на западе, не откажутся предстать перед следственной комиссией и трибуналом, которые установят степень виновности каждого в отношении настоящей гражданской войны.

(Подписи): А х м а т о в, Х о д у к и н, пор. З о р к и н.

(Нота отсылается в поезд генерала Жанена.

После этого обмена нот по взаимному согласию решено собраться делегатам обеих партий в поезде Высокого комиссара Англии Ходсона в 9¹/₂ ч. вечера).

(Заседание открывается в 9 ч. 40 м.).

Присутствующие: со стороны правительства: министр Ларионов, генерал Вагин, от Политического центра и Революционной армии: Ахматов, Ходукин, поручик Зоркин, полковник Красильников, все Высокие комиссары, представители союзных наций и войск.

Высокий комиссар Англии г. Ходсон (по-русски). Милостивые государи. Мы счастливы видеть вас собравшимися, и мы надеемся, что это собрание сгладит неуспех сегодняшнего дня и приведет к почетному соглашению обеих сторон. Сегодняшний день был тяжелый день. Я полагаю, что если будет существовать искреннее желание положить конец этому кровопролитию с обеих сторон, выход должен и будет вами найден. Я думаю, господа, лучший исход будет, — немедленно приступить к делу.

Министр Ларионов. Я благодарю вас, господин Высокий комиссар Англии. Пытаясь помочь нам выйти из этого трудного положения, вы этим привлекаете себе благодарность всего русского народа. Я надеюсь... я надеюсь, что наши общие усилия увенчаются успехом.

Г. Ахматов. Мы с удовольствием убеждаемся в усилиях союзников, желающих всеми силами положить предел кровавой бойне, театром для которой служит Сибирь. Мы надеемся, что сегодняшнее заседание, которое нас соединяет в присутствии союзников, будет иметь больше искренности и честности, чем переговоры сегодняшнего дня.

Высокий комиссар Англии Ходсон. Господа делегаты. От имени всех нас я благодарю вас за сказанные вами слова. Я желаю вам успеха и повторяю вам, что союзные дипломаты и военное командование прилагают всевозможные усилия для достижения соглашения между вами, что положит конец кровопролитию.

Министр Ларионов. Мы сейчас же должны приступить к рассмотрению этих деликатных вопросов. (Обращаясь к Ахматову) Фраза, которую вы только, что употребили, относительно честности и искренности дебатов... меня хватает за сердце. Мне кажется... что в этом случае должно царствовать взаимное доверие. Я не дипломат, и мне больно видеть, что наши усилия тщетны. Мое единственное желание... это прийти к результату. Все же раньше, чем продолжать, я бы хотел знать, с кем имею честь говорить. Я министр путей сообщения Ларионов, а вот генерал Вагин, представитель от военного министерства. Мы бы желали знать ваши имена и ваше звание.

Г. Ахматов. Моя фамилия Ахматов, товарищ председателя Политического центра, вот представитель земств —

Ходукин, Иваницкий - Василенко, член Учредительного собрания, поручик Зоркин — начальник главного штаба Национальной революционной армии, полковник Красильяков — командующий дивизией.

Министр Ларионов. Так как время дорого, то позвольте нам тотчас же перейти к рассмотрению различных пунктов. Мне кажется, что мы не пришли к соглашению из-за недоразумения, которое легко уничтожить. Говоря откровенно, я вам повторяю, что я не дипломат и надо спешить, чтобы не рассеять по ветру те усилия, которые начаты для осуществления лучшего будущего и для того, чтобы сэкономить кровь наших солдат. Я вам сообщил, что относительно перемирия мы с нашей стороны приняли все надлежащие меры, чтобы обеспечить строгое выполнение. Когда мы узнали ваши условия при перерыве враждебных действий, мы тотчас же передали все необходимые приказания... Все это сделано, но... с другой стороны, я не могу точно вам сказать, что происходит на каждом секторе.

Пор. Зоркин. Сегодня в 7 час. вечера, можно было видеть пароход, который направился из Иркутска на другой берег под прикрытием пушек из блиндированного поезда Семенова. Что он вез? — Мы этого не знаем. Может быть он перевозил золото из государственного банка или продовольствие или военное снабжение для поездов Семенова. Я бы хотел получить от вас некоторое разъяснение на счет рейсов этого парохода.

Ларионов. Я полагаю, что он служил для перевозки семейств или раненых, я не могу вам точно ответить, так как в первый раз о нем слышу.

Ген. Вагин. Вчера я узнал, что должны перевозить раненых, возможно, что речь идет об этом.

Ларионов. Я могу вас уверить, что он ничего подозрительного не перевозил.

Г. Ходукин. Маневрирования этого парохода мне кажутся тем более странными, что мы уже научены горьким опытом. Когда мы несколько времени тому назад начали переговоры с Червен-Водали, мы уже были обмануты, тогда как мы честно выполняли наши обязательства. Генерал Сычев секретно перевозил гранаты и пулеметы к тому дому, где мы находились.

Ген. Вагин. Лично я ничего не могу сказать вам по этому поводу, меня не было, и я совершенно не знаком с подробностями этого дела.

Г. Ларионов. Мы употребим все усилия, чтобы получить все необходимые сведения относительно парохода. Я имею все основания полагать, что не произошло ничего незаконного, т. е. не произошло никакого нарушения перемирия.

Иваницкий-Василенко. Ввиду того, что дело происходит с этой стороны реки, мы можем послать одного из наших представителей в сопровождении вашего, чтобы получить сведения на месте. Несмотря на все наше желание говорить откровенно и искренно, все же надо быть осторожным, и по опыту прошлого доверия у нас не может быть.

Г. Ларионов. Я ничего не имею против вашего предложения.

Выс. комиссар Англии Ходсон. Господа, ввиду позднего времени, я предлагаю разъяснить это дело завтра утром и перейти к обсуждению вопросов.

Ахматов. Позвольте мне заявить от имени всех нас, что мы придерживаемся всего того, что уже было сказано, мы не прервем переговоров, чтобы приступить к проверке.

Ларионов. Хорошо — будем продолжать. Я еще раз остановлюсь на подозрениях, которые вы высказываете по поводу нашей якобы неискренности. Я убежден, что вы напрасно обвиняете г. Червен-Водали. Он ничего бесчестного не сделал. Мое мнение лучше не говорить об этом... эта тема не входит в мирные переговоры.

Ходукин. Я могу вас уверить, что это так.

Ген. Жанен. Если это и возможно, все же перейдем к рассмотрению предложенных вопросов. Перемирие длится лишь до полудня, необходимо немного поспешить, господа, с работой... если мы не достигнем результатов сегодня вечером, будет трудно продолжить перемирие.

Г. Ларионов. Я благодарю генерала за это замечание, оно совершенно справедливо. Перейдем к рассмотрению 2-го пункта, касательно эвакуации движимых ценностей, находящихся в Иркутске. Я составил с генералом Вагиным лишь схему ответов. Имеется ли, господа, у вас доказательства того, что имущество национальной собственности эвакуировано из Иркутска?

Ахматов. Вы сами доказываете это вашим ответом, уверяя что общей эвакуации не было. Значит была частичная эвакуация?

Ларионов. Что касается, например, главным образом, бумажных денег, то это не эвакуация, а перемещение ценностей для удовлетворения технических надобностей... плата рабочим, заказы, сделанные для армии и т. д... Я получил телеграммы, где меня настоятельно просят перевести ценности, чтобы заплатить людям. Это было сделано на виду перед чешскими войсками, которые оказали нам свое содействие в производстве уплаты в Черемхово и других местностях.

Ахматов. Вы утверждаете, что эвакуация ценностей из Иркутска на восток не происходила?

Ларионов. Насколько мне известно — нет.

Ахматов. Нам необходимо иметь категорическое ваше заявление.

Ларионов. Мы производили перевозку ценностей, как я вам уже сказал, для удовлетворения технических надобностей. Насколько мне известно, никакой общей эвакуации не было.

Ахматов. Мы можем это занести в протокол.

Ларионов. Как министр путей сообщения, я не знаю многих финансовых вопросов, но этот вопрос во всяком случае дебатировался бы в Совете министров. Из этого я могу заключить, что общей эвакуации не было. Тем не менее возможно, что министр финансов взял на себя распоряжение по этому делу.

Ходукин. Могло ли это произойти без вашего ведома?

Ларионов. Если только министр финансов взялся это решить самостоятельно, то я мог и не знать об этом. Вот почему я могу вам только изложить здесь свой вывод.

Ходукин. Мы ничего не утверждаем, мы просим только сведений. Мы хотим знать, вывезли вы окружным или прямым путем ценности на Восток, если да, то где они находятся и каково их количество?

Ген. Жанен. Я могу заявить, что я и союзные Высокие комиссары знают по поводу золотого запаса. Часть его находится на пути в Иркутск. Страх перед возможностью его исчезновения заставил нас дать приказ чехам охранять три поезда с золотом и привести их сюда под союзными

флагами. Впрочем, это уже раньше было предложено адмиралу Колчаку. Я в настоящее время знаю, что один поезд находится недалеко от Нижнеудинска. Я также узнал, хотя и это не было проверено, что несколько вагонов с серебром стоят на ст. Иркутск. Я приказал отыскать их и поместить их под ту же охрану. Это будет сделано в присутствии всех союзников и при содействии русских властей.

И в а н и ц к и й - В а с и л е н к о. Существует, кажется, еще один поезд с золотом, отправленный на Восток несколько месяцев тому назад.

Японский представитель К а т о. Я могу сказать по этому поводу, что соглашение о займе произошло между Россией и Японией. Это золото было послано в виде гарантии. Оно находится в Чите, где его задержал генерал Семенов.

Г. А х м а т о в. Могу ли я узнать, под чьей охраной находится золото, оставленное в Чите?

Японский представитель К а т о. Генерал Семенов нашел, что охрана, конвоировавшая это золото, была слишком малочисленна. Считая, что опасно отпустить его дальше, он остановил его и велел отвести его в Государственный банк.

Г. А х м а т о в. Значит золото находится в Чите под охраной Семенова?

Японский представитель К а т о. Я полагаю так, в Чите у генерала Семенова достаточно сил, чтобы охранять Государственный банк (смеется).

Г. А х м а т о в. Россия несколько раз сделала большие займы у союзников. Ей придется ответить на все эти обязательства. Я так понимаю, что союзники обеспечивают охрану этого золота для сохранения гарантии.

Ген. Ж а н е н. Союзники взяли на себя инициативу охраны, не столько как для гарантии займов, сколько для предотвращения их расточения.

Г. А х м а т о в. Насколько мы можем судить, как русские граждане, мы заинтересованы в том, чтобы все запасы золота были бы помещены в одинаковых условиях. Почему же существует различная система охраны?

Ген. Ж а н е н. Я могу вам ответить, насколько я был сам поставлен в известность. Со времени первого займа Омское правительство предварительно вынуло из омского запаса золота некоторое количество для своих надобностей

и отослало его в разных направлениях, подробности мне неизвестны. Что же касается остального и самого большого количества, мы следовали вблизи от него при последних днях Омска. Я жажду видеть его здесь, зная, что оно в пути. Я приказал привести его сюда как можно скорее. Полковник Джонсон может сказать, если память мне не изменяет. Мы считаем нашим долгом спасти золото. Были попытки захватить его, но чехи получили приказание обыскивать подозрительных лиц.

Японский представитель Като. Я могу сказать, что золото, посланное на Восток, должно было служить гарантией не для одной Японии, но и для всех союзников.

Ген. Жанен. Эта часть золотого запаса представляет собою довольно слабое количество, по крайней мере, если рассматривать с точки зрения государства.

Г. Ларионов. Это вас, господа, удовлетворяет?

Г. Ходукин. Главный вопрос, который привел нас сюда это — передача власти. Мы думаем, что все ценности, принадлежащие государству, должны быть возвращены демократической власти, которая здесь организуется. Мы себе не можем объяснить, что в ваших ответах на наши условия вы называете справедливым распределением ценностей. Все, что находится в вашей власти, или во власти Семенова, и все, что вне контроля союзников, должно быть целиком возвращено государству без всякого справедливого распределения, как вы изволили выразиться. Согласно сказанному генералом Жаненом, мы знаем, что судьба золотого запаса должна быть решена на съезде русских представителей по наступлении тишины.

Ген. Жанен. Мы берем на себя сберечь лишь его, привести его сюда, поместить его в надежное место.

Г. Ахматов. Во всяком случае, союзные представители находят ли в настоящее время удобный момент для распределения его?

Ген. Жанен. Я не знаю, нужно ли его распределять, я повторяю, что мы хотим его привести сюда и поместить в надежное место. Я только говорю о запасах золота и серебра и ничего не знаю относительно других ценностей.

Г. Ларионов. Распределение, о котором мы говорим, касается лишь бумажных денег, и я советовал дать по части каждой правительственной и социальной организации,

смотря по ее надобностям, железной дороге, интендантствам, заказ для армии, жалованье служащим и т. д. Что касается пункта третьего, то я не понял, что вы говорите относительно золотого запаса. То, о чем говорил генерал Жанен относительно золота, было сделано с нашего согласия. В отношении других ценностей, ими можно располагать только по выслушании мнений лиц компетентных. Вагон, задержанный генералом Семеновым, был послан на Восток, как заявил вам об этом японский представитель, в виду того, что правительству было необходимо приобрести иностранную валюту. Впрочем, этого золота имеется в очень незначительном количестве, не более двух тысяч пудов или 32.000 кило.

Ген. Жанен. Изучение этих вопросов можно предложить комиссии. Я вам сказал все, что мне известно. Это было сделано искренно для блага народа и России. Все количество золота будет вручено полностью съезду русских представителей. Полагаете ли вы, что возможно все доверить комиссии?

Иваницкий-Василенко. Мы затронули эти вопросы в принципе, чтобы уходящая власть передала бы все права и ценности, бывшие под ее охраной, новой учреждающейся власти. Что же касается комиссии, то мы признаем ее необходимой. Заем, о котором идут переговоры с Японией, еще, насколько мне известно, не заключен окончательно. Таким образом, это золото должно вернуться к новому правительству и послужить для обеспечения обязательств, заключенных старым правительством, и дать возможность заключить новые. Во всяком случае, переговоры о займе, происходящие в настоящее время между старым правительством и Японией, должны быть немедленно аннулированы.

Мин. Ларионов. Это золото должно послужить для уплаты операций, произведенных раньше.

Г. Ходукин. Это решение нас не удовлетворяет, так как новая власть, берущая на себя бремя управлять разоренной страной, будет действовать самостоятельно, а не по предписанию и желанию несостоятельной бывшей власти, но перейдем, тем не менее, к рассмотрению следующих пунктов.

Мин. Ларионов. Мы остановились на пункте четвертом. В моем ответе я сказал, что нам необходимо ручатель-

ство относительно эвакуации лиц и войск, желающих проехать на Восток. Я полагаю, что принужденная задержка лиц, не желающих остаться здесь, не может иметь места. Такой способ невыпуска может лишь иметь место у большевиков.

Г. А х м а т о в. Мы считаем, что эвакуация армии на Восток означает оставление всей территории к Западу от Байкала в пользу большевиков, тогда как адмирал Колчак нам заявляет, что борьба должна продолжаться. Вы нам говорите об эвакуации до Иркутска... это равносильно уничтожению фронта, который еще... худо ли... хорошо ли... но держится. Мы предполагаем здесь образовать буферное государство и демократическое правительство не покидает мысль о борьбе с большевизмом. Вы же, как это явствует из слов вами сказанных, наоборот, пытаетесь помочь его распространению.

Г. В а с и л е н к о. Ваше предложение эвакуировать армию не приемлемо потому, что власть, которая отрешается от своих прав, передает всегда весь аппарат, которым она располагала. Должностные лица и офицеры не распускаются, вследствие перемены правительства. Нам кажется, что ни один офицер ни солдат не освобождены от своих обязанностей по отношению государства.

Ген. В а г и н. Слишком печальные вещи приходится рассматривать русскому сердцу. Наша армия охраняется польским и чешским арьергардом... это тяжело сказать, но это так. Правда... назревают события, которые могут привести к необходимости формирования новой армии. Это формирование возможно только современем, и имея перед собою пространство. Это мое мнение, и вот почему, мы и просим перемещения остатков прежней армии на Восток. Те, которые пожелают, могут остаться, но кадры должны быть эвакуированы.

Г. Х о д у к и н. Вы правы относительно кадров и их перемещения для нового формирования. Но странно то, что каждому представляется выбирать... Если новое правительство считает нужным формировать новую армию на фронте, это его дело, ему и следует разрешить этот вопрос. Конечно, многие офицеры и солдаты находятся сейчас в тяжелом положении... но чья же это вина? В первый раз представители общества получают сообщение о делах фронта... без

прикрас... и это... в такой тяжелый час. Раньше же читали только бюллетени о победах, фабрикуемые генералами Дидерикс, Лохвицким, Сахаровым и т. п.

Ген. Вагин (резко). Это дух вашей партии заставляет вас говорить так.

Г. Ходукин. Я вам уже сказал, что Политический центр не есть исключительно представитель какой-либо одной партии, он исходит прямо от народа и профессиональных организаций, находящихся вне политических партий. Вы также знаете, что Политический центр опирается на кооперативы, которые также много пострадали от старого режима. Если у вас есть время говорить о борьбе партий, то мы, чтобы не терять времени, скажем вкратце: вы говорите, как представители касты... вы предлагаете нам эвакуировать офицеров и должностных лиц, но надо сказать откровенно, они привели к тому печальному концу, что народ их ненавидит.

Ахматов. Мы уже знали, что фронта более не существует. Очевидно, из этого факта вы и исходите и приходите к заключению о формировании вновь армии... через пространства. Мы великолепно понимаем, что у Колчака других средств не было и нет. Для нас же дело другое. Мы можем если не переделать армию, то по крайней мере, не принимать неприятельскую армию... Мы достигнем этого, создав здесь новый правительственный орган, совершенно демократический. Те, которые держатся Советской России и находятся там... боятся монархии. Антибольшевистские массы скорее склонны оставаться пассивными. Если нам удастся сообщить русскому крестьянину и солдату в советских войсках о том, что мы делаем на территории, не занятой ими..., если они узнают, что мы даем народу истинную демократическую власть, к чему мы стремимся, и их победоносное наступление перейдет в колебание и замешательство.

Ген. Вагин. Я не вижу все таки, почему бы они стали колебаться?

Ахматов. Может быть, сами большевики и не будут колебаться, но мы ожидаем проявления замешательства в народных массах, которые поддерживали большевизм тем или иным способом, на самом деле не будучи большевиками, но боясь большевизма справа, одинаково горького по своим

последствиям, что доказала нам настоящая власть. Как только состоится принятие власти, Политический центр намеревается передать ее Национальному правительству, состоящему из шести членов от земств и двенадцати других членов, принадлежащих к различным социальным и профессиональным организациям. Таким образом, верховный правительственный орган будет состоять из самых разнообразных элементов, представляющих собою различные слои общества.

Мин. Л а р и о н о в. Тем не менее я считаю, что всякая реорганизация, военная или техническая, невозможна по причинам, сказанным генералом Вагиным. Можете ли вы доказать что то, что вы хотите сделать, не откроет дорогу большевизму? Все эти выступления, устроенные без предупреждения, значительно ослабляют нашу армию, остатки которой, брошенные на... [подавление] мятежей, очень нуждаются в помощи и руководстве. У нас есть свои причины опасаться, чтобы движение, которое вы направяете, не стало бы, я еще раз это повторяю, переходом к большевизму. Дайте же нам возможность спасти армию. Мы отделены от нее, у нее нет никакой поддержки. Если вы говорите, что целью вашего правительства является еще сопротивление, то спасите армию. Вот наше желание..., а не бросить ее на съедение большевикам. Вы говорите, что мы хотим оставить дорогу свободной для триумфального шествия... это заблуждение. Вот почему я и прошу для тех, которые этого хотят, свободного проезда на Дальний Восток. Вы льстите себя надеждой заинтересовать их вашим движением, но они устали. Если они захотят и останутся, то они будут работать с нами. Вы говорите далее, что мы хотим учредить на востоке государство, чтобы бороться против вас. У нас нет этого намерения, но... если на нас изменнически нападут, мы будем защищаться. Я полагаю, что действия и мысли Омского правительства были достаточно обезславлены вами. История скажет, что нельзя обвинять отдельных личностей. То, что сделали некоторые по неведению или неспособности, не может упасть на всех. Что касается восточного вопроса, то если бы вы знали, что пережило Омское правительство..., если бы вы прониклись всем тем, что оно искренно пыталось сделать, могу вас уверить, вы бы так не говорили. Вы знаете сами, что мы несколько

раз пытались обменяться мнениями с обществом. Мы также, по крайней мере последнее время, готовили прогрессивную передачу власти демократии. Когда вспыхнуло восстание, мы сначала не посмотрели на него серьезно, мы только хотели спасти армию и организовать власть... И так мы попытались действовать мирным путем. Не будучи в состоянии передать власть людям, которые с первых же шагов стали отрицать все то, что мы сделали, мы были вынуждены тоже взяться за оружие. Ваше обвинение несправедливо, когда вы уверяете, что против вас объединяются реакционные элементы, сообщники старого режима. Нужно, чтобы все забыли о старом режиме, он исчез безвозвратно... навсегда, культурные народы должны управлять собою и перестраиваться сами. Даже если бы Семенов хотел бы сделать то, в чем вы его обвиняете, некоторые лица, имеющие на него влияние, не позволили бы ему этого. Я повторяю, что необходимо эвакуировать все, что может подвергнуться большевистскому удару. Никакой нормальный труд не может быть обеспечен, если восстание будет господствовать в стране... Поэтому нам кажется, что сначала следует подумать о том, чтобы установить власть, которой не нужно будет постоянно заниматься подавлением восстаний, затем... надо будет дать еще существующим организациям возможность отступить, хотя бы говоря, о должностных лицах и их семьях. Нельзя же отрицать... что они имеют право искать себе убежище в другом месте, а не здесь.

Г. Ходукин. Что касается выступления, то нельзя нас упрекнуть в том, что мы никого не предупредили. Когда Пепеляеву было предложено сформировать кабинет, он нам предложил войти в него. Я ему тогда заявил, что политика правительства не может быть спасена всякими увертками, и, если нам не разрешат следовать по пути, начертанному нами, мы не остановимся ни перед чем, даже перед революцией. Из этого ясно... и значит предварительное уведомление было. Вы говорите, что правительство пытается употребить меры к примирению... это можно говорить другим, но не нам... это напрасный труд. Чтобы привести вам пример, я вам напомню, что только в тот день, когда гром революции раздался у ваших дверей... вы... испуганные дали нам уверение, что не будет назначенных членов при избрании в Государственный совет.

Мин. Ларионов. Мы в действительности готовились исполнить ваше желание... Это не был предлог... чтобы взяться за оружие.

Ген. Жанен. Извиняюсь... позвольте вас, господа, прервать на минутку... я полагаю, что вы уже несколько осветили положение, однако, вы остановились лишь на пункте 4, необходимо рассмотреть еще остальные.

Г. Василенко. Я полагаю, что для того, чтобы произвести серьезную работу, надо оставить в стороне критику Омского правительства... нам необходимо разрешить задачи на практике. Мы предлагаем вам сложить с себя власть, нам только и надо это рассматривать.

Пор. Зоркин. В начале этих дебатов был поставлен принцип — говорить искренно. Я на это согласен. Министр Ларионов говорит, что Колчак любит народ, но мы его гоже любим... мы сами исходим из народа... мы и находимся здесь, чтобы говорить о нем. Когда мы предлагаем прямо и просто отдать власть, вы противитесь. Агенты Колчака уже готовились к отпору... не будем же говорить о любви к народу. Мы понимаем, что означает эвакуация в Забайкалье. Генерал Вагин сам сказал, что это перемещение позволит попытаться что-либо сделать. Результаты этой попытки — «сделать что-нибудь» не будут отличаться от тех, которые получены до сих пор. Семенов не может преодолеть большевизма, даже местного. Я много раз проезжал Забайкальскую область, я могу только сказать, что все попытки его способствовали лишь к увеличению числа недовольных. У меня много примеров, и мне кажется, что кто читает газеты, тот это знает тоже. Колчак не переделает армию, его система исключает возможность говорить с душою народа и работать сообща с ним. Эвакуация, на которой вы настаиваете, подтверждает [то], что мы знаем: в Забайкалье хотят объединить войска и затем их пошлют против народа, против демократии.

Г. Ахматов. В борьбе против большевизма, не нужно... и смешно... ждать появления какого-либо чуда. Никто не может отрицать, что большевики умеют действовать и достигать цели. После двух лет революции, демократия имеет право взять инициативу в свои руки, видя полное банкротство и несостоятельность людей... мы это и делаем. Мы хотим привлечь симпатию масс, обеих сторон фронта.

применив к исполнению два принципа: 1) Переход к чисто демократической конституции. 2) Дать всем возможность передохнуть для преобразования армии и страны. Между временем мы предпримем мирные переговоры с Советской Россией, и солдаты будут знать, что перед нами та демократия, против которой им нет смысла воевать. Войска, взявшие Омск, составлены из уральских и пермских крестьян, которые были вами обмануты. Они, однако, не большевики, и, зная, что мы либералы и что колчаковский царизм больше не существует, они начнут колебаться, их дух ослабеет, нам будет время вздохнуть. Вам, может быть, кажется это высокой фантазией, и вы предпочитаете ехать к Семенову, к тому, которого еще так недавно вы несправедливо всей душой и [за] все время [деятельности] Омского правительства подготавливали планы его покорить. Вот уже год, как он царствует в Забайкалье, но он только развивает большевизм, Я вам приведу лишь один пример, но очень яркий — большевистская банда прибывает в деревню. Семенов посылает карательный отряд. Большевики бегут, ни один крестьянин их не преследует. Отряд поселяется в деревне на некоторое время, все жители подвергаются контрибуции, наказаниям нагайками, палками, их порют, расстреливают, их имущество разграбляется, и люди Семенова оставляют деревню с чувством исполненного долга. Начальство шлет вымышленные доклады, Семенов раздает повышения в чинах и знаки отличия. Большевики возвращаются, их встречают с радостью, им дают жилище, их кормят, но в скором времени они должны вновь уехать, и на этот раз шестьдесят крестьян добровольно покидают свое имущество и своих жен, чтобы присоединиться к ним, зная, что этим хоть сохранят они свою жизнь.

Если таков ваш метод, то вам потребуется много времени, чтобы победить большевизм. Вы слышали о приказе Семёнова, где говорится о наказаниях, которые должны быть применимы к железнодорожным служащим? Думаете ли вы, что так можно поступать? Ваш план отойти за Байкал, — безрассуден. Солдаты, которых вы туда пошлете, воспользуются первым случаем, чтобы перейти в наши ряды. Чем больше вы их нам пошлете, тем сильнее мы будем. Чем дальше вы отойдете за Байкал, тем сильнее и могущественнее там будет большевизм. Мы же должны иметь время для

передышки, позвольте нам употребить это любимое слово... выражение Ленина... надо показать здешним массам и тем, которые находятся под большевистским знаменем — действительно свободную и демократическую организацию. Нашими действиями внутри страны, а не высшей стратегией, мы захватим силы у неприятеля.

Ген. Вагин. Вам потребуется много времени.

Г. Ахматов. Меньше, чем для вас, чтобы окопаться в Забайкалье.

Мин. Ларионов. Перейдем к пункту 5.

Г. Ахматов. Лучше перейдем к пункту 8, он представляет непосредственный интерес.

Ген. Жанен. По поводу пункта 5, я могу сказать, т. е. напомнить вам, что в феврале прошлого года произошло междусоюзное соглашение с русским правительством относительно Сибирской магистрали. Союзники взяли на себя снабжение технических нужд, а охрана дороги была поручена чехам, полякам и т. д. Они ее охраняют еще и до Слюдянки. Этим способом мы приходим лишь на помощь общим интересам.

Г. Ходукин. С вашего разрешения, генерал... этот вопрос можно будет дебатировать, как только новое правительство войдет в непосредственные сношения с союзниками.

Ген. Жанен. Конечно... в настоящее время же, вы хорошо это понимаете, что чешские войска хотят по возможности вскоре вернуться к себе домой. Их главная забота — это хорошее движение и состояние железнодорожного пути. Настроение среди солдат весьма приподнятое... лишь домой и домой...

Мин. Ларионов. Перейдем к пункту 8. Как я уже сказал вам, этот пункт получил удовлетворение. Мы послали телеграмму адмиралу Колчаку с просьбой подать в отставку.

Ген. Жанен. Может быть можно будет запросить... была ли она получена?

Г. Ахматов. Когда мы можем иметь на нее ответ?

Ген. Жанен. Завтра я запрошу Нижнеудинск, что там известно относительно адмирала?

Мин. Ларионов. Рассмотрим пункт 9, мы думаем, что подача в отставку Совета министров произойдет тотчас же после выполнения пункта 8 и после учреждения власти.

Г. А х м а т о в. Политический центр это — боевая организация, она перестанет существовать и уступит место национальному представительству, как только ее задача выступления будет закончена.

Мин. Л а р и о н о в. Уверены ли вы в том, что все местности к западу от Иркутска подчинятся вашей власти?

Г. А х м а т о в. В Красноярске, в самом важном центре после Иркутска, имеется член Политического центра, мы считаем вопрос с этой стороны решенным. Мы желаем только осуществить желание народа.

Мин. Л а р и о н о в. Согласно тому, что я... знаю, в Красноярске власть передана уездным земствам, все прошло без инцидентов.

Г. А х м а т о в. Мы хотим сделать то же самое во всех областях Сибири. Земства и городские думы должны взять на себя власть.

Ген. Ва г и н (иронически и раздраженно). В общем... это только один разговор. У вас нет... документальных данных (бормочет про себя) большевики... гомеопатия...

(Его прерывает мин. Ларионов).

Мин. Л а р и о н о в. Полагаете ли вы, что ваша власть распространяется на Восток?

Г. А х м а т о в. Там также составились демократические ячейки... (Вагин про себя: да... большевики...), которые присоединяются к нашему движению... (Вагин про себя: просто расстрелять бы их, умнее было бы... разговоры эти...) (общее движение, все передергиваются, генерал Жанен поглядывает на часы)... Я невольно замечаю, что вы возвращаетесь к уже обсужденному вопросу. У вас одна мысль, чтобы устроиться в Забайкалье, и вы считаете эту область принадлежащею вам, это совершенно логично... тем не менее, позвольте вам заметить, что если вы передаете власть, вы обязаны по закону передать все территории. Следовательно... нам необходимо спросить вас, имеете ли вы еще какой-либо авторитет над властителями Забайкалья?

Мин. Л а р и о н о в (смущенно, но сейчас же оправляется. Вагин выражает беспокойство). Именно потому, что мы заботимся о полной передаче... мы и хотим знать... согласится ли народ за вами следовать?

Г. А х м а т о в. Конечно.

Ген. Ж а н е н (смотрит на часы). Я призываю внимание на поздний час и на необходимость продолжить перемирие.

Г. Х о д у к и н. Надо признать, что ни один из предложенных нами пунктов не получил удовлетворения... Мы не находим возможным продолжать переговоры, раз правительство не принимает наши условия

Мин. Л а р и о н о в. Следует продолжить перемирие, хотя бы... еще на один день. Завтра мы можем собраться в городе со всем Советом министров, чтобы окончательно покончить с этим вопросом. Мы даем ручательство за полнейшую неприкосновенность всех присутствующих, и мы просим господ Высоких комиссаров и представителей союзного военного командования прибыть также.

Г. А х м а т о в. Мы можем согласиться на это собрание только в том случае, если нам будет дано право убедиться, что наши противники не воспользуются этой новой отсрочкой для перегрузки подкрепления в город и на линию?

Мин. Л а р и о н о в. Как вы осуществите этот контроль?

Г. А х м а т о в. Можно будет условиться, придется добавить еще два пункта к тексту перемирия. Все средства сообщения в продолжение этого периода... или времени, должны приостановиться, за исключением сообщений для Красного креста.

Мин. Л а р и о н о в. В принципе я ничего не имею против этого контроля, только мне непонятно, как вы его будете производить. Может быть союзное главнокомандование возьмет на себя наблюдение за подозрительными зонами?

Ген. Ж а н е н. Я не вижу, что здесь может сделать союзное командование. Если мои офицеры увидят поезд, перегозящий подкрепления, то что они могут сделать? Надо, чтобы кто-нибудь был бы уполномочен воспротивиться всякому нарушению перемирия.

Пор. З о р к и н. Нам, генерал, достаточно... знать... как наши противники исполняют условия, под которыми они подписались

Г. Х о д у к и н. Мне кажется, что нет надобности вновь обращаться к содействию союзников, мы их благодарим за все то, что они уже сделали. Мы сами можем расста-

речь часовых для контроля и наблюдения за путями доступа.

Ген. Вагин. Я согласен в принципе, но тем не менее нахожу, что это очень трудно осуществить на практике. Как вы расставите ваших часовых для наблюдения?

Пор. Зоркин (иронически). Поставьте в известность различные секторы об этом новом условии.

Ген. Вагин. Необходимо уведомить генерала Скипетрова... мы ему подчинены (весьма смущенно).

Ген. Жанен (раздраженно). Как это так?.. Вы правительство или нет?

Г. Ахматов. Напрасно дальше обсуждать, я не знал, что правительство находится в руках Скипетрова... наше пребывание становится здесь излишним.

(Общее движение, союзники раздражены, о чем-то шепчутся, правительство смущено. Политический центр иронически посмеивается. Ларионов прерывает...).

Мин. Ларионов. Мы полны добрыми желаниями, но мы хотим рассмотреть средства для осуществления вашей просьбы... Невольно мы наталкиваемся на большие технические затруднения.

Ген. Вагин. Самое лучшее было бы обратиться к чешскому коменданту станции, ему не так трудно было бы поставить в известность генерала Скипетрова от нашего имени о состоявшемся соглашении на продолжение перемирия.

Г. Ахматов. Мы должны посоветоваться со своими товарищами из Политического центра, перемирие не может быть так просто продолжено... после заявленного генералом Вагиным. Оно продлится до полудня завтрашнего дня... этого достаточно.

Мин. Ларионов (вид испуганный). Я обращаюсь к вам с просьбой, чтобы избежать возобновления борьбы, вы могли бы производить ваш контроль при посредстве чешского коменданта.

Ген. Вагин

(Желая показать свой авторитет, лишь чтобы что-нибудь сказать).

С моей стороны я не нахожу здесь никакого препятствия.

(Все иронически усмеваются)

Г. А х м а т о в. Мы посоветуемся с нашими другими коллегами, и мы дадим вам ответ. В крайности мы предложим вам отсрочку на 12 часов. Но мы должны ускориться заранее на счет главного пункта, которого коснется завтрашнее обсуждение — это будет о передаче власти.

Мин. Л а р и о н о в. Я предлагаю перевести завтрашние переговоры в Совет министров.

Г. А х м а т о в. Мы бы также с нашей стороны желали бы, чтобы собрание состоялось у нас... но лучше... будет избрать нейтральное место.

Ген. Ж а н е н. Сколько там будет присутствующих?

Мин. Л а р и о н о в (думая, после паузы). Что касается нас... человек десять... да, десять.

Г. А х м а т о в. Количество нам затруднительно определить, мы должны снестись со всеми членами Политического центра, находящимися в Иркутске... но наш представитель прибудет в 10 ч. утра с ответом на просьбу о продолжении перемирия.

(Все поднимаются, заседание закрывается. Высокие комиссары обмениваются впечатлениями в особенности относительно генерала Вагина. Делегаты правительства и Политического центра раскланиваются, прощаются с союзниками, извиняются за причиненное беспокойство и удаляются).

4 января 1920 г. является курьер от Политического центра, объявляющего о согласии продолжить перемирие на 12 часов. Немедленно извещается чешский комендант станции с просьбой о передаче настоящего постановления генералу Скипетрову. Одновременно курьер, прибывший в поезд генерала Жанена, просит известить правительство о назначении заседания в 3 часа дня в парадных комнатах вокзала Иркутск.

3 ч. 30 м. приезжают представители Политического центра, члены правительства отсутствуют, общее негодование...

5 час. союзники предлагают, не дожидаясь более правительства, открыть заседание.

Приходят все Высокие комиссары, представители союзных наций и представители союзного командования.

ЗАСЕДАНИЕ 4 января 1920 года в 5 час. дня.

И в а н и ц к и й-В а с и л е н к о. Раньше чем приступить к другому вопросу, я должен от имени Политического центра поблагодарить господ Высоких комиссаров и командование за помощь, которую они нам оказали в нашем трудном положении. Народ и русская демократия чувствуют себя так

тесно связанными с союзной демократией, что мы просим господ Высоких комиссаров ответить нам на те вопросы, которые мы хотим им предложить.

Мы знаем, что борьба, которую мы ведем в настоящее время против реакции, интересует весь мир, и, чтобы не идти далеко, я буду говорить о смысле нынешнего движения.

Я должен сказать, что движение это происхождения совершенно демократического, управление народа народом, вот база нашей идеи, однако, это исключает всякую идею большевизма, и, вместе с тем, мы не желаем реакции и ее образа действий.

Говоря о наших стремлениях, мы должны также упомянуть о всех совокупных средствах, которыми мы надеемся их осуществить. Я должен сознаться, что предпринимаемая нами задача — основать в Сибири демократический строй, исходящий из революции, но отвергающий большевизм — очень трудна. Задача эта, однако, облегчается тем фактом, что мы знаем те чувства, которые заставляют сражаться большевистских солдат. Мы знаем, что они устали и дисциплина, которой они подчиняются, происходит только из чувства страха перед монархией, которая подстерегает крушение советской армии, чтобы вновь овладеть прежней Россией.

Гражданская война имеет другие принципы, чем стратегия. Политические идеи, которые распространяются партией, могут сильно повлиять на противника и наш успех уже будет очень велик, если нам удастся дать этой области действительно независимую и демократическую форму правления.

Сибирь страна сельского хозяйства, она не может поддаться большевизму, большевизм же проистекает от произвольного авторитета власти и его полицейской грубости. Политический центр решил применить революцию для того, чтобы попытаться объединить все еще существующие элементы.

Мы достаточно сильны, чтобы отбросить реакцию, но мы беспокоимся за то, что может произойти извне. Вот почему мы обращаемся к вам, господа Высокие комиссары, и надеемся, что вы дадите нам искренний ответ, обращаясь не только к нам, но ко всему народу в стране и армии, которые спрашивают вас, не окажет ли союзное вмешательство

в виде союзных войск помощь для спасения умирающего правительства?

Высокий комиссар Франции М о г р а. Я могу ответить от имени иностранных представителей, что иностранные войска сохраняют полнейший нейтралитет и не вмешаются в борьбу Политического центра против настоящего правительства.

И в а н и ц к и й-В а с и л е н к о. Декларация эта, господа Высокие комиссары, принята всеми ли союзными представителями? (посматривая в сторону японского представителя).

(Все дают свое подтверждение).

А х м а т о в. Позвольте мне в двух словах выразить глубокую благодарность и признательность Политического центра господам Высоким комиссарам и союзному командованию за их благоволение в пользу освободительного движения. Мы также хотели бы знать ваше мнение о наших замыслах о будущей реорганизации. Наши условия клонятся к объединению всех маленьких демократических правительств, которые образовались вокруг Советской России. Я знаю, что это очень деликатный вопрос, на который, быть может, вам теперь трудно ответить, тем не менее, нам хотелось бы очень знать, как союзники смотрят на наше движение?

(Высокие комиссары совещаются по-английски).

Высокий комиссар Франции М о г р а. Мы не имеем специальных инструкций по этому поводу, я могу лишь сказать и поделиться с вами нашим личным мнением. Основываясь на том, чего до сих пор желали наши правительства, мы держимся принципа невмешательства и смотрим с большой благосклонностью на все попытки, совершенные для образования государства на демократических началах. Без сомнения русский народ должен сам избрать подходящую ему форму правления.

Г. А х м а т о в. Я бы очень просил вас придать этому ответу более точную форму и перевести его по-русски моим коллегам.

(Переводит Высокий комиссар Англии г. Ходсон).

Высокий комиссар Франции М о г р а. Первое желание союзников — предоставить русскому народу право избрать

образ правления, второе же... образование такого демократического правительства, которое бы усилило борьбу против большевизма. На такое образование союзные государства всегда будут смотреть с большой благосклонностью... Это может теперь... считаться окончательным ответом, что же касается остального, то мы обязаны запросить инструкций наших правительств.

И в а н и ц к и й - В а с и л е н к о. Отражение, которое наше движение может иметь на политику ваших правительств, нас интересует в высшей степени. Передача власти демократии... уже вопрос нескольких часов... будет ли это сделано добровольно или силою оружия, но... это произойдет. Вот почему... с первых же шагов нам приходится обращать особое внимание на вопросы, которые нам придется разрешать, приняв власть. Я позволю себе напомнить о заявлении, сделанном вчера правительством Колчака относительно перемещения сил в Забайкалье... это заставило нас понять их намерения образовать новое государство и новую армию против демократии. Ясно, что они хотят поместить нас между большевиками и Байкалом, отрезав нам все сообщения с союзниками и Востоком. По этому поводу нам важно узнать, кому будет доверена охрана туннелей... вчера генерал заявил... что он обеспечивает эту охрану временно, но что же будет дальше? Мы бы хотели, чтобы эта охрана была передана ныне образуемому правительству. Если оставить охрану прежнему правительству, то это будет равносильно подвергнуть Западную Сибирь риску быть отрезанной от цивилизованного мира.

Г е н. Ж а н е н. Со своей стороны я могу дать только частичный ответ... до Слюдянки туннели теперь охраняются чехами, состоящими под моим командованием. Войска постепенно эвакуируются на восток и железная дорога должна охраняться вплоть до их отъезда, а это составляет несколько месяцев. Кроме того... этот вопрос должен быть разрешен сообща с японским командованием и со всеми союзниками. Потребуется несколько месяцев, чтобы различные эшелоны доехали бы до Мысовой. В продолжении этого времени туннели будут охраняться чехами, чтобы не произошло никакого несчастного случая.

После этого срока, как я уже сказал вчера, необходимо,

чтобы правительство условилось бы с союзниками относительно передачи охраны. Вам придется войти в соглашение с союзным командованием и принять меры к выполнению охраны. Я могу добавить, что японские войска будут охранять туннели с тем же старанием, как и другие союзные войска.

Г. Василенко. Оставим теперь в стороне самолюбие России, которое видит, что иностранцы охраняют ее богатства. Для нас важно установить теперь же, будет ли судьба туннелей, охраняемых в настоящее время союзниками, и позже решена ими же?

Ген. Жанен. Первый вопрос был решен междусоюзным техническим советом, на котором присутствовали русские представители и которые просили этой охраны. Таким же образом произойдет и отмена этого решения, это же и касается всякого другого вмешательства в железнодорожные дела России. Что касается Байкальских туннелей, то мы еще в октябре сообщили Омскому правительству, что державы согласия, желая постепенно отозвать свои войска, будут сокращать по мере успеха эвакуации протяжение участков, охрана которых им была вручена... Возможно, что Омское правительство не обратило должного внимания на это сообщение. В результате придется, очевидно, поговорить по этому поводу. В сентябре еще я просил русское правительство принять меры, имея в виду, что такое заявление держав последует. Мы вас предупредим точно также.

Г. Василенко. Вы можете, надеюсь, понять, генерал, что это нас интересует в высшей степени... не то, что мы боимся сил... мы знаем, как дерутся войска Семенова, но мы опасаемся повреждений путей бандами, производящими опустошающие набеги на все области.

Г. Ахматов (посматривая на часы). Я себе позволяю привлечь внимание господ Высоких комиссаров на упорное отсутствие членов правительства... Это наводит на подозрение относительно соблюдения условия перемирия.

(Все союзные представители смотрят на часы и качают головою, некоторые подергивают плечами, японский представитель молчит, лицо принимает презрительный вид и слегка улыбается... в эту минуту прибывает какой-то казачий офицер, входит в зал заседания, снимает папаху).

Казацкий офицер. Я представитель казачьих войск... я пользуюсь этим случаем, чтобы довести до сведения господ представителей Политического центра, что у меня есть бумага, уполномочивающая меня (вытаскивая ее из кармана) начать переговоры с вами. Иркутские войска, все время имеющие в виду борьбу с большевизмом, были искусственным образом вовлечены к употреблению оружия против земств. Желая покончить возможно скорее эту борьбу, изменнически замышленную правительством, мы решили, что сегодня в 12 часов ночи, каково бы ни было принято решение, протрубить сбор всех наших частей и объявить, что мы не желаем больше принимать участие в борьбе. К тому же... мы еще ставим в известность Политический центр о следующем: настоящая борьба больше продолжаться не может, продолжение ее только разеивает большевизм и возбуждает страсти. На фронте в Канске у нас есть полк, который мы желаем эвакуировать и поставить в безопасное место. Для этого мы обращаемся к Политическому центру, которому к тому же объявляем, что мы не потерпим никакого вмешательства в наши внутренние дела, решаемые выборными депутатами, избираемыми среди казачьих войск и казачьего народа. Я вам говорю это с согласия казачьего круга.

(Последние слова произвели ошеломляющее впечатление на всех присутствовавших... некоторое молчание... Казачий офицер стоит на месте, ожидая ответа и желая подать свое вверительное письмо... никто не берет его... г. Ахматов прерывает молчание).

Г. А х м а т о в. От имени Политического центра я прошу вас передать казачьим войскам и народу, что мы благодарим их за то... что они поняли... свое место. По отношению к ним мы исполним обязательства, которые мы на себя приняли. Они не будут преследуемы, так как они были искусственно вовлечены в борьбу. Мы ручаемся, что оставим неприкосновенный образ демократического исторического казачьего правления, который казаки установили у себя уже так давно.

Высокий комиссар Англии г. Х о д с о н (посматривая на часы, казак повертывается и уходит из залы). Уже 6 часов и раньше чем уйти, Высокие комиссары поручили мне прочесть вам союзную декларацию, принятую еще в июне месяце относительно России. Союзные страны считают, что

наступил момент, чтобы ясно определить политику, которой они хотят держаться по отношению к России. Самое важное правило, которого придерживаются союзники — это невмешательство во внутренние дела этой страны. Их вмешательство было сделано только для того, чтобы помочь элементам, желавшим продолжать борьбу с Германией и чтобы воспрепятствовать большевикам раздавить чехов. Как только собралась мирная конференция, она призывала различные русские правительства к объединению, надеясь таким образом привести их к соглашению и к соединению всех партий старого режима. Это предложение было сделано... (читает междусоюзническую декларацию относительно России).

(6 ч. 12 м. приезд членов правительства.

Члены правительства входят в залу, кланяются—извиняясь за опоздание, говоря, что ввиду сильного тумана и бури, которая идет в настоящее время по Ангаре, переправа весьма опасна, и пароход отказался их срочно ко времени переправить на эту сторону. Члены правительства садятся за стол).

Ген. Жа н е н. Высокие комиссары просят передать вам, господа, что их присутствие здесь служит доказательством их желаний и усилий сделать все возможное, чтобы мирный исход положил бы конец этой бесцельной борьбе, которая лишь истощает последние силы русского народа. Они умоляют вас в продолжение предстоящих переговоров отложить в сторону всякое личное чувство и руководствоваться только одним желанием помочь вашей бедной, несчастной и разоренной стране. Высокие комиссары оставляют вас одних для обсуждения и возвращаются к себе. Если бы их присутствие понадобилось вам, они прибудут вновь. Для связи я оставляю здесь одного из моих офицеров с его помощниками.

Мин. Червен-Водали. Я благодарю господ Высоких комиссаров и союзное командование за все сказанное. Вы можете быть убеждены, что с обеих сторон не будет оставлено место для личных чувств. Мы только будем вдохновлять друг друга, чтобы руководствоваться интересами страны. Я так, по крайней мере, думаю за свою группу и... я полагаю, что эти господа также разделят мои мысли. Я могу вас уверить, что мы сумеем найти путь к соглашению, отвечающий исключительно интересам страны.

Иваницкий-Василенко. Не говоря предварительно о результатах, я могу заявить... что касается нас, то мы сделаем все возможное, чтобы найти мирный выход и остановить борьбу. Господа Высокие комиссары могли уже убедиться на предыдущих заседаниях в усилиях, которые мы предпринимаем в этом направлении.

(6 ч. 23 м. Высокие комиссары и союзное командование покидают зал заседания, кланяясь всем присутствующим.

Делегаты обеих враждебных партий обмениваются своими полномочиями.

От правительства присутствуют: председатель Совета министров Червен-Водали, министр путей сообщений Ларионов, министр финансов Бурышкин, министр народного просвещения Паличев, военный министр генерал Ханжин.

От Политического центра: товарищ председателя Политического центра Ахматов, представитель земств Ходукин, член Учредительного собрания Иваницкий-Василенко, поручик Зоркин, начальник главного штаба Рев. войск).

Г. А х м а т о в. Сегодняшнее заседание начинается с большим запаздыванием, перемирие близится к концу, и... в виду того, что мы вчера обсудили политическую сторону всех вопросов, мы можем сегодня строго ограничиться практическим решением и привести нашу работу к двум пунктам:

1) Акт отречения адмирала Колчака и отставка министров.

2) Передача власти Политическому центру.

Я должен вам, господа, заявить, что Политический центр решил ни в коем случае сегодня после 12 часов ночи [не] продолжать перемирие и приказ Политического центра последовал военному командованию о возобновлении военных действий, если от нас не поступит другой приказ до 11½ часов.

Мин. Червен-Водали. Позвольте мне спросить по поводу первого пункта. Распространится ли ваша власть на всю Россию или она будет только в Сибири. Мне кажется, что она скорее местная, в виду своего примитивного характера. Разрешив этот вопрос, мы легче можем приступить к другим. Мы совершенно согласны с вами относительно адмирала Колчака, и... мы считаем, что... созданное им правительство не может быть восстановлено... тем не менее... идея общей власти должна быть сохранена. Колчак должен

сойти со сцены и одновременно с ним совет министров. Он же передаст вам свою власть. Оставляя в стороне общую русскую власть, Омское правительство, передавая все свои права с точки зрения Сибири... настоятельно желало бы, чтобы власть на всю Россию была бы передана единственному представителю русского объединения — генералу Деникину. Я уже говорил об этом с моими коллегами, у нас не было достаточно времени в нашем распоряжении для осуществления этого желания. Мне кажется, что и теперь... это очень важно, чтобы не забылась и теперь мысль об единой России. Мы полагаем, что Политический центр не таит в своих намерениях никакой идеи сепаратизма и что отделение Сибири лишь временное явление...

Г. А х м а т о в. Мысль о передаче власти, которая была в руках адмирала, генералу Деникину должна быть в настоящее время оставлена. От адмирала до сих пор не имеется известий. Насколько доходят сюда сведения с юга, участь Сибири постигает и территорию южного правительства Деникина. Можно со спокойной душой сказать, что происходит самоликвидация всероссийского правительства, основанного адмиралом Колчаком и только, так как союзники это правительство всероссийским не признавали. Мне кажется, правительство без территории в гражданской войне не есть правительство. Этого... господа... не следует забывать. Образуя Сибирское правительство мы не покидаем мысли об единой России, но у нас совершенно иные способы осуществить это, чем у вас. Мы желаем произвести объединение всех демократических ячеек, которые составились вокруг советской власти. Они приобретут власть и примут все вместе взятые единую Россию. Отставка Колчака должна быть полная и совершенная, его министры также должны отказаться от власти в Сибирском правительстве.

Мин. Червен-Водали. Я понял, что власть Омского правительства должна быть вам передана в смысле власти всей России. Что касается Деникина, то не годится отклонять разрешение этого вопроса, он, позвольте знать... занимает слишком большое прогяжение территории и совершенно очевидно... что наша отставка не может означать его подчинение вам... Лучше было бы не затрагивать этого вопроса...

Иваницкий-Василенко. Вы понимаете идею власти... лишь согласно вашим интересам. Передача ваших полномочий дает нам возможность — как и вам это казалось в свое время, подчинить себе все русские территории, не взирая на их отдаленность и протяжение. Может быть в настоящее время, мы и не представители единой власти, но она не может быть передана адмиралом Колчаком никому. Он отрешается без всякой формы и мер. Его заставляют отрешиться. Разговор был бы другой, месяц тому назад... Мы не признаем за ним право сделать это иначе... Истинная власть, которая будет править всей Россией, образуется через процесс кристаллизации элементов, которые в настоящее время находятся на пути к формированию. Деникин не имеет права претендовать на наследство, которое к тому же... господа... не существует.

Червен-Водали. Мы допускаем, что в течение известного периода не будет существовать никакого коллективного представительства от всей России. Каждый съезд решит свои интересы отдельно. До сих пор правительство адмирала Колчака пыталось быть пред всем миром представителем всех русских территорий, но вы... как вижу... не находите нужным признавать этого. Мне кажется, что Россия в своем целом представляет интерес, которым не следует пренебрегать с интернациональной точки зрения. Также нельзя оставить страну на неопределенный период без национального представительства. Эта политика ведет к исторической ошибке... мне кажется, что этот вопрос достоин рассмотрения.

Г. А х м а т о в. Национальное представительство Колчака равносильно обыкновенной декларации... это... притворство...

Вся серия указов и манифестов (кто-то вполголоса: какие там серии?.. — пуды), которые были изданы в продолжении года, не могли способствовать к присоединению к себе всех маленьких правительств (кто-то вполголоса: потому что это была лишь бумага), некогда принадлежащих России, которые теперь поступают как независимые страны... Эстляндия, Литва, Украина и т. д... Мы желаем уничтожить это притворство, которое вредит процессу формирования страны. К маленьким государствам, живущим теперь независимо, присоединится постепенно и Сибирская

республика... она войдет с ними, так сказать... в общее... согласует свои и их усилия, и, постепенно, мы придем к практическому разрешению задачи об единой России. Нам кажется, что это абсолютно необходимо, ликвидировать весь вымысел... Колчак — Деникин. Если Колчак слагает с себя власть, то почему Деникин должен облечься в его настолько неудачный парадный костюм.

И в а н и ц к и й - В а с и л е н к о. Перейдемте ко второму пункту, относительно передачи власти, это может быть решено немедленно.

М и н. Ч е р в е н - В о д а л и. Я полагал бы, что надо искать среднего решения, то, что вы говорите, это — синоним ультиматума. Совет министров не имеет намерения удерживать власть, в этом нет никакого сомнения. Лично я... уделяю тому большое значение, что вы называете притворством... Был момент, когда это притворство или вымысел, как это вы изволите называть... приобрели вид действительности. Надо констатировать, что с интернациональной точки зрения нельзя оставить вопрос, не попытавшись, по крайней мере, его разрешить. Вы мне уже сказали, что Сибирь может быть лишь областью большой державы.

И в а н и ц к и й - В а с и л е н к о. Единство России не может быть совершено через декреты, этого не нужно забывать... но лишь таким путем, как я уже указал: через прогрессивное накопление всех отдельных областей. Деникин, который не может даже прийти к соглашению с Украиной, менее, чем кто другой, пригоден к работе объединения. Можете ли вы нам доказать, что Колчак был хоть на минуту представителем национального общества. Если нет, то и ни в коем случае Деникин не может претендовать на наследство. Самодержавие... еще раз проявило свои пороки и свою неспособность. Россия образуется, опять-таки, не через декрет, а через народную волю.

М и н. Ч е р в е н - В о д а л и. То, что вы говорите, вызывает лишь прения... но напрасно терять на это время... я вижу только один исход, оставить все обсуждения и приступить к вопросу о ликвидации власти, отложив в сторону мысль об общем представительстве и передаче власти Деникину. Мы ограничимся только тем, что нас интересует, т. е. Сибирью.

Мин. Б у р ы ш к и н. Все, что здесь было сказано, меня очень взволновало... если мы здесь не можем стовориться, то как в будущем придут к соглашению представители наций. Мы должны признать, что мы не хозяева всего того, что делается... мы не знаем, что произошло под другими широтами... и не следует усложнять вопрос решением того, что происходит там. Я бы лишь хотел взвесить последствия того, что будет совершено, и чтобы вы решили, должен ли акт отречения быть самостоятельным или же содержать дополнительные пункты.

Г. А х м а т о в. Это отречение должно быть сделано в очень простой и ясной форме и должно быть указано, какое правительство заступает место.

Мин. Б у р ы ш к и н. Что касается вообще Сибири, я это допускаю, что же касается всей России — это разница.

Мин. Ч е р в е н - В о д а л и. Мы не получили никакого ответа от адмирала, но вопрос об отречении в принципе решен, и министры отрешаются от власти не только Сибирского правительства, но и вообще русского... Относительно передачи власти Политическому центру, мы можем рассмотреть только факт и сказать, что, с исчезновением настоящей власти, формирующая власть принимает на себя управление автоматически. Однако, мы можем передать только то, что имеем сами. Нам невозможно сказать, что этот акт передачи включает в себе достоверным образом Забайкалье и Дальний Восток. Дать другое... сверх того, что мы имеем действительно... значило бы впасть в притворство. Совет министров не может взять на себя никакого решения, ни распоряжения относительно Забайкалья. Было бы справедливее обсудить вопрос о прекращении власти, а не об ее передаче. Впоследствии события сами разрешат все остальное.

Г. А х м а т о в. Это странно... до сих пор ваш авторитет распространялся на все территории Восточной Сибири, в виду того, что они находились под верховной властью Колчака. В вашей манере действовать, должен сказать... большая доза хитрости. До сих пор вы представляли из себя власть, не только Сибирскую, но и Всероссийскую. Впрочем, вы потеряете ту и другую, как только состоится передача, и вы должны передать нам ваш авторитет всецело и без умолчания. Этот отказ передать нам власть пол-

ностью поставит всю часть к западу от Иркутска в весьма тяжелое положение по отношению к Советской России. Мы не считаем положение таким безнадежным, как смотрите вы на него. Вы не только должны отрешиться от власти, но и всецело передать нам все ее права. Вы это знаете, я вам уже делал по этому поводу специальную декларацию, что Политический центр не берет на себя власть, чтобы ее бесконечно хранить в своих руках. Мы только посредники и уступим свое место политическому правлению, составленному из представителей думы.

(Ходукин встает и покидает зал).

Мин. Б у р ы ш к и н. В действительности, наша власть распространялась не только на Сибирь, но и вообще на Россию, однако, надо согласиться, что недавно состоялась перемена на востоке. Все это надо хорошо взвесить раньше, чем принять решение. Последствия событий и, как вы это говорите, накопление различных частей России естественно определяют зону для распространения вашего авторитета. Я не сомневаюсь, что процесс политического переустройства, который произойдет от вашего движения, окажет влияние на будущее всей Сибири, но, как вы правильно заметили, нельзя дать государству однородность одними декретами, точно также нельзя передать то, что не существует... иначе можно рисковать впасть в притворство. Таким образом, не будет никакой перемены, но... мы считаем необходимо поступать правдиво, — это в интересах того, что вы собираетесь предпринять. Вы должны обеспечить себя хотя бы в вопросе продовольствия соглашением с сибирским востоком и все равно, — с каким правительством, которое там находится, и только таким образом, добываясь среднего решения вопроса, вы сможете получить удовлетворение.

И в а н и ц к и й-В а с и л е н к о. Усилие, которое мы делаем, и время, которое мы теряем, доказывают, что мы пытаемся разрешить эти вопросы. Видно власть не может быть нам передана во всем сибирском масштабе... Итак... на каком же протяжении распространяется ваша власть... или только... что ли... на несколько улиц по соседству с отелем «Модерн»? Когда вы вступили в переговоры с земствами, вы рассуждали, говорите вы, об эволюции власти. Вы тогда не верили в приближение революции. Мне

кажется, что передача не должна произойти насильственным образом... как вам выставить... она должна быть следствием заранее установленных поступков, это имеет интерес с интернациональной точки зрения. Если мы исключим некоторые территории, то мы должны сказать, что новая власть не будет там иметь никакого права. Передача может состояться только полностью. Мы смотрим совсем другими глазами на Забайкалье, чем вы. Мы знаем чувства народа по отношению к Семенову.

Мин. Бурышкин. Мне тем не менее кажется, что для вас будет лучше прийти к соглашению относительно этого пункта. Мы не можем пренебрегать тем, что существует, а новая власть будет иметь надлежащее ведение, чтобы объявить себя по всей Сибири. Мы не можем сейчас поставить в счет все обстоятельства и будущие события, которые, как вы надеетесь, будут вам благоприятствовать. В интересах народа не поднимать новые распри внутри страны. Чем менее мы будем углубляться в наше расхождение во взглядах, тем лучше это будет... ни наша ни ваша воля не могут удержать то, что подготавливает будущее.

Червен-Водали. Настаивать на передаче в той форме, которую вы требуете, значит идти против некоторых принципов. В настоящее время вы владеете некоторым протяжением территории, но есть другие, которые вы не можете себе подчинить силою оружия и которые не были опрошены. Это — Дальний Восток и Забайкалье. Вы же хотите, чтобы мы вам передали эти местности, но... это против принципов самой же демократии. Было бы все иначе, если бы главные правительства земств были бы объединены. Их характер национального представительства дал бы возможность ликвидировать просто и ясно настоящую власть. На самом же деле... все происходит иначе: группы, которые вас поддерживают, находятся в вашей непосредственной окружности... и это окружность — ваше влияние. Для остального созовите возможно скорее сибирское представительное собрание и до его созыва вы будете управлять областями, которые вам непосредственно подчинены. Возможно, что главные правительства земств вас примут. Почему же вы хотите, чтобы мы, уходящие, располагали бы страной, волю которой не знаем. Если бы ваш переворот произошел

бы в Чите, это было бы другое дело, но, избрав Иркутск, вы только ускорили разрыв, который уже отделял Восточную Сибирь от нас.

Г. А х м а т о в. Политический центр, состоящий из четырех групп, имеет своих представителей, приехавших из тех областей, которых полицейская сила удерживает вне нашей власти. Вы не можете воспрепятствовать, чтобы здесь присутствовавшие представители земств не работали бы для местностей, откуда они прибыли. В политическом управлении, которое будет составлено тотчас же по принятии власти Политическим центром, находятся представители преждеупомянутых областей... Итак, господа, здесь не может быть вопроса о захвате, как это произошло в Забайкалье, где власть была захвачена у земств. Политический центр совершенно не хочет себе присвоить тот авторитет, который вы удерживаете. Он передает его строго определенному представительству... то есть... Сибирскому национальному собранию, составленному из представителей сел, городов и казаков... Хотя и имея представителей во всех местностях, Политический центр рассматривает себя как представительство временное, которое возьмет на себя все, что лежало на вас... Чтобы проявить нашу добрую волю, я согласен на передачу власти временному сибирскому совету, указывая в акте передачи, что он обязуется в самом непродолжительном времени созвать представителей всей Сибири. Это... я полагаю... будет совершенно согласно существующей нашей декларации и вместе с тем, устранив все ваши и наши возражения по поводу захвата власти на территориях, не подчиненных по вашим словам, нашему авторитету.

Мин. П а л и ч е в. Мы именно и говорили, что власть должна быть передана национальному представительству, до созыва которого вы можете проявить ее полностью. Предположим... что вы... не будете иметь возможность собрать представителей всей Сибири и это надо предвидеть... Вы не можете сейчас же управлять областями, покорность которых еще проблематична.

Г. А х м а т о в. Кто будет исполнять власть в то время... которое пройдет до созыва Национального собрания?.. Мне желательно иметь на это ваш ответ.

Мин. П а л и ч е в. Ваш Политический центр или форма правления, которая будет вами организована и которая вызовет Национальное собрание.

И в а н и ц к и й - В а с и л е н к о. Вы не можете сказать, что вы передаете власть политической группе, не опирающейся на народный авторитет. Если мы на время еще разьединены с народом, то мои товарищи и я... мы все же его представители. Мы признаем права народа на всеобщее голосование... и вы должны принять во внимание, что Политический центр имеет своих представителей от земств в Забайкалье, которые в настоящее время преследуются Семеновым.

Мин. П а л и ч е в. Какой авторитет примет ваша власть от факта нашего отречения?

И в а н и ц к и й - В а с и л е н к о. Это не прибавит ей никакого авторитета... мы начали переговоры с целью приостановить кровопролитие.

Мин. Б у р ы ш к и н. Конечно, надо сделать все, чтобы прекратить гражданскую войну, она может быть иначе кошмарна по своим последствиям. Но мы также должны найти путь, облегчающей будущее России... это наш долг пока мы вместе... вот почему, вопрос о передаче всех территорий не может обсуждаться... и вы таким образом, можете получить только то, что дают вам обстоятельства... Лучше... господа, прийти к обоюдному соглашению.

Мин. Ч е р в е н - В о д а л и. Вся общая власть... и Сибирская... и Всероссийская... прекращают свое существование. Колчак и его министры отрешаются от власти... однако, они никому не могут передать господство над местностями, не находящимися под их влиянием. Я испытал это сам лично, приняв власть во время разрухи и всеобщей разоренности. Говоря откровенно, как только я вам вручу власть, я буду самый счастливый человек, однако, вы должны понимать, что мы не можем действовать против интересов некоторых классов общества. В вашем Политическом центре — одни социалисты, тогда как есть и другие общественные группы. Например, вчера у меня была целая депутация с объявлением, что она не может примкнуть к социалистической партии и к тому возглавляемому вами движению. Мы ничего не можем вам пе-

редать... вы смеялись над нами по поводу Забайкалья... вы не подозреваете, как метко вы попадаете... Восток в действительности... от нас ускользнул. Было бы логичнее сказать, что мы перестаем существовать... прибавив, что в теории власть должна быть передана Сибирскому национальному собранию, которое определит ее будущую форму.

И в а н и ц к и й - В а с и л е н к о. ... Я это понимаю, что относительно передачи власти... вы хотите передать ее органу, который вам кажется лучше всего приспособлен для ее отправления. Одним словом, вы хотите передать власть Сибирскому национальному собранию, которое и определит ее будущую форму и до созыва которого правительство будет в руках Политического центра.

Г. А х м а т о в. По этому поводу мы можем принять решение, которое мы формулируем таким образом: «Власть передается Национальному собранию, которое будет создано Политическим центром или правительственным органом, созданным этим последним и берущим на себя власть до созыва собрания». — Это можно принять при условии, что некоторые другие пункты получают удовлетворение. Самое главное... это отдать в наши руки все ценности, которыми располагает правительство.

И в а н и ц к и й - В а с и л е н к о. Это касается того, что находится в Иркутске и на станции.

М и н. Б у р ы ш к и н. Мы решительно ничем не располагаем.

(Начинаются переговоры в общем о ценностях в монетах и бумагах, находящихся в Государственном банке в Иркутске и других учреждениях).

И в а н и ц к и й - В а с и л е н к о. Что касается золотого запаса, находящегося в Чите, то Япония объявила, что это золото предназначается в обеспечение займа, который еще не был заключен. Значит... юридически... оно находится в вашем распоряжении, но, покидая власть, вы должны заявить, что тот еще не использованный запас полностью передается новому правительству, которое берет на себя располагать им на практике.

Ч е р в е н - В о д а л и. Мы опять можем попросить союзников взять его под свою охрану.

Г. А х м а т о в. Мы не можем на это согласиться. Русский народ... один только... может располагать своими

ценностями, которые ему принадлежат. Мы считаем уни-
зительным для себя предлагать союзникам то, что мы имеем
право сберегать. Правительство Колчака понесет на себе
ответственность того, что сделали союзники... Определяя
положение этого запаса, мы оставляем за собою право пе-
редать его Сибирскому национальному собранию.

Червен-Водали. Это золото принадлежит всей
России, а не только Сибири.

Иваницкий-Василенко. Мы с этим согласны...
может было бы лучше его вперед нейтрализовать.
Ни коим образом мы не можем отдать его под контроль со-
юзникам. Мы знаем, что они исполняют это добросовестно,
и в наших интересах, но мы не хотим навязывать им эту
новую задачу. Мы знаем, что часть этого запаса рассорена.
Союзники в то время не имели над ним контроля. То, что
находится в настоящее время под их наблюдением, должно
быть возвращено в то место, где образуется правительство.
Вы также должны передать этому правительству все то,
что имеется в вашем распоряжении. Я предлагаю вам не
делать возражения этому. Все операции, которые следует
ликвидировать или начинать, все находятся в ведении
новой власти, а не в нашей — больше. Мы хотим точно
установить все подробности, чтобы донести об этом На-
циональному собранию, которое мы созовем.

Г. А х м а т о в. Колчак располагает только одной частью
национального богатства. Мы у вас не просим того, чего
у вас нет... но только то, чем вы располагаете.

Мин. Бурышкин. Насколько мне известно, часть зо-
лотого запаса уже отослана для покрытия займов.

Г. А х м а т о в. Вы же раньше говорили, что заем еще не
состоялся, это же было подтверждено японским комиссаром.
Теперь же с ваших слов получается обратная картина.

Мин. Бурышкин. Так как заем должен был быть
выдан нам частями, золото... ввиду беспокойствия на За-
байкальской дороге, отправлялось маленькими партиями.

Иваницкий-Василенко. Мы хотим только уста-
новить расточение золотого запаса. Мы достигнем этого при
союзной помощи. Вы должны нам помочь в том, и жаль
только, что вы уже отослали часть.

Червен-Водали. Можно рассматривать золото, на-
ходящееся в Сибири, как всероссийскую национальную

собственность. Мы однако не можем уверять, что в нашей власти... вернуть обратно золото, находящееся на Дальнем Востоке.

И в а н и ц к и й - В а с и л е н к о. Вы говорите, что это золото — национальная собственность всей России... по моему..., никто не должен им располагать до соединения всех элементов, теперь разрозненных, или до того дня, когда большая часть их объединится для образования нового государства, которому будет дано право располагать им вне всякого контроля.

Ч е р в е н - В о д а л и. Это формулирование допустимо.

Г. А х м а т о в. Я напоминаю, что начальная цель наших переговоров, — это достигнуть возможно скорее соглашения, чтобы прекратить кровопролитие. Мы не достигли пока никакого действительного результата, однако, я замечая, что ушел военный министр. Не означает ли это, что ваши военные власти вышли из-под вашего подчинения и готовят... без вашего ведома, а также нашего... возобновление неприязненных действий?

Ч е р в е н - В о д а л и. Надо разъяснить этот вопрос немедленно и узнать, где он [военный министр] находится. Я могу вам сказать только одно, что я уверен, что наши военные власти не примут никакого решения, не предупредив нас. Имеете ли вы особые причины, чтобы обратить наше внимание на то, что беспокоит меня самого.

Г. А х м а т о в (презрительно). Нет надобности прервать для этого заседание, но мы просим представителей союзных держав отметить в протоколе факт исчезновения военного представителя.

(Встает начальник штаба поручик Зоркин, движение и беспокойство в зале).

П о р. З о р к и н. Господа, исчезновение во время наших переговоров представителя военной власти правительства меня наводит на некоторые размышления, так как заметил... все время... его беспокойство, сидя в нашей среде. Кроме того, обращаю ваше внимание на поздний час... мы до сих пор не пришли ни к какому заключению... перемирие, как нами уже было сказано не будет продолжено... это великолепно учел военный министр, который незаметно встал и ушел. С вашего разрешения, мое присутствие в зале

является пока излишним... Я как военный начальник противного вам лагеря, не имею права остаться, ввиду подозрительного поведения генерала Ханжина здесь, мое место в частях, которые меня ждут. Мне необходимо принять меры для установления местонахождения военного министра и в случае чего... принять надлежащие меры. Я несу ответственность в военном отношении перед Политическим центром, а поэтому я удаляюсь...

(Раскланивается и уходит.

Все начинают разговаривать между собою. Г. Ахматов требует, чтобы декларация в принципе была бы сделана по поводу обратной передачи золота, говорит, что особый пункт должен обусловить эту передачу в акте отречения... Переходят к обмену мыслей относительно передачи подвижного состава и средств речной навигации, продолжая временами обсуждать вопрос о составлении деклараций по поводу передачи золота. Министры говорят, что они точно не знают, в каких руках находятся байкальские пароходы. В зале общее недоразумение ввиду явных ответов, содержащих в себе полное, якобы, неведение. Переговоры носят оттенок частных переговоров, в продолжении которых представители правительства ясно высказывают свое бессилие. Сводится разговор в шутильной форме к тому, что власть Колчака в настоящее время, которая называет себя Всероссийской, распространяется лишь на гостиницу „Модерн“ и несколько центральных улиц, прилегающих к этой гостинице. Постепенно переговоры принимают вновь характер официальных переговоров).

Г. А х м а т о в. Необходимо не упустить обозначить, что войска Семенова должны отступить.

Червен-Водали. Мы на этом будем настаивать.

Г. А х м а т о в. Вам также придется обозначить в вашей декларации на счет разоружения училищ.

Червен-Водали. Раз вы будете у власти, эти училища вам останутся верными.

(Снова переговоры принимают хаотический образ, один прерывает другого, слышится шум, вскоре опять утихающий. Беспорядочные разговоры ведутся относительно свободного проезда офицеров и солдат к Семенову. Василенко повторяет о том, о чем уже говорилось на предыдущих заседаниях. Он настаивает на полном разоружении юнкеров, хотя бы для простой формальности, он категорически отказывает в эвакуации и свободном проезде офицеров и чиновников, ему возражают, выставя желание некоторых лиц уехать. Он отвечает, что, по его мнению, они связаны присягой. Новое правительство уволит всех тех, которые покажутся ему вредными и бесполезными).

И в а н и ц к и й - В а с и л е н к о. Господа, не можете вы... же... требовать от нас, чтобы дать пропуск виновникам того, что случилось. Не могут же виновные спокойно сесть

в поезд и уехать, чтобы там (показывает рукой по направлению на Восток)... чинить новые незаконные деяния... Будет... Новая власть разберется в деяниях всех... виновные будут отвечать по закону, невиновным будет предоставлена полная возможность, если они пожелают уехать, куда им пожелается. Я настаиваю...

Червен-Водали. Необходимо от имени правительства, просить генерала Жанена занять временно город, чтобы установить порядок. Темные элементы не упустят случая, чтобы произвести грабежи, могут пострадать совершенно невинные люди.

(В это время, т. е. 9 ч. 55 м. вечера, входит генерал Вагин, который удалился, когда пришла весть о первых беспорядках, в голосе звучат достоинство и самоуверенность).

Ген. Вагин. Господа, в городе восстановлен полнейший порядок... все спокойно, патрули в большом количестве разъезжают по городу для обеспечения порядка.

Червен-Водали. Где генерал Сычев, принимает ли он какие-нибудь меры?

Ген. Вагин. Я его не видел и не знаю, где он, распоряжения сделаны мною... все спокойно.

Иваницкий-Василенко. Судьба наших товарищей партии с.-р., арестованных правительством, нас в высшей степени волнует, мы предлагаем вам немедленно освободить их и чтобы чешское командование взяло бы их под свою защиту.

Червен-Водали (генералу Вагину совершенно официально). Прикажите начальнику гарнизона сделать немедленное соответствующее распоряжение для освобождения арестованных, которые должны быть немедленно по освобождении переданы чешской охране. Я от имени правительства (обращаясь к членам Политического центра) могу поручиться Политическому центру, что до сегодняшнего вечера эти арестованные были совершенно здоровы и вне всякой опасности.

Казачий офицер (врываясь в зал). Отряд Семёнова покинул город... Генерал Сычев бежал на автомобиле... по дороге заехал к начальнику Оренбургского казачьего училища, не застав его, оставил ему следующую записку: «Спасайся, как я сам это делаю». Он снял части, ввиду начавшегося разложения и колебания среди них. Казаки

заперлись в своих казармах... они не берут на себя никакой ответственности, кроме самоохраны, можно ожидать в минуты на минуту серьезных беспорядков...

(Члены правительства, не скрывая своего смущения, ежеминутно спрашивают то одного, то другого, что нужно делать... никто им не отвечает... с ними больше не считаются, в зале шум, все говорят, громче всех начальник штаба).

Пор. Зоркин... Да, положение кошмарное... ну и правительство... а еще рассуждают как отречься, как передавать... сколько величия и самосознания. Положение ясно... ведь в правительственных войсках те же люди, что и у нас (шум в зале стихает)... они просто опасаются наступления со стороны наших... ведь это напрасное кровопролитие... а бегство начальника, да семеновских героев...

К а з а ч и й о ф и ц е р. Генерал Сычев уезжая передал всю инициативу оставшимся ему верным частям.

(Члены правительства еще больше волнуются, предчувствуя что-то нехорошее... совершенно упали духом... мин. Ларионов со вздохом опускается на стул, Вагин стоит смущенный...).

Ген. Вагин. Но, господа, может произойти что-то ужасное... ведь люди могут оказаться не людьми, я знаю такое безвластие, люди становятся зверями...

(Входит французский офицер, кланяется и подходит к полковнику Марино, что-то говорит ему на ухо полупрошептом).

Полков. Марино (посматривая на часы, на плохом русском языке)? Месье, теперь 9 часов и 50 минут, извиняюсь, что прерываю. Генерал Жанен меня извещает, что генерал Ханжин заболел, а главное генерал Жанен приказывает мне вам сообщить, что он получил сейчас по телефону извещение, что в городе не все... спокойно... в городе не все... спокойно... в городе большие беспорядки... начались.

Червен-Водали. В таком случае, от имени правительства прошу союзников занять город.

Г. А х м а т о в (волнуясь, выкрикивая). Та власть, которая там господствует, обязана навести немедленный порядок... там не наши войска... там (показывая на членов правительства)... ваши.

И в а н и ц к и й - В а с и л е н к о. Мы слишком часто уже обращаемся к союзникам, мы благодарим их за посред-

ничество, но сегодня вы должны иметь достаточно мужества отрешиться от власти без колебаний и позволить нашим войскам вступить в город. Нам... теперь... должна выпасть эта задача, так как вы показали себя неспособными выполнить это. Необходимо же... еще сегодня же...

(Входит начальник штаба поручик Зоркин, не дойдя до своего места, останавливается, волнуется и начинает говорить).

Поручик Зоркин (обращаясь к председателю Совета министров Червен-Водали). Вам, наверно, уже известно, что начались беспорядки в городе. Правительственные войска, несмотря на данное ими слово, покинули свои позиции и в беспорядке расходятся, другие покидают город, оставив вверенную им охрану.

Мин. Ларионов. Если будет необходимо, для сохранения спокойствия я отдам немедленный приказ... (волнуясь, сам не понимая что говорит)... артиллерия и авиация будет бомбардировать город, да...

Пор. Зоркин. Я полагаю, что министру должно быть известно, что авиация с первого дня восстания перешла на нашу сторону, значит (с насмешкой) вопрос этот по неволе отпадает, что же касается артиллерии, то вам уже доложили, что правительственные войска покинули свою позицию... какая там еще артиллерия... что ли Оренбургское военное училище... я полагаю, что сотни молодых жизней... не попадутся обманчивому призыву правительства, участь и так решена... если они окажут нам сопротивление... пусть пеняют на себя... (обращаясь к Политическому центру)... необходимо послать им немедленное предупреждение... я полагаю, что этого хватит... они поймут в чем дело.

(В зале волнение... происходит пререкание... слышатся голоса правительственных делегатов... „значит... все кончено“... „О, боже“... „что же будет“... „просить генерала Жанена“... „Он один может спасти положение“... „необходимо послать за ним и попросить спасти нас“).

Полк. Марино. Месье, я извещен, что генерал Жанен должен сейчас прибыть сюда... он издает распоряжения чехам.

Ген. Жа́нен (входя в залу со своим личным адъютантом). В городе творится бог знает что, полная анархия... такие донесения получены мною из чешского штаба. Я издал приказ... ввиду оставшихся отдельных банд, как семеновских, так и других солдат, чешскому гарнизону немедленно взять охрану города и мирных жителей в свои руки. Приказал поставить усиленную охрану у Государственного банка и у тюрьмы... мне сейчас доложили, когда чешский караул явился около Государственного банка... там оказалась эвакуация имущества в полном ходу... Караул обезоружил похитителей в то время, когда ящики с золотом стали накладывать на повозки, произошла незначительная перестрелка, и все имущество водворено на место, часть солдат арестована и содержится на чешской гауптвахте, часть же успела бежать. Около тюрьмы происходит бой, подробные донесения еще отсутствуют. Я, господа, удаляюсь к себе... у меня срочные дела в связи с этими происшествиями.

(Вид весьма суровый и рассерженный, при этом утомленный... кланяется и удаляется).

Иваницкий-Василенко. Я еще раз предлагаю членам правительства, здесь присутствующим, отдать немедленное распоряжение о пропуске наших войск в город. Это не должно рассматриваться, как попытка... сделанная для того, чтобы воспользоваться благоприятным моментом, мы должны повиноваться более высоким и гуманным чувствам. Город до прихода наших войск будет охраняться чехами. Приказание, которое мы вас просим немедленно сделать, представляет из себя величайшее значение. Оно как в ваших, так и наших... в обще-человеческих интересах... прошу вас... ответ.

Пор. Зоркин. Перемирие в действительности нарушено... продолжение его, к тому же, не осуществимо... из-за сложившихся обстоятельств, а также по техническим соображениям, так как слишком уже поздно... (посматривая на часы). Наши войска войдут в город, я сделаю немедленно соответствующее распоряжение (удаляется).

Г. Ходукин.

(Входит в то время, как начальник штаба пор. Зоркин выходит, последний останавливается. Ходукин полуголосом Зоркину).

Все сделано, войска наши вступают в город. Правительство не в состоянии сделать более что-либо (подходит ближе к столу, за которым все сидят). Господа... командующий сибирскими национальными войсками капитан Калашников отдал приказ войскам войти в город по просьбе самого населения, которое явилось делегацией к нашим членам, расположенным вне города.

(В зале шум, растерянность среди членов правительства, генерал Вагин приближается к выходным дверям, получается вид бегства... Ходукин повышает голос, говорит медленно и отчетливо, в зале устанавливается тишина).

— Ввиду того, что правительственные войска разбежались, население просило об охране, 53-й Сибирский полк вступил в город. Перемирие нарушено в силу того, что правительственные войска фактом своего бегства произвели движение, цель которого нам неизвестна.

Мин. Ларионов (неуверенным голосом). Господа, в силу сложившихся обстоятельств и заявления генерала Жанена, что город занят чешскими войсками... за спокойствие ввиду чего можно поручиться, и ввиду того, что наши обсуждения и передача власти... еще не оформлена... я от имени правительства прошу вас продления перемирия.

(Неизвестный входит в зал, направляется прямо к г. Ходукину и что-то говорит ему вполголоса).

Г. Ходукин. Город фактически занят... Некоторые части перешли добровольно к восставшим и заняли город от их имени. Порядок... установлен... В общем все спокойно... Я объявляю заседание закрытым. Власть старая пала, по воле народа. Политический центр вступает в исполнение своих обязанностей и передает власть Национальному собранию, которое будет созвано в самом непродолжительном времени.

(Все встают, подходят друг к другу, делегаты враждебных партий мирно беседуют маленькими группами, получается впечатление вечера, который заканчивается.

11 ч. 25 м. вечера.

Мирная беседа сменяется живым обсуждением предыдущего заседания, получается впечатление, что вчерашняя вражда забыта. Все делегаты правительства на местах, лишь генерал Вагин незаметно исчез. Все смеются, даже слышны шутки. Слышно, как на перроне вокзала расставляется караул революционных войск.

11 ч. 40 м. вечера.

Все расходится, не подписав ни протокола ни порядка дня).

[Конец переговорам положило бегство колчаковцев из Иркутска и победа революционных частей в городе. Политцентр стал у власти на время. Закрепление победы для него было невозможно в связи с тем, что широкая революционная волна, захлестнувшая весь тыл колчаковщины, шла под знаком восстановления советской власти. Представители Политцентра вынуждены были всем ходом событий вскоре вступить в переговоры с советской властью. 19 января в Томске было достигнуто соглашение о необходимости организации Восточно-сибирского государства-буфера. Остроту приобретал только вопрос о границах этого буферного государства, представители Политцентра настаивали на включение Иркутского округа с центром новой власти в Иркутске. Однако, сама жизнь сделала это невозможным. 22 января 1920 г. вся власть Политцентра перешла в руки Иркутского военно-революционного комитета.

Постановлением последнего 7 февраля 1920 г. был расстрелян адм. Колчак и бывший председатель Совета министров Пепеляев. 7 марта 1920 г. в Иркутск вошли части Красной армии.

Создание государства-буфера, в силу целого ряда труднейших условий, стало необходимостью уже в отношении территории, лежащей восточнее Байкальского озера.

6 апреля было образовано правительство Дальневосточной республики в Верхнеудинске. Борьба с интервенцией на Дальнем Востоке продолжалась до конца 1922 г. 25 октября 1922 г. Владивосток был занят войсками Народно-революционной армии. 10 ноября была ликвидирована Дальневосточная буферная республика, и вся власть перешла к советам.]

